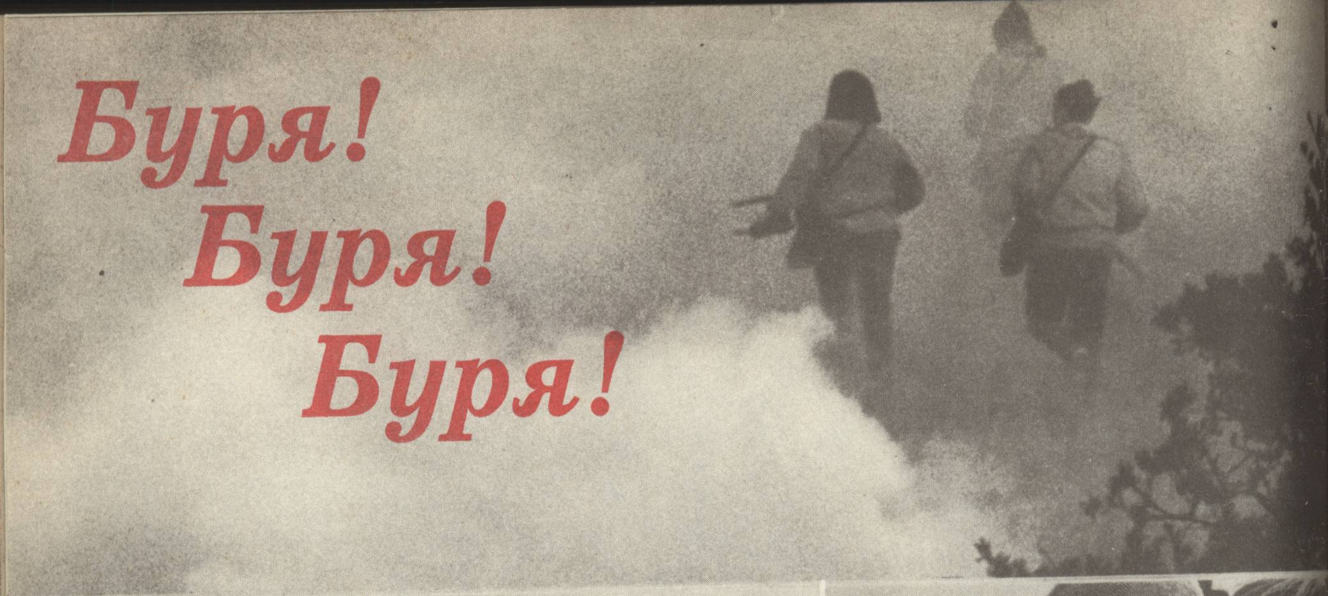
ПИОНЕР 2

ФЕВРАЛЬ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Буря! Буря! Буря!

Ровно в 9.30 над Артеком взревела сирена, затрещали телефоны, и взволнованные телефонисты передали тревожное: «Буря, буря, буря!» Военная игра «Аюдаг-2» началась.

Батальоны юнармейцев (на этот раз они состояли из зарничных командиров и комиссаров, начальников штабов и активистов «Зарницы», собравшихся на слет юнармейцев в Артеке) пошли на штурм высот.

Оружие было деревянным, минным полем стала лужайка. Чтобы не взорваться на мине, надо было пройти лужайку, перепрыгивая с возвышения на возвышение. Перед наступающими рвались самые настоящие взрывпакеты, и густой белый дым стелился по земле...

На наблюдательном пункте за ходом игры следили гости слета «Зарницы» — ветераны войны. Юнармейцы знали об этом и изо всех сил старались не подкачать. Среди гостей были сыны полков.

Фронтовой разведчик, кавалер ордена Красной Звезды Николай Букин сказал:

Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

— Мы мальчишками уходили на фронт, понятия не имея о том, что такое бой и дисциплина боя, что такое оружие и как его держать в руках. Эти ребята все знают. Случись что — они не подведут.

А батальоны шли на штурм, и над ними реяли красные знамена.

...Бой кончился. Ребята отирали пилотками потные лица, обменивались впечатлениями, а потом ели у походной кухни кашу. Солдатскую кашу.

И. НИКОНОВ

КЛЮЧ К НОМЕРУ

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ФЕВРАЛЬ 2

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

Вся наша Советская страна живет сейчас одним общим радостным чувством. Победно завершилась восьмая пятилетка. Задания партии выполнены раньше намеченного срока. Сделано больше намеченного планом. Страна широко шагнула вперед! Мы так же уверенно идем и дальше. План на нынешний, 1971 год, за выполнение которого взялись советские люди,— это ведь составная часть новой пятилетки.

Как по планам партии будет развиваться наша страна в следующем пятилетии, ты прочтешь в номере.

●

В феврале, как водится, в лесу и на снежной равнине кипят жаркие сражения **«Зарницы».** Юнармейцы ловки и отважны. И командиры не промах. Еще бы! За плечами наука Артека.

●

Рассказ белорусского писателя **Валентина Тараса** — память о суровой войне с фашистами.

●

В номере рассказ о тех, кто сегодня несет службу в Вооруженных Силах страны,— «Часовые отцовской славы».

●

Кто-то смотрел на них с улыбкой: «Пусть играют!» Кто-то считал: «Хорошо, пусть ребята учатся...» А они и играли, и основательно учились, и делали настоящие открытия. Писатель **Юрий Сотник** рассказывает о ребятах из пионерской Академии наук.

●

Улица современного города. Бесконечный поток машин и пешеходов. Как ею управляют сегодня, беспокойной улицей? Как становится она безопасной?

●

Из чего складывается хоккей? Кого берут сниматься в кино? Почему марал боится веревочки? Что нужно для кругосветного путешествия? Ответы в номере.

Валентин **ТАРАС**

КРЕЩЕНИЕ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки С. **ТРОФИМОВА.**

ЧАСТЬ

1

Меня крестили дважды: первый раз в костеле, в городе, в котором я родился, а второй раз в православной церкви, в месечке Руневичи.

Как это было в первый раз, я не помню и не огу помнить, потому что был крохотным ребеном. Бабка Ядвися окрестила меня тайно, без веома родителей, и крестильного крестика на меня тот раз не повесили. А после крещения в церк я целых три месяца носил на шее кретик, маленький латунный крестик на белой есемке...

Попа, который меня крестил, звали отец лексей.

До этого я видел попов только в книжках, и поп в моем представлении должен был быть пузатым, гривастым, с большой косматой бородой. И лоб у него должен был быть толоконный. Что такое «толоконный», я толком не знал, но зато хорошо знал сказку Пушкина «О попе и о работнике его Балде»:

Жил-был поп,
Толоконный лоб...

Толоконный лоб представлялся круглым, гладким и гулким, как чугун, в котором бабка Ядвися кипятила белье.

Но у отца Алексея не было ни пуза, ни лохматой гривы, ни косматой бороды. И лоб у него был обыкновенный, морщинистый, с бородавкой над переносицей. Волосы, правда, были у него длинные, точно у женщины, гладкие седые волосы, расчесанные на прямой пробор, и сивая бороденка клинышком. Нос картошкой, глаза голубые, чуть слезящиеся. Старичок как старичок, только в рясе.

Он велел мне разуться, а крестный отец Шура Дорожко приподнял меня и опустил пятками в купель,— не будешь же окунать меня всего в эту лохань, рассчитанную на новорожденных младенцев!..

Затем отец Алексей стал фукать на меня, дуть мне в нос и в уши — изгонять дьявола. Он фукал, и от него попахивало водкой, а мне было щекотно, когда он дул мне в уши, но я стоял смирно и только глупо улыбался.

Потом в руках у него появилась кисточка, он обмакнул ее в медную чашу и мазнул меня по лбу и по щекам. Это он меня миром мазал, но я тогда не знал, что это благовонное, золотистое, как мед, масло называется «миро». Оно пахло необыкновенно вкусно, и у меня потекли слюнки. А отец Алексей замахал кадилом и серебряным крестом...

Окончив обряд, он вырвал у бабки Ядвиси плетеную корзинку с подношением и, шелестя рясой, повел всех нас — меня, бабку, крестного отца Шуру Дорожко и крестную мать Таню Гриневич — в какую-то боковушку. В этой боковушке было что-то вроде конторы.

Усевшись за обшарпанный стол, отец Алексей распотрошил корзинку. Развернул завернутое в тряпицу сало, понюхал, развязал тугие холщовые мешочки с крупой, посмотрел, что в них, завязал снова и голубенькими, с прозрачной слезой глазками посмотрел на бабку, которая суетливо пересчитывала помятые рубли и трешки.

— Грошей не возьму... Уговор был...

Бабка испуганно оглянулась на крестного. Крестный торопливо полез в боковой карман и вынул тоненькую золотую цепочку от медальона, положил на стол. Цепочка свернулась, как змейка. Поп взял ее за кончик двумя пальцами и, опустив в ладонь левой руки, покачал ладонь вверх и вниз.

— Паутина!..

Бабка заплакала:

— Дануси моей покойной ланцужек...

— Ладно! — вздохнул отец Алексей.— Сойдемся.

Он выдвинул ящик стола и смахнул в него цепочку. Мамину. От медальона...

Потом поп и крестный пили спирт.

Наливал крестный отцу Алексею в граненый стаканчик, себе — в эмалированную кружку, на донышко.

Таня, бабка и я сидели на скамье у стены и смотрели, как они пьют.

Крестный, мешковатый, растерянно улыбчивый дяденька в домотканом пиджаке и таких же брюках, заправленных в желтые польские сапоги, запивал спирт водой из графина, шумно дышал, широко разинув рот, и все повторял:

— Умное дело сделали, ей-богу, умное!..

Отец Алексей опрокидывал стопку, не запивая, коротко выдыхал из себя воздух, крякал, нюхал корочку хлеба.

Закусывали они хлебом и репчатым луком, макая луковицы в соль; сало отец Алексей спрятал в свою кошелку, которая стояла под столом; сало и все мешочки из бабкиной корзинки. Лук — целая связка — лежал на подоконнике. Стол был придвинут к окну, и отец Алексей, не вставая, откручивал от связки луковицу, ногтями сдирал с нее кожуру, с хрустом разгрызал, и глазки его еще больше наполнялись прозрачными слезами. Улыбаясь, моргая белыми ресницами, плакал и Шура Дорожко — размякший и добрый.

Бабка вздыхала, сморкалась, вытирала краешком клетчатого платка глаза и встрепенулась испуганно, когда крестная, обняв меня за плечи, вдруг сказала громко:

— Только вы уж молчите, батюшка, ради бога!..

Крестный виновато посмотрел на попа, отрезвел сразу и тоже сказал осекшимся голосом:

— Ага... Потому как... Это самое... Не скажите кому...

Отец Алексей хмыкнул, придвинул к себе бутылку. Налил.

Он пил стопку за стопкой и все больше и больше хмелел.

Он выпил очередную стопку, изумленно вытаращил глазки.

— Есть бог?

Моргнул и сам себе ответил:

— Есть.

Нос его распух и стал красным...

●

Церковь, где все это происходило, и поныне стоит в местечке Руневичи посреди заросшего явором и березами кладбища, но теперь она не кажется мне такой громадной, как в тот жаркий августовский день моего вступления в православие.

Я был тогда долговязым двенадцатилетним мальчишкой в серых молескиновых штанах и в зеленой майке с длинными рукавами, в сандалиях на босу ногу и в соломенной тюбетейке, белобрысый, курносый и щербатый: у меня поздно выпадали молочные зубы.

В двенадцать лет мальчишки почти не обращают внимания на свою внешность, но вдруг оказалось, что это очень важно: что я белобрысый, курносый и что у меня синие глаза.

— Естесь цалковиты поляк, естесь бардзо подобны на свэго вуя Стася,— говорила бабка Ядвися.— То бардзо добже, децко мое коханэ. Нех пан буг брони!..

Бабка Ядвися разговаривала только по-польски, и я с малых лет научился ее языку, хотя сам разговаривал с ней по-русски.

Бабкины слова означали, что я вылитый поляк и очень похож на своего дядю Стася и что это очень хорошо, что я похож на дядю. Храни нас бог!..

То, что я поляк, я знал и раньше. Мальчишки, поссорившись со мной, донимали обидной песенкой:

Пан Пилсудский
Сел на куцки,
Раскорячился...

Песенка была неприличная, а мальчишки, присе-

дая под нашими окнами на «куцки», то есть на корточки, выкрикивали ее до тех пор, пока бабка Ядвися, схватив кухонное полотенце, не выбегала во двор.

— Пани Ядвися, иди помолися! — вопили мальчишки, плясали вокруг бабки и строили рожи.— Пани Ядвися, иди помолися! Матка боска ченстоховска!

Бабка, воротясь, в сердцах стегала полотенцем меня:

— Не бався с тыми детьми! То псы, не дети!

Но скоро я носился по улице вместе с «псами», и мальчишки называли меня так же, как бабка Ядвися,— Костусь...

Костей меня называл отец. Я не часто видел его, он служил на границе, в Бресте, и редко бывал дома. Раньше, когда была жива моя мать, он приезжал чаще и первое время после ее смерти каждые две недели. Потом он стал приезжать реже, и я почти отвык от него... Но все равно в дни приезда отца мне завидовала вся улица.

Еще бы! Во двор въезжала синяя «эмка», подкатывала к самому нашему крыльцу. Из «эмки» выходил высокий командир в кожаной куртке, в фуражке с зеленым околышем и зеленым верхом, в галифе стального цвета, в хромовых сапогах. Куртка на правом бедре оттопыривалась, а когда он нагибался, вынимая из багажника чемодан, из-под куртки показывалась желтая кобура.

У мальчишек раздувались ноздри! От командирской кожаной куртки, от его хромовых сапог, от перехваченного ремнями чемодана исходил какой-то совсем особенный, волнующе-тревожный запах, которому нет названия и который во все времена заставляет биться мальчишечьи сердца...

Командир подымался на крыльцо, провожаемый взглядами внешне безразличных мальчишек, а из кабинки вылезал водитель. Не обращая ни на кого внимания, он озабоченно обходил «эмку» со всех сторон, постукивая носком сапога по скатам, затем вынимал из кармана кусочек замши и протирал ветровое стекло, долго дышал на него и хукал. Затем он просовывался в кабинку, вынимал из-под сиденья ветошь и с ветошью в руках снова обходил «эмку» со всех сторон, смахивал пыль с капота и крыльев и тоже долго дышал и хукал на поверхность металла — синяя эмаль затуманивалась и снова сверкала на солнце. А водитель опять просовывался в кабинку, приподымал сиденье и вынимал из-под него брезентовое ведро. И вдруг, обернувшись, спрашивал у всех сразу:

— А ну, пацаны, кто принесет водички?

Мальчишки всей гурьбой хватали ведро, мчались в соседний двор к колонке, качали воду и, расплескивая, бегом доставляли ведро водителю. Замерев, они смотрели, как он заливает воду в радиатор, как завинчивает круглую блестящую крышку. Водитель озорно подмигивал им, улыбчивый, веснушчатый, с выгоревшими бровями, в новенькой пилотке, сдвинутой набекрень. В зеленых петлицах его гимнастерки алели два треугольничка, а над карманом был значок «ворошиловского стрелка». Вот только нагана у него не было, но все равно это был красноармеец, пограничник, и от него тоже исходил волнующе-тревожный запах, запах новых кирзовых сапог, ремней, свежей гимнастерки, запах походной жизни. И сердце билось тревожно и радостно.

Спрятав ведро, водитель проверял зажигание, вынимал из приборной доски ключи, плотно захлопывал дверцу и шел в дом, на прощание погрозив мальчишкам пальцем. Но они тут же облепливали «эмку», как пчелы улей.

Что же мне нужно было для счастья в такой день? Ведь это к нам приехала синяя «эмка», ведь высокий командир в кожаной куртке — это мой отец, это меня потрепал по плечу водитель и сдвинул мне на нос тюбетейку: «Здорово, Костик!»

В последний раз отец приехал за несколько дней до войны. «Эмка» высадила его у крыльца, развернулась и тут же ушла. Отец был без чемодана, с одной полевой сумкой. Он рассеянно поцеловал меня в щеку, спросил, дома ли бабка, и поднялся на крыльцо.

Бабка сидела за швейной машинкой и меняла катушку. Увидев отца, она перекусила нитку, сняла очки и поджала губы. Она всегда, когда приезжал отец, становилась непохожей на себя.

— Здравствуйте, мама,— сказал отец и снял фуражку.— Я ненадолго...

Бабка высоко подняла брови: он никогда не называл ее мамой. Только один раз он назвал ее так — в тот вечер, когда умерла моя мать. Он пришел тогда из больницы насквозь промокший, какой-то весь черный, с запекшимися губами, никак не мог расстегнуть прилипший к плечам плащ. В передней было холодно, дождь барабанил по крыше, ветер ломился в дверь, а бабка стояла на пороге комнаты босая, в длинной ночной рубашке и держала руки у горла.

Дверь отцу открывал я и теперь стоял посреди передней и весь дрожал — не от холода, а от страха...

Он так и не смог расстегнуть плащ, беспомощно уронил руки, лицо его искривилось в странной гримасе, показалось, что он улыбнулся — вымученно и жалко.

— Мама, Данка умерла...

И затрясся в беззвучном плаче.

И вот теперь он снова назвал бабку мамой, и бабка высоко подняла брови.

— Проше сядать...

Отец оглянулся по сторонам, поискал глазами, куда бы положить фуражку, и положил ее на шкаф — стол был загроможден бабкиными выкройками и материей. Он положил фуражку, улыбнулся мне ласково и как-то виновато, медленно подошел к столу и сел. Бабка с преувеличенным вниманием рассматривала выкройку. Отец вынул коробку «Линкора», взял папиросу, постучал мундштуком по краешку стола.

— Мама,— негромко и сдержанно заговорил он.— Через пятнадцать минут за мной придет машина. Очевидно, я не скоро смогу приехать. Очень не скоро... Я хочу вам сказать, мама, что,

кроме Костика и вас, у меня никого нет. Берегите его и себя.— Он помолчал, опять постучал мундштуком папиросы по краешку стола.— Если что-нибудь случится, вас не оставят...

Бабка молчала, и у нее было безразличное лицо. Отец вздохнул, передвинул с бедра на колени полевую сумку, вынул из нее пачку денег.

— Я оставляю вам тысячу рублей на первое время. Потом вы будете получать аттестат...

Бабка еле заметно кивнула, а отец вынул из полевой сумки блокнот.

— Прошу вас, мама, если что-нибудь случится, вам лучше будет уехать отсюда. Я оставляю вам адрес двоюродного брата. Вот. Саратов, улица Разина.— Он вырвал из блокнота листок, осторожно положил перед бабкой, помолчал.— Еще раз прошу вас, в случае чего, берегите Костика и себя. На границе...— Он запнулся.— На границе очень тревожно...

Бабка, отрешенно глядя куда-то в угол, заговорила тихо, как бы сама с собой, словно жалуясь самой себе:

— Завше тылько нещеньсте в моим дому, тылько беда... Змарл менж, змарл Стась, змарла Данута... Пшез цалэ жите мушам несть чарны кшыж... За цо? Езус коханый, за цо? Альбо ж нигды пан бут ми не даруе тэго, же отдала своям цурка за еврея?

Отец медленно встал, подошел к окошку, забарабанил пальцами по стеклу, глухо сказал, не оборачиваясь:

— Здесь Костик...

Бабка посмотрела на меня незнакомым, чужим взглядом, сухо сказала:

— Идь, Костусь, идь, бавься с детьми.

Я тихонько вышел из комнаты, пошел на кухню и сел у окна. Во дворе копошились куры, лениво переругивались соседки, развешивающие белье, надрываясь, плакал чей-то ребенок. Мир за окном был такой же, как всегда, но что-то тяжелое, непонятное входило мне в сердце. Эти бабкины слова... Я слышал их второй раз... В тот вечер, когда отец пришел из больницы, она сказала то же самое, слово в слово...

«Мама, Данка умерла»,— сказал отец и затрясся в беззвучном плаче. Бабка не шелохнулась, не закричала, только губы у нее перестали дрожать, она прикусила их до боли, и глаза сделались неподвижными, точно у птицы. Она стояла на пороге комнаты, босая, в длинной ночной рубашке, и держала руки у горла. Глядя на отца и не видя его, обращаясь к кому-то другому, постороннему, кого здесь не было, она сказала то же, что и сейчас:

«Всегда только несчастье в моем доме... Только беда... Умер муж... Умер Стась... Умерла Данута... Всю жизнь я несу черный крест... За что? Езус коханый, за что? Или господь никогда не простит мне того, что я выдала свою дочь за еврея?»

Так я узнал, что я не только поляк. И думать обо всем этом было странно. Странно и тяжело. Потому что раньше я никогда не задумывался, кто я. Я знал одно, что, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция, я бы не родился. Я не мог бы родиться, если бы не революция. Так однажды сказал отец, давно, когда еще жива была мама.

У нас были гости, и зашел вдруг какой-то непонятный для меня разговор. И кто-то из гостей спросил:

— А кто же ваш Костя? Русский, белорус, поляк или еще кто-нибудь?

Отец засмеялся и сказал:

— Костя у нас просто советский. Не будь революции, он бы не мог родиться. Разве могли пожениться до революции сын сапожника с Калмановки и польская панночка из приличной семьи?

Я твердо знал одно: я советский. И Женька Курганский был советский, и Славка Станюта, и Рувка Зильберштейн, и Колька Ивенец—все мальчишки с нашего двора. Потому что все они родились после революции, при Советской власти. И только старая карга Занемониха, только она знала, что Женька белорус, Славка тоже белорус, Рувка еврей, а Колька русский. Что касается меня, то я, по определению Занемонихи, был «мешанец».

Мы, конечно, тоже знали, кто мы такие, но это было совсем другое знание, нежели у Занемонихи,— она вкладывала в понятие «национальность» какой-то особый, неясный для нас смысл. Но какое нам дело было до Занемонихи?

Она была бывшая домовладелица, и наши дома когда-то принадлежали ей, давным-давно, до той самой революции, в результате которой стало возможным, чтобы мой отец женился на моей маме, панночке из приличной семьи. Но никакая она была не панночка! Она ходила в синей юбке и в такой же синей ситцевой блузке, в красном берете и всегда напевала свою любимую песню: «Вставай, вставай, кудрявая! В цехах, звеня, встает страна со славою навстречу дня!» А Занемониха была «черная сотня». Так ее называл мой отец, когда мама однажды рассказала ему, что Занемониха при встречах с ней плюется и обзывает гадкими словами.

— Что ты хочешь? — сказал отец.— Это же «черная сотня». Только не опасная, выжившая из ума. Не обращай внимания.

Занемониха с клюкой в жилистых, цепких руках гоняла ребят из сада. Сад этот принадлежал всему двору, но Занемониха никак не могла забыть, что когда-то это был ее сад.

Она, потрясая клюкой, обзывала нас антихристами, недоверками и вещала:

— Накажет вас господь бог, ироды, накажет!

Но мы знали, что бога нет.

●

— Есть бог? — спрашивал отец Алексей и сам себе отвечал: — Есть!

Бабка пришибленно молчала, мои крестные родители несколько раз уже напоминали попу, что пора бы и закончить дело — выписать мне метрику.

— Выпишем! — обрывал он их.— Не обманем!

Вдруг отрезвев, он подозвал меня к себе.— Молиться умеешь?

Вдруг отрезвев, он подозвал меня к себе.
— Молиться умеешь? Выучила бабка?
— Умею...
— Надо говорить — батюшка. Умею, батюшка!
— Умею, батюшка...
— Читай «Отче наш»!
— Ойче наш,— начал я еле слышно,— ойче наш, ктуры есть в небесях, свенть имя твое, пшидь крулевство твое, бондь воля твоя...

— Православную читай,— перебил он сурово.— По-русски.

— По-русски не знаю...

— Не знаю,— хмуро улыбнулся он.— Надо знать. Ты теперь православный, а не католик. Вот

слушай: отче наш, иже еси на небеси... да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя...

Он замолчал, пожевал губами, сказал миролюбиво:

— Так вот, хлопчик, метрику христианскую мы тебе выпишем. А ты чтоб в церковь ходил аккуратно, благодарил господа за спасение души. Молитвы учи, к святому причастию готовься, к исповеди.

Он вынул из стола лист желтоватой бумаги. На нем был изображен крест, по углам — ангелы. Над крестом полукругом шла какая-то надпись славянской вязью. Какое-нибудь евангельское изречение или название церкви в Руневичах, не знаю.

Отец Алексей поставил перед собой школьную чернильницу-невыливашку, обмакнул в нее ученическую ручку и стал вписывать в метрику сведения обо мне.

— Яков — это и у христиан Яков... Ты, стал быть, Константин, сын Якова и Дануты... Так... Фамилия у тебя тоже христианская — Березовский...

Затем он вписал те же сведения в толстую конторскую книгу и отдал метрику бабке.

— В церковь чтоб ходил непременно. Я замечу...

...Отец Алексей знал тайну моего происхождения от Шуры Дорожко и потому был особенно строг. По той же причине он потребовал за крещение платы золотом. А какое у нас было золото? Мамина цепочка от медальона, тоненькая золотая цепочка — единственное, что бабка успела спасти из вещей в тот страшный день 24 июня сорок первого года, когда «юнкерсы» разбомбили наш город — и наш дом, и весь двор, и весь переулок, и весь квартал в один какой-то час охватило пламя.

А 28 июня пришли немцы. Но когда они пришли, мы с бабкой жили уже в Западной Белоруссии, в местечке Руневичи, у дальней бабкиной родни — у стариков Юзефовичей. Моя крестная Таня Гриневич была их вдовая дочь, а Шура Дорожко набивался ей в мужья. Он был добрый, этот Шура Дорожко, добрый и простодушный, и, когда бабка решила меня окрестить, он, договариваясь со священником, выложил ему все...

Сперва бабка хотела крестить меня в костеле, хотя я был крещен в костеле во младенчестве, но ведь нужна была метрика, и решено было крестить меня в церкви...

Бабка благоговейно взяла метрику, лист желтоватой бумаги, который должен был заслонить меня от страшного ветра войны и ненависти, от расистских законов гитлеровской Германии, от фашистского изуверства... Плотный лист желтоватой бумаги с изображением креста, ангелов, со славянской надписью. На нем не было никакой печати... Но бабка взяла его благоговейно и бережно, спрятала в рыжий, вытертый ридикюль и вдруг, поймав руку отца Алексея, горячо припала к ней губами.

— Спасибо пану! Як бога кохам!

Когда мы вышли из церкви и сидели на лавочке среди могил, бабка вынула метрику из ридикюля, долго рассматривала ее, шевеля губами, и, спрятав снова, грустно сказала:

— Вшистко едно, католицка вяра люб православна. Пан буг едэн.

И Шура Дорожко, заморгав белыми ресницами, сказал, что действительно безразлично, католической ты веры или же православной. Бог один. Только Таня ничего не сказала, ласково погладила меня по голове и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

На кладбище пели птицы, тихо шелестели березы, золотились на солнце гранитные памятники, пахло нагретой масляной краской от голубых железных крестов и таких же голубых оград. Бабка тихо и умиротворенно шептала молитву, перебирая в пальцах ружанец — католические четки. Она была совсем старенькая, маленькая какая-то, пришибленная — война, все, что случилось, как-то сразу подкосили ее, и она совсем не была похожа на прежнюю, чуточку суровую бабку Ядвисю...

Она перебирала в пальцах свой ружанец и верила, что спасла меня от всей этой нечистой силы в стальных касках и черных эсэсовских мундирах, а церковная метрика именем бога удостоверяла, что я, Константин Березовский, сын Якова и Дануты, крещен в православной церкви местечка Руневичи в лето тысяча девятьсот сорок первого года, августа двадцатого дня...

ЧАСТЬ 2

Меня война пришибла тоже. Я стал робким, застенчивым, чего раньше со мной никогда не было, все время чего-то боялся, и прежняя довоенная жизнь казалась далекой-далекой, хотя с начала войны прошло всего лишь несколько месяцев. Казалось, что это было всегда: Руневичи, тихий, деревянный городишко с огородами, коровами, бредущими по улице с поля, деревенская хата с соломенной крышей, старая хата Юзефовичей, в которой мы теперь жили с бабкой, вечера без света, при лучине, а потом при коптилке, выстрелы по ночам, дни в тоскливом ожидании чего-то страшного, непонятного и беспощадного. И молитвы, молитвы, молитвы...

— Молись,— говорила бабка,—молись, децко мое коханэ. Жебы пан буг уратовал жите, жебы згинул тэн нелюдски окрэс!

И я молился, молился за то, чтобы, как говорила бабка, бог спас мне жизнь, чтобы кончилось это нечеловеческое время.

— Молись, молись, дитятка,— говорила старуха Юзефович, и старый Юзефович тоже говорил: — Молись! Молись, хлопец, никто, акрамя бога, не спасет. Бог покарал, бог и спасет. Молись!

Я молился утром и вечером, и садясь за стол, и ложась спать, и крестился, выходя из дому, на иконы, и входя в дом, и на церковь, когда подходил к ней, и, оглядываясь, когда уходил после заутрени или вечерней службы. Отец Алексей зорко примечал меня в церкви, смотрел, как я бухаю поклоны.

Я знал теперь все основные молитвы и носил на шее крестик — его подарила мне старуха Юзефович, этот маленький православный крестик, хотя сама она была католичка.

— Молись! Молись! Молись!

Только крестная моя, Таня Гриневич, не напоминала мне каждый день: «Молись!» Ей вообще было не до меня, все время она думала о чем-то, молчала и совсем отвадила от себя Шуру Дорожко, а когда родители выговаривали ей за это, она отвечала, что он дурак, рохля и трус. И вообще, кто теперь думает о свадьбах? На могилах, на крови, на горе, которое кругом, свадьбу играть?

И дома она бывала редко, уйдет с утра, а воротится поздно вечером. Куда она уходила, бог весть. Не работала нигде и говорила, что не пойдет работать на «этих»...

Она меня почти не замечала, Таня, а здешних мальчишек я сторонился, и они на меня поглядывали иронически: слишком я был для них городской, столичный, игры у них были совсем другие, нежели у нас до войны. Они не играли ни в «пикера», ни в лапту, ни в «квача». А когда я однажды попытался им объяснить, что это за игра — в «квача», заработал кличку «Чур-не-квач!».

— Чур-не-квач! — кричали они мне в спину. — Чур-не-квач — поп-бородач!..

●

Немцев в Руневичах было мало: комендатура полевой жандармерии, или «фельдкомендатур», и какая-то хозяйственная часть. Гарнизонную службу несли полицаи.

Хозяйственная часть размещалась в здании, принадлежавшем когда-то райпотребкооперации. Это было длинное бревенчатое здание, одноэтажное, с трех сторон огороженное высоким забором. Со стороны улицы забора не было, а только редкая колючая проволока и проходная будка-грибок. Иногда в ней стоял часовой, иногда нет. Обычно он стоял в те дни, когда сюда привозили на работу советских военнопленных из лагеря, находившегося где-то за Руневичами.

Здание стояло в глубине двора, на отшибе от улицы, упираясь задней стеной в забор, за которым начинались картофельные поля и огороды. Во дворе военнопленные пилили и кололи дрова, складывали их в поленницу, сколачивали какую-то дощатую пристройку.

Привозили их небольшими группами, по десять — двенадцать человек, и обычно в тот же день увозили обратно в лагерь. Но случалось, что их оставляли ночевать — прямо во дворе, под открытым небом, и тогда их охраняли человек пять полицаев.

По дороге в церковь я всякий раз проходил мимо этого здания, но военнопленных видел только издали: им не разрешали подходить к проволоке.

Но вот однажды — это было уже в конце сентября — возле проходной будки сгрузили несколько машин сырых досок и бревен, и военнопленные должны были таскать их в глубину двора, туда, где сколачивалась пристройка. В тот день шел мелкий, но спорый дождь, и улица тонула в грязи. Возле кучи досок и бревен возились двое пленных, пытались вытащить из нее длинную неструганую доску. Один из них стоял спиной ко мне, когда я подходил, а второй смотрел прямо на меня. Он был в лохмотьях шинели, в грязной, засаленной пилотке с опущенными на уши отворотами и босой. Красные большие ступни утопали в грязи по щиколотку. Лицо у него было заросшее, воспаленные глаза слезились. Я подошел совсем близко, и вдруг он сказал, глядя на меня и как бы мимо:

— Не спеши, мальчик, остановись на минутку.

В первое мгновение я не понял, что это он ко мне, и пошел было дальше, но он повторил хрипло:

— Не спеши!.. Стань здесь, за досками, немец тебя не увидит...

Я попятился, зашел за штабель, и тут обернулся второй. Он обернулся, и сердце у меня провалилось в пустоту, во рту стало сухо и шершаво. И чей-то голос, не мой, отчаянный, как рыдание, воскликнул:

— Дядя Толя!..

Но это все-таки был мой голос, это я крикнул или прошептал, а показалось, что крикнул. Потому что на меня смотрел папин водитель. Он тоже был в пилотке с опущенными на уши отворотами, в рыжей, прожженной во многих местах шинели, в разбитых кирзовых сапогах — подметки их были подвязаны разлохмаченными веревками.

— Ты ошибся, мальчик, — сказал он негромко. — Я не дядя Толя...

И улыбнулся невесело, одним лицом, а глаза остались широко раскрытыми, как от боли, немигающими...

Я теперь и сам видел, что ошибся, обознался в первую минуту, а он и босой, поглядывая в сторону будки с часовым, снова принялись выдергивать из штабеля ту же доску, медленно, не спеша.

— Ты стой здесь, — сказал босой, не разгибаясь. — А мы будем с тобой разговаривать. Ты местный?

— Нет, я приезжий... — Голос у меня вздрагивал, я здорово трусил, хотя часовой не мог видеть меня за штабелем.

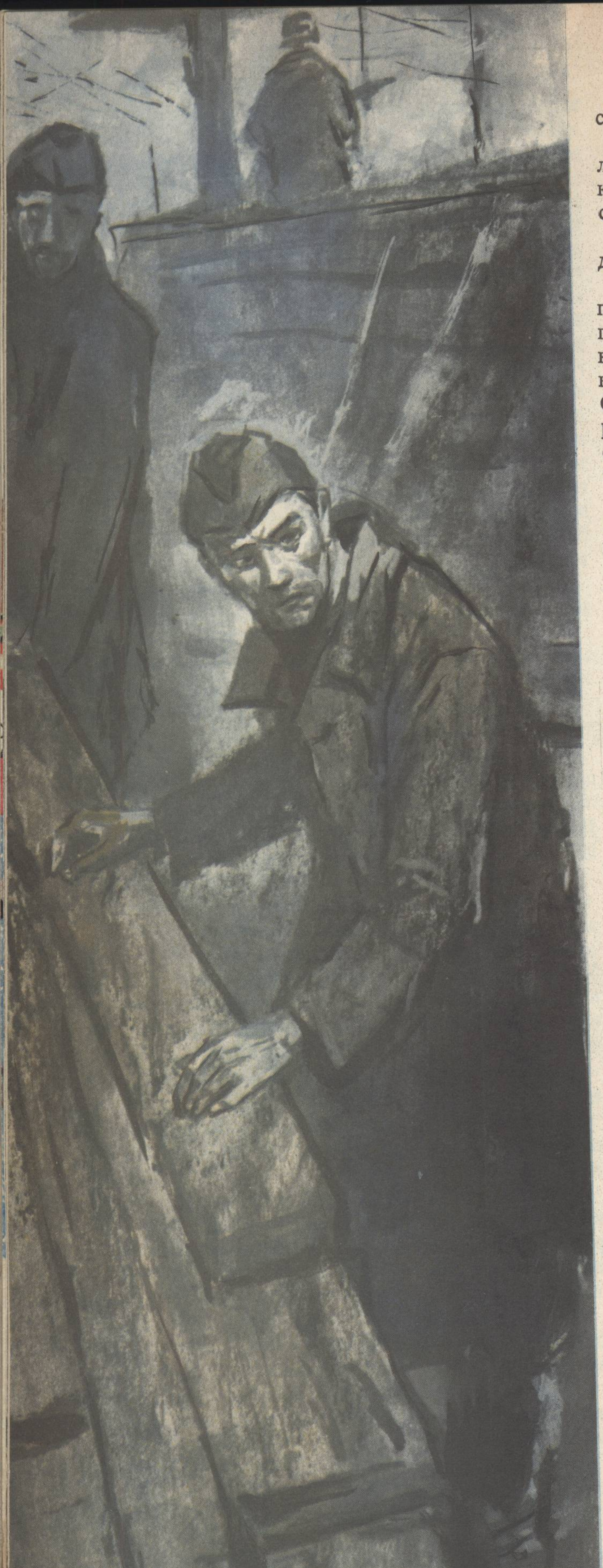
— А чей будешь? — спросил тот, которого я назвал дядей Толей.

— Я советский! — вырвалось у меня.

Они переглянулись, снова потянули на себя доску.

— Зовут тебя как? — спросил «дядя Толя».

— Костя...

— Вот что, Костя,— полусогнувшись над доской, сказал он.— Помочь нам надо.

— Ты не трусь.— Босой глянул мне прямо в лицо.— Не трусь, немец не видит. Он под грибком от дождя схоронился... Надо помочь, Костя!.. Это нетрудно...

И снова они стали дергать на себя доску, поглядывая в сторону грибка.

— Слушай,— сказал босой,— там, за забором, поле... Картошка... Надо достать какую ни есть гражданскую одежонку. Две пары штанов, пиджаки, обувку, пусть рваную. Одеяла. Ну, старые, ненужные... Хлеба пару буханок, соли, спичек... Сверни все в одеяла и положи в борозду, за забором... Укроешь ботвой — и все... Это не опасно. Охраны там нет, никто не увидит. Сделаешь?

— Я не знаю,— сказал я, и голос мой пропал куда-то, оборвался как-то пискляво, и дрожь меня била, мелкая, как в ознобе.— Я боюсь...

— А говоришь, советский,— тихо сказал «дядя Толя».— Разве советские боятся?..

— Надо помочь, Костя,— сказал босой.— Надо помочь!..

— Он сделает,— все так же тихо сказал «дядя Толя».— Непременно сделает... Я вижу.— И он снова глянул мне прямо в лицо.— Выручай, паренек! Отсюда нам бежать легче, не то что из лагеря. Выручай! — Глаза у него были светлые, голубоватые, и просьба в них была, и боль, и решимость, и отчаяние.— Поможешь, Родина тебе спасибо скажет!..

Но меня все бил и бил озноб, я весь промок, и струйки дождя текли по лицу, как слезы, затекали в рот, собирались под носом, и я слизывал их языком, как будто и впрямь плакал. И смотрел под ноги, ковыряя носком ботинка землю, раскисшую, перемешанную со щепой от досок и чешуйками сосновой коры...

Они выдернули наконец доску, стали прилаживать ее себе на плечи, босой с одного конца, «дядя Толя» с другого, он, «дядя Толя», ничего больше не сказав мне, отошел шагов на пять, а босой остался стоять рядом со штабелем, половчее приладил доску на плече, сказал:

— Ты сверток вечером положи в борозду, мы ночуем здесь сегодня. А чтоб приметно было, палку воткни рядом.

Он сказал это, не глядя на меня, стоя уже спиной ко мне, а «дядя Толя» оглянулся, улыбнулся хмуро, и они пошли вдоль проволоки, понесли доску. Я остался стоять за штабелем и долго еще стоял, съежившийся, мокрый.

●

...Ни одна молитва не лезла мне в этот день в голову, и я не молился в церкви, а все вспоминал, как это было там, у штабеля, вспоминал, как мне показалось, что я увидел дядю Толю, папи-

— Вот что, Костя,— полусогнувшись над доской, сказал пленный. — Помочь нам надо.

ного водителя, и плакал, вспоминая настоящего дядю Толю, и отца, и синюю «эмку», и все, все, что было до войны. А в церкви пахло ладаном, горящими свечами, и сморкались какие-то старухи, вздыхали, бормотали громким шепотом, и под куполом церкви плавали в голубой лазури намалеванные золотом ангелы, и святая троица взирала на меня из-за пышно намалеванного облака, и темные лики святых взирали со стен, и Христос на картине, согбенный под крестом, подымался на Голгофу, а я смотрел на него, и ни одна молитва не приходила мне в голову. Я вдруг забыл их все и слышал мамин голос, как она пела «Вставай, вставай, кудрявая...», и другие, не церковные запахи обступали меня — запахи кожаного сиденья в «эмке», хромовых отцовых сапог, его портупеи, кобуры, запахи свежей дяди-Толиной гимнастерки, его новенькой пилотки с красной звездочкой, на которой сверкал золотистый серп и молот, все те волнующе-тревожные запахи прекрасного довоенного времени, от которых так радостно и гордо билось сердце. А отец Алексей что-то бубнил с амвона, но я ничего не понимал, ничего не слышал, смотрел на него, и в голове у меня звучали звонкие строчки: «Жил-был поп, толоконный лоб... Жил-был поп, толоконный лоб...»

После службы он задержал меня, благодушный, в черном касторовом пальто, из-под которого виднелась новая ряса, сказал, пожевав губами:

— Пора тебе делом заняться, сын мой! Будешь с завтрашнего дня приходить ко мне домой помогать по хозяйству, за скотиной присматривать, воды там принести, дровец или так что. И не гляди под ноги — сыт будешь. Скажи бабке, я велел.

Но я все равно смотрел ему под ноги, на кончики его новых добротных ботинок, и видел перед собой босые ноги пленного, его красные, словно ошпаренные холодом, ступни, утонувшие по щиколотку в ледяном осеннем месиве...

•

Мне повезло. Старики Юзефовичи, Таня и бабка Ядвися копали картошку на дальних огородах, и я мог беспрепятственно обшарить всю хату, слазить на чердак, «на гору», как говорил старик Юзефович, залезть к нему в сундук. Старые пиджаки я нашел в деревянном ящике на чердаке и одну пару поношенных штанов, а вторую пару пришлось взять из сундука — почти новую... Поношенных ботинок, туфель, сапог оказалось пар десять в том же ящике на чердаке, и я выбрал две пары поновее. Одно одеяло я стащил с печи, там лежали три одеяла — два шерстяных и одно ватное. Шерстяные лежали под ватным, и одно я взял. Оно совсем старое было, драное, но большое. Второе одеяло я взять не решился. Зато я взял из сундука шерстяную фуфайку, драную в локтях, но теплую. Я подумал, что, раз локти

Я остался стоять за штабелем и долго еще стоял, съежившийся, мокрый, испуганный.

у нее драные, старик не сразу ее хватится, не вздумает надевать в ближайшие дни. Штанов он, конечно, хватится, но за одну вещь легче будет ответить. Так мне казалось...

Хлеба оказалось в доме полбуханки, но я знал, что за печкой лежит целая наволочка сухарей. Соль я взял куском, целый камень соли, а вот спичек не нашел: спички теперь были дороги, и старуха Юзефович прятала их куда подальше. Не знаешь — не найдешь.

Две пары ботинок, крепких еще, хотя и залатанных, штаны, пиджаки и фуфайку, соль, наволочку с сухарями, хлеб — все это я завернул в одеяло, в тугой скруток, и спрятал его до вечера во дворе, в пустой собачьей конуре,— пса Юзефовичей недавно пристрелил какой-то полицай. Полицаи почему-то все поголовно ненавидели собак и стреляли их на каждом шагу. Наверно, потому, что люди называли полицаев «бобиками»...

Вместо палки — для приметы, где лежит сверток,— я решил использовать вилы. Или лопату. Потом я решил, что лучше лопату. Мало ли кто забыл лопату на картофельном поле? Немцы на нее не обратят внимания.

Уже почти стемнело, когда вернулись с копки картошки Юзефовичи, Таня и бабка. И Шура Дорожко был с ними, вызвался подвезти мешки. Все промокли, и мешки были мокрые, тяжеленные, в земле, и я, надрываясь, помогал втаскивать их в хату: погреб у Юзефовичей был в кухне.

Там мерцала коптилка, бабка ножом колола щепу, растапливала печь, из черного подпола тянуло холодом, и мы ссыпали туда картошку, но не всю, а только ту, которую выбрали еще утром, до дождя, остальные мешки, с мокрой картошкой, сложили пока в сенях.

Шура Дорожко суетился, моргал, все время обращался к Тане, но она больше отмалчивалась, и видно было, что он переживает. И вдруг он произнес слово «партизаны».

— В Старосельском лесу какие-то партизаны объявились. На немцев нападают, на полицаев. Говорят, что их с парашютом скинули, из Москвы, а пленные к ним бегут.

Он сказал это испуганным полушепотом, и лицо у него было испуганное в смутно мерцающем свете коптилки, а Таня сказала громко:

— Почему же только пленные? Не только пленные. К ним и наши хлопцы уходят, местные, из Савеличей, из Юратишок. Которые мужчины, а не рохли!.. За юбку мамкину не держатся, не жениховствуют, как некоторые!..

— Езус-Мария, Танька, что это ты плетешь? — всплеснула руками старуха Юзефович, а Шура заморгал, засуетился пуще прежнего, заговорил быстро:

— Так ведь бесполезно, бесполезно! Сила какая у немцев, до Москвы дошли, не сегодня-завтра возьмут... Что какие-то партизаны могут? Ну, одного немца убьют, ну, десять!.. Бесполезно, бесполезно!..

— Посмотрим,— сухо сказала Таня.— Спасибо тебе, что мешки привез... Но скоро комендантский час. Езжай домой, а то под пулю угодишь. Подумают, что ты партизан...

Шура раскрыл рот, поморгал еще с минуту, потоптался и ушел. Всхрапнула лошадь, простучала телега, и стало тихо, только дождь шелестел...

Я выскользнул за дверь, метнулся к конуре, вытащил сверток и огородами вышел к тому картофельному полю... До забора метров триста... Где-то там, во дворе, «дядя Толя» и босой...

«Скоро комендантский час... Под пулю угодишь... Подумают, что ты партизан...» Эти Танины слова звучали у меня в ушах, но впервые за все эти месяцы мне не было страшно! Какой-то жуткий восторг охватил меня от самих этих слов «партизан», «партизаны». Тот восторг, который охватывал меня давным-давно, до войны, в тесном зале маленького кинотеатрика «Красный вымпел», где такой же, как я, мальчишка, мой сверстник по имени Федька, строчил с экрана по белякам. И еще была песня — «Партизанские отряды занимали города». Песня, которую пел мой отец, пел и смотрел куда-то вдаль, и лицо его было печальным и строгим...

А дождь все шел и шел, мелкий, спорый, холодный, и картофельная ботва цеплялась за ноги, опутывала их, я оскользался в мокрых междурядьях, и темень стояла кругом, только разорванные осенние облака, как взлохмаченные клочья сизого дыма, виднелись на фоне более темных, угрюмых туч. И на один миг пахнуло ужасом, когда громадная, разбухшая туча почти припала к самой земле, непроницаемая, всеохватывающая,— в этот миг упало сердце.

Но я был уже почти у самого забора. Положил сверток в борозду, притоптал ботву так, чтобы она маскировала сверток, а рядом вонзил в землю лопату...

●

...Я проснулся от выстрелов. Отрывисто, гулко, как удары палкой по днищу деревянной бочки, бабахали винтовки, длинными очередями стрекотали автоматы, звук был шелестящий, как эхо в листве, казалось, что это стрекочут какие-то гигантские кузнечики: «Чах-чах-чах!.. Чах-чах-чах!.. Чах-чах-чах!..»

Завозился на печи старик Юзефович, бабка моя и старуха Юзефович, спавшие на одном топчане, сели в постели и зашептали наперебой: «Ойче наш, ктуры ест в небесях, бондь воля твоя, пшидь крулевство твое...» Встала Таня, подошла к окошку, стояла молча, белея в потемках рубашкой, а я весь дрожал, как в ознобе, как в ту минуту, когда меня остановил у штабеля досок и бревен босой. И даже когда прекратилась стрельба, я долго еще не мог унять дрожь, смотрел в потолок, но молитвы, которые шептали бабка и старуха Юзефович, звучали для меня как-то отстраненно, чуждо, как будто я впервые слушал эти слова, а сам никогда не произносил их, никогда не молился сам.

●

А наутро, как только стало светло, примчался Шура Дорожко и, моргая, сбиваясь и суетясь,

рассказал, что ночью бежали двое пленных, что одного убили, и он лежит теперь в картофлянике, а второй ушел, что пленным кто-то передал гражданскую одежду, «цивильную», как он говорил, но что тот, которого убили, не успел переодеться, и одежда так и валяется рядом с ним — штаны, пиджак и обувка и целая наволочка сухарей, «наволка», говорил Шура. И что можно пойти посмотреть на убитого, совсем молодой еще хлопец, сердце кровью обливается, конечно, он бежал, потому что жить хотел, но вот убили, а в плену, может, и выжил бы, а теперь мать так и не узнает, где ее сыночек и где его могилка. А посмотреть можно, полицаи подпускают, они там стоят, полицаи, «полициянты», как говорил Шура, стоят возле тела...

Таня молча надела платок, пальто, резиновые боты, и старик Юзефович тоже надел пальто, нахлобучил картуз, и старуха оделась, только бабка Ядвися как сидела на топчане, так и осталась сидеть, отрешенно перебирая свой ружанец.

Все вышли на улицу, все, кроме бабки, и я тоже вышел, стараясь не показывать, что меня снова бьет озноб, и Таня сказала тихо, как бы самой себе,— хотя так оно и было, она самой себе сказала:

— Надо хоть имя его узнать, откуда он...

А старик Юзефович даже остановился, уставился на дочь.

— На что тебе его имя, у кого пытать будешь, дурница? У полициянтов?

И Шура Дорожко закивал быстро, заморгал и сказал, что не надо ничего спрашивать ни у кого, ему ничем не поможешь, а себе навредишь, и что в его имени, где его дом. Может, где в Сибири или еще где, а как туда передашь? Гитлер всюду...

Но Таня не слушала никого и молча шла впереди. Той же дорожкой, огородами, что и я вчера вечером.

Посреди поля толпилась кучка людей, одни подходили, другие отходили, а полицаи стояли в сторонке, трое, и рядом с ними еще кто-то в черном, высокий, с палкой в руках. Время от времени он тыкал этой палкой во что-то, лежавшее в ботве...

Это «что-то» было телом убитого. И это был «дядя Толя».

Он лежал навзничь, с широко раскрытыми глазами, лицо было перепачкано землей и кровью. Пилотка свалилась с его головы, и ветер чуть шевелил русые волосы. А немного поодаль, под ногами у полицаев, валялось драное шерстяное одеяло и на нем лежали те самые почти новые штаны старика Юзефовича, его помятый суконный пиджак, башмаки и наволочка с сухарями, пестрая ситцевая наволочка, которую я вчера вечером вытащил из запечка...

Старуха Юзефович как увидела все это, так и обомлела.

— А вой, людцы, гэта ж!..

Но старик, серый от страха, выпучив глаза, дернул ее за руку:

— Тихо, дурница!..

И Таня тоже узнала отцовы вещи, узнала наволочку, и что-то дрогнуло в ее лице, и быстро и изумленно глянули на меня ее большие серые глаза. Только Шура Дорожко ничего не понял, смотрел то на убитого, то на вещи, то на всех нас и моргал, моргал белыми ресницами.

Постояв еще с минуту, ошеломленный Юзефович повернулся было уходить, но тут высокий в черном скрипуче сказал:

— Не поспешивай, старьик! Надо хорошо смотреть, уносить в памьять. Взглядывай! — И он ткнул палкой в тело.— Дас ист есть русский зольдат. Он хотел получать свобода, он получил свобода. Вас это должно научивать!.. Вы есть свиньи! Вы передавал для русский зольдат цивиль брюки, сухарьики. Если мы будем узнавать, кто,— расстрел!

Слово «расстрел» он произнес чисто по-русски и поднял палку над головой. Руки у него были длинные, цепкие, какие-то хищные, темное старушечье лицо с провалившимися щеками и острым, как у бабы-яги, подбородком. В эту минуту, потрясая палкой над головой, он был чем-то очень похож на старую каргу Занемониху с нашего двора.

«Черная сотня!» — вспомнилось мне.— «Черная сотня!»

Потом мы узнали, что этот похожий на старуху эсэсовский офицер приезжал расследовать обстоятельства побега...

●

...Едва я переступил порог хаты, старик Юзефович всей пятерней сгреб мои вихры.

— Ах, ты, паскудство! Свой злодюга в хате завелся? Под шибеницу хочаш усих падвести, га? Пад шибеницу? — И он изо всех сил крутанул мое ухо.

Шибеница — это виселица по-белорусски, и старик Юзефович, повторяя эти слова «под шибеницу? Под шибеницу?», все крутил и крутил мое ухо, а старуха причитала на всю хату:

— А вой, вой! А Езус-Мария! А што ж тяперака буде! А людцы вы мае!

Ничего не понимающая бабка Ядвися вся тряслась, беспомощно пыталась удержать руки старика Юзефовича и тоже призывала Езуса и Марию и «вшистских свентых», то есть всех святых. А Шура Дорожко, который, в свою очередь, все еще ничего не понимал, метался по хате, хватал со стола то солонку, то кружку, то нож и, хотя не понимал ничего, приговаривал, озираясь:

— Конечно, конечно!.. А как же!.. Беда может быть, беда! Расстрел — это для них просто!.. Это что плюнуть!..

И вдруг Таня сказала громко, почти крикнула:

— Перестаньте, тата! Что вы накинулись на него? Это я вещи передала! Я, чуете?

Старик тут же отпустил мое ухо, оторопело уставился на Таню и вдруг бросился на нее с кулаками.

— Ты?! Забью!.. Снюхалась ужо?! Ведаю, что снюхалась!.. С Карпюками снюхалась, с капэзэвцами! Каждый вечар шастаешь к ним!.. Батьку з маткой загубить хочаш?!

— Тише! — Таня спокойно держала отца за руки, перехватила их в запястьях.— На улицу еще идите покричите про капэзэбовцев!..

Шура Дорожко, испуганно моргая, бледный, ошарашенный, задом пятился к двери. Так и открыл ее — задом, вывалился в сени, с грохотом опрокинул там скамеечку, на которой стояли ведра.

●

Прошло три дня. Таня ничего не говорила мне, только чаще прежнего взглядывала на меня, быстро и изумленно, как тогда, на поле, когда узнала отцовы вещи. И какие-то искорки загорелись в ее глазах, и еле заметная улыбка пряталась в уголках губ.

А я еще раз сходил на то картофельное поле, на то место, где убили «дядю Толю». И там, в ботве, я нашел его пилотку. Она была вся в грязи, затоптана ногами, темно-зеленая от сырости, подшитая по внутреннему краешку полоской кожи. Под подкладкой нащупалось что-то твердое, какой-то бугорок. Я вывернул и разорвал подкладку — под ней была приколота красноармейская звездочка. Маленькая красноармейская звездочка с золотистым серпом и молотом посередке...

Тревожно и гулко билось сердце — кровинка моего довоенного детства, его частица, лучистая, теплая звездочка, лежала на моей ладони. Я расстегнул ватную кацавейку, пиджачок, ворот рубашки, чтобы приколоть звездочку под воротом, так, чтобы никто ее не видел, не видел и не знал, что она у меня есть.

Я приколол звездочку и, вынимая руку из-за ворота, нечаянно потянул тесемку и вытащил продетый в нее крестик. Я совсем забыл о нем в эти дни, забыл, что он висит у меня на шее.

Снять? Но что скажет бабка, что скажет старуха Юзефович? И поп. Ведь мне нужно будет ходить к попу работать... Я не могу не пойти... Пока...

Нет, я еще не мог снять с себя этот крестик, крохотный латунный крестик, который стал вдруг тяжелым, как пудовая гиря...

И все же я снял его, снял и положил в карман. Буду надевать по вечерам, перед сном, чтоб старуха видела, что ношу, и когда буду ходить к попу. Для обмана.

А бог? Ведь он все знает, все видит... Но я теперь почему-то не боялся никакого бога. Как до войны... Занемониха, потрясая клюкой, обзывала нас, мальчишек, антихристами, недоверками и зловеще вещала: «Накажет вас господь бог, ироды, накажет!»

Но мы знали, что бога нет...

Конечно, в тот пасмурный осенний день, снимая и пряча в карман крестик, я не понимал так ясно, как понял потом, что все, что было в моей довоенной жизни, все, что хотела растоптать и убить нечистая фашистская сила, все, что воплотилось для меня в той красноармейской звездочке, оказалось сильнее бога. Я не понимал тогда, что я победил его. Победил страх. Потому что бог — это именно страх. Страх и покорность перед враждебными силами. Ничего этого я не понимал, но смутно чувствовал. И крестик стал тяжелым, как пудовая гиря, и сердце билось тревожно и гулко от волнующего ощущения тайны. Моей мальчишеской тайны — красной звездочки под воротом, с изнанки старенькой полотняной рубашки.

●

— ...Вот он, герой,— сказала Таня и легонько подтолкнула меня к какому-то незнакомому мне парню лет двадцати.— Тот самый. Знакомьтесь!..

— Я яго ведаю,— сказал парень по-белорусски и смешливо наморщил нос.— Яго хлапцы завуть «Чур-не-квач».

Он протянул мне руку, как взрослому, крепко стиснул мою ладонь.

— Стась Карпюк.

— Костя,— сказал я и добавил: — Березовский.

— Герой, а у бога верыш,— с необидной, веселой укоризной сказал Стась.— Як жа гэта, а, Чур-не-квач?

Лицо у него было широкое, улыбчивое, смешной широкий нос туфелькой, брови, как ржаные колоски, торчком, синие глаза в солнечных крапинках, я давно не видел таких человеческих, свойских, добрых лиц.

— Не-а,— помотал я головой, и рот у меня сам собою растянулся до ушей.— Не верю!..

— Ну и правильно,— так же широко улыбнулся Стась.— Нехай поп верыць, яму без бога смерць. А у нас свая галава на плячах, прауда?

— Ага,— сказал я.— Своя.

— Вось и добра,— сказал Стась и вдруг посерьезнел, чуть-чуть прищурился.— А той палонны, ну, пленный, другой, утек. Ведаешь, дзе ён? У лесе.— И он оглянулся, посмотрел куда-то вдаль, и я тоже посмотрел туда же, что и он,— на синюю, как грозовая туча, громаду пущи на горизонте.

●

Здесь и кончается эта история, история моего крещения, и начинается совсем другая — партизанская. Потому что этот Стась Карпюк был тот самый капэзэбовец, о котором кричал Тане ее отец старик Юзефович, а капэзэбовцы — это значит члены КПЗБ, Коммунистической партии Западной Белоруссии. Она была создана в панской Польше, когда часть белорусской земли до тысяча девятьсот тридцать девятого года входила в ее состав. Бывшие члены этой партии и назывались по старинке капэзэбовцами.

Вот с кем познакомила меня Таня!

Вместе с ней и Стасем Карпюком мне суждено было уйти в Налибокскую пущу, в партизаны, и звездочка «дяди Толи» целых два года алела на моей кубанке. Но это случилось гораздо позже, в сорок третьем, а в тот день во дворе стоял октябрь тысяча девятьсот сорок первого года, фашисты рвались к Москве, нищие духом молились богу, сильные боролись, и все еще было впереди — победа, счастье, жизнь.

Б. СЛУЦКИЙ

Волокуша

Вот и вспомнилась мне волокуша
и девчонки лет двадцати:
ими раненые волокутся,
умирая по пути.

Страшно жалко и просто страшно:
мины воют, пули свистят.
Просто так погибнуть, зряшно,
эти девушки не хотят.

Прежде надо раненых выволочь,
может, их в медсанбате вылечат,
а потом чайку согреть,
а потом — хоть умереть.

Натаскавшись, належавшись,
кипяточку поглотав,
в сыроватый блиндажик залезши,
младший крепко спит медсостав.

Три сержантки — мала куча —
вспоминаются нынче мне.
Что же снится им?
Волокуша.
Тянут раненых и во сне.

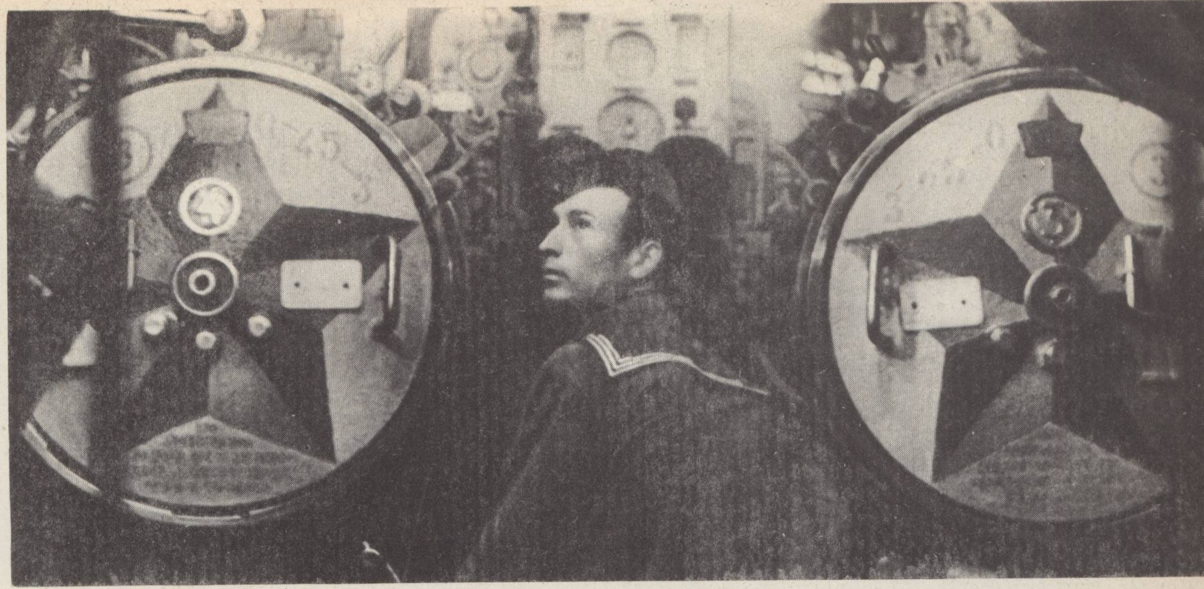

Аварийная тревога!

Фото И. ГРИЧЕРА, Ю. КУЗНЕЦОВА.

Юрий ПЛАТОНОВ

ЧАСОВЫЕ ОТЦОВСКОЙ СЛАВЫ

Торпедный отсек подводной лодки. Старшина I статьи Сергей Дыбков готовит грозное оружие к «атаке».

Завтра—в море

Под воинским адресом крупным почерком было написано: «Получить Анатолию Колосу». Мать сообщала в письме, что школьные друзья завидуют Анатолию: ведь он попал служить на подводную лодку. Парень усмехнулся: если бы знали они там, дома, как еще далеко ему до отсеков подводной лодки. Чтобы попасть туда, он должен обучаться здесь, в учебном отряде.

Толя проснулся еще до подъема. Глянул на светящийся циферблат часов над тумбочкой дневального — без пяти минут шесть. Вскоре хлопнула входная дверь, в кубрик вошел дежурный по роте, поправил перед зеркалом бескозырку, стал у тумбочки.

Минутная стрелка на циферблате уперлась в двенадцать, и сразу же щелкнул динамик трансляции, голосом дежурного громко произнес: «Подъем!» Ударили в пол сотни матросских пяток, и тот же голос скомандовал: «Строиться на физзарядку!»

По окончании утренней гимнастики были упражнения на снарядах, непременные три километра пробежки. Потом приборка, когда кубрик буквально «вылизывается» до блеска, завтрак.

После развода на занятия отделение гидроакустиков направилось в здание старой казармы, выстроенной еще Петром I. Впрочем, там уже давно никто не жил, и громадные залы, где некогда спали гренадеры, были теперь поделены на светлые, уютные комнаты, в которых размещались учебные классы.

Анатолий заглянул в расписание. Первое занятие — отработка действий при включении аппаратуры. В прошлый раз они уже начали эту тему, и сейчас Колос старался восстановить в памяти работу оператора. Он машинально шел в ногу, машинально перешел на строевой шаг и лихо «выдал» равнение направо, когда строй проходил мимо начальника учебного отряда, а сам повторял про себя порядок операций и отсчитывал их, загибая пальцы.

Гулкий коридор учебных кабинетов. Матрос вспомнил, как шумно вели они себя, совсем уже взрослые ребята-десятиклассники, входя на занятия в школьный кабинет физики или химии. Грохот стульев, топот, крики. Моряки же входили в кабинеты торжественно. И было от чего. Каждое место здесь оборудовано новейшей радиоэлектронной техникой. И даже преподаватель электронный.

Колос сел за пульт, включил питание. На приборной доске вспыхнули лампочки — аппаратура к работе готова. Ведущий занятие офицер потребовал внимания, объявил тему, предложил начинать.

В классе тишина. Матросы сосредоточенно работают над схемами. Анатолий успешно выполнил больше половины задания, когда на очередную его команду вдруг вспыхнула и замигала лампочка самоконтроля. Ошибка! Он выключил сеть, задумался. Попробовал другой вариант. И снова загорелась лампочка. Не то... Еще раз проверил последовательность включений. А лампочка упорно мигала: ошибка, ошибка!

Пришлось обращаться за помощью к «подсказке» — ярко-зеленой кнопке помощи. И тотчас же вспыхнула схема, сообщая очередную операцию. Теперь порядок.

В конце занятий офицер сдернул шторку с табло оценок. Против номера пульта, на котором работал Анатолий, стояла оценка «4».

Перед следующим занятием матросы переоделись в старое обмундирование и пошли к башне, высотой с небоскреб, заполненной морской водой. Здесь учатся пользоваться водолазным снаряжением, бороться под водой за жизнь корабля.

Тема сформулирована так: «Борьба за живучесть отсека подводной лодки». Руководитель занятия — инструктор, старший матрос Владимир Шептуха. Еще несколько лет назад Володя сам познавал здесь премудрости подводного дела, а сегодня он уже руководитель практических занятий, командир.

Матросы по одному пролезают через горловину отсека. Это часть настоящей подводной лодки, установленная в башне для учебных тренировок. И находится этот отсек под многометровым столбом морской воды, имитируя лодку в подводном положении.

Анатолий знает: в отсеке много отверстий, и когда внезапно откроют одно или два из них, вода под давлением пойдет в помещение, тогда не зевай, матрос!

Задраены люки. Будущие подводники занимают свои места. Инструктор дает последние указания. И вдруг струя воды шириной в руку с шипением вырывается из левого борта и бьет в спину инструктора. От неожиданного удара он валится на ребят, и из-под этой мокрой кучи-малы выдирается звонкое: «Аварийная тревога!»

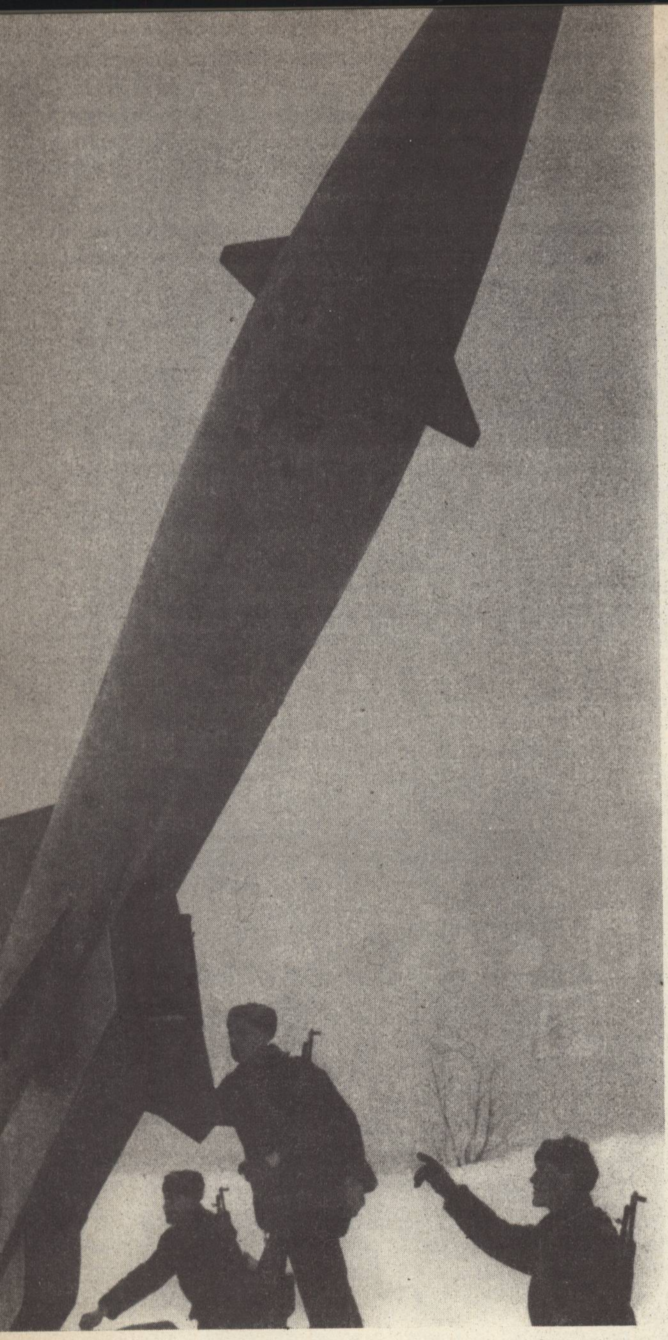
В следующий миг все на ногах, на своих местах. Шептуха в прилипшей к телу одежде докладывает по переговорной:

— Между двадцать девятым и тридцатым шпангоутами пробоина.

— Вас понял! Приступить к борьбе за живучесть отсека.

Вода продолжает бить в переборку, гаснет свет. Но почти тотчас же включается аварийное освещение. Люди действуют быстро, умело. К пробоине подтаскиваются доски, пакля, клинья, специальные подушки.

Воды уже по колено. Заглушки одна за другой пулями вылетают из свистящей, гудящей, бьющей в упор струи холодной воды. Трое матросов, ухватив доску, наваливаются на пробоину. Анатолий пытается закрепить доску подпоркой, но все сооружение разлетается

Проходит минута — и ракета точно наведена на цель.

по сторонам. И снова люди пробираются к пробоине, стараясь усмирить водяной бич.

Наконец, тяжелой кувалдой удается забить деревянный клин. В ход идут брезент, пакля, тяжелая квадратная доска. С трех сторон в нее вонзились упоры. Теперь закрепить их кувалдой. Но вода поднялась чуть ли не на метр, попробуй-ка ударь по упору, если весь он под водой. По очереди с молотком в руках ныряют матросы. И вот вода уже не бьет из пробоины, едва сочится. Еще пакли, еще веревок...

Ребята распрямляются. Как былинные богатыри, разгоняя грудью воду, сходятся в середине отсека. Шептуха докладывает на центральный:

— Пробоина заделана. Течи нет!

— Отбой! — слышится в ответ.

И снова все они в отутюженных брюках, в аккуратных, с белыми воротничками фланелевках идут по плацу, и гремит над городком песня:

Акустики слушают море,
Сигнальщики смотрят вперед...

Пройдет время. Учебный отряд простится со своими питомцами. И разъедутся они по разным флотам и кораблям — нести матросскую службу.

Небесный щит

Ели. Снег. Одноэтажная казарма. Больше мой глаз не примечает ничего достойного внимания: ни нацеленных в зенит ракет, ни антенн радиолокационных станций. Словом, все, как на загадочной картинке, — и ракеты должны быть здесь и станции, но попробуй разгляди их...

Наконец, освоившись, замечаю маскировочную сетку под елками, занесенные снегом невысокие насыпи, странного вида антенну на холме. Вот, пожалуй, и все.

Чуть в стороне на малой высоте пролетает рейсовый «ИЛ-14». С удивлением смотрю на сопровождающего меня офицера: а как же военная тайна?

Он смеется:

— Сверху ничего не видно. Маскировка! Да и позицию мы можем сменить за считанные минуты.

В казарме один дневальный. В комнатах штаба — ни души. Все ракетчики на позициях. Идет боевая учеба.

...В полумраке кабины разведки светится экран локатора. Спешит стрелка, «рисует» воздушную обстановку вокруг затаившегося в засаде ракетного подразделения. У самого края светящегося поля — бисер мельчайших точек. Это цели. Сверхзвуковые самолеты «противника». Они идут на охраняемый нами объект.

Впрочем, не мы одни прикрываем его. Соседние ракетные подразделения тоже готовы к встрече с «противником».

Цели идут на нас. Не отрывая напряженного взгляда от приборов, сержант Виктор Шин выдает точные координаты самолетов. Поступило очередное распоряжение с командного пункта. Нашей станции приказано «вести» «нарушителей» воздушной границы.

Командный пункт. У командира, как и на станции разведки, светится экран воздушной обстановки. Доклады о целях, поступающие со станции, тщательно выверяются здесь, отражаются на планшете...

А самолеты все ближе, ближе. Идут на нас четким треугольником. Командир берет в руки микрофон.

— Внимание! С северо-запада приближается группа целей. Внимание!

Треугольник «вражеских» самолетов почти подошел к зоне действия нашего оружия. Еще миг, и он ткнулся в черту на экране.

— Подготовить ракеты!

И незамедлительный ответ из динамика:

— Первая к пуску готова!

— Вторая к пуску готова!

— Третья...

На командном пункте тишина. Операторы — само внимание. Своими точными приборами они уже захватили цели и теперь «ведут» их, ожидая команды на уничтожение. Но... что это? Широко растекаются вдруг по экранам блики. Они заслоняют от нас черточки целей. Лишь иногда на миг появляется изображение самолета, но затем оно вновь пропадает. Это помехи, под прикрытием которых самолеты надеются прорваться к «объекту». Однако...

— Отстроиться от помех!

Щелкают тумблеры. Светлеют экраны.

— Есть цель!

Передний самолет — это он создает помехи. Его ухватило и цепко держит перекрестье экрана наведения...

Здесь, на КП, не слышно, как стартует ракета. Зато ее отлично видно на экране локатора. Чуть ерзая по курсу, она уверенно идет навстречу «врагу». Подошла вплотную, слилась с черточкой самолета. И вновь ярко, ровно засветились экраны в кабине наведения. На них две точки. Теперь только две...

Нелегко далась ракетчикам победа в этом «бою». Самолеты «врага» маневрировали, шли на предельно малой высоте, но все-таки не прорвались к «объекту». Были «сбиты».

Выходим из укрытия. Отбой! И снова над позицией ни движения, ни звука. Только скользит по кругу в лесной чащобе антенна локатора.

ХОЧУ БЫТЬ ТАКИМ

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Счастье иметь друга

Его зовут Николай Яковлевич. Ему 26 лет. Когда меня спрашивают, с кем я дружу, я называю своим другом его.

•

Впервые встретился я с ним в цехе завода. Сюда ребят из нашего класса пригласила бригада шлифовщиков — наших шефов. На нем была спецовка защитного цвета, обычная в клетку ковбойка. А в глазах веселый такой интерес.

Знаете, бывает такое: увидишь человека всего один раз, а тебе в нем все нравится. Как он держится просто, как говорит, смотрит... И хочется подойти, спросить что-то, заговорить, но это почему-то трудно...

Тогда в цехе в обеденный перерыв решили мы: наш пионерский отряд и бригада шлифовщиков — будем дружить! Конечно, не сразу получилось.

Был как-то у нас в школе вечер. Пригласили мы и наших шефов. Не все пришли: работали во вторую смену. Но среди пришедших был и Коля. А мне в тот день было не по себе. На алгебре я схватил четвертую двойку, и Алла Михайловна собиралась вызвать родителей «последний раз поговорить с ними и со мной по-хорошему».

И вот подходит ко мне Коля.

— Алгебра?

— Да вот,— говорю,— алгебра...

— Может, помогу?

Никогда я не нуждался ни в чьей помощи, а тут сказал:

— Не знаю, может...

А сам думаю: только бы не отказался...

Короче, в тот вечер договорились мы, что Коля будет мне помогать. И пошла у нас работа. То он ко мне зайдет, то у него занимаемся. Но успехов все нет. И решил я тогда

ну хотя бы месяц не ходить в бассейн. Сказал ему об этом. А он словно ждал.

— Молодец, что так решил. Ты наверстаешь с плаванием. Ведь, главное, у тебя воля есть.

Вы знаете, что это такое — мечтать о тройке по алгебре? О самой обычной тройке на последней странице дневника?.. У других ребят мечты о путешествиях, о будущем, о футболе. У меня тогда была мечта о тройке по алгебре.

И представьте, каким я был счастливым, когда, получив дневник с «4», шел к проходной завода. «Четверка»! — первое, что сказал я, увидев его. Вот было у нас радости!

●

А потом он пришел к нам в отряд работать пионервожатым. Много я повидал вожатых у нас в школе. Некоторых так и не запомнил, другим казалось, что раз он вожатый, то ты и делай, что он говорит. А мне думается, что самое главное — пример вожатого.

Микрорайон наш был совсем молодой. Идешь по улице — краской пахнет, известью. Ни кинотеатра не было, ни клуба. Что ребятам делать в свободное время? Во дворе жестянку гоняли да в «расшибалку» играли. Вот как-то и зародилась у нас идея создать клуб ребят нашего микрорайона. И открыть его в школе. И притом — в воскресные дни. «Дело это очень нужное,— говорил Коля,— а значит, и друзья у клуба найдутся. В кинoклассе кинотеатр откроем — «мультики» для малышей крутить будем. На втором этаже игротеку сделаем. Приспособим подвал под тир. Только придется его переоборудовать. Настил сделать. В этом нам помогут ребята из моей бригады». И мы стали разрабатывать план...

А через месяц наш клуб торжественно открылся. С завода оркестр пригласили. Весело было! Мы почувствовали себя именинниками. Теперь такие же клубы открылись во многих школах нашего района. Но здорово, что мы были первыми!

●

Коля добрый. Я думаю, что это важно: быть добрым, а не добреньким. Доброта требовательна.

Взрослые говорят, что дети делятся на трудных и легких. Я думаю, что я был не самым легким из всех Колиных пионеров...

«Заседание совета дружины считаю открытым,— сказала Оля Вольнова, наш командир дружины,— на повестке дня обсуждение поступка Андрея». Я сижу на подоконнике. И стараюсь делать вид, что мне все происходящее безразлично. В эту минуту я ощущаю себя одиноким. А их много. И все они заодно. Смятение, испуг или обида — не знаю, что было тогда во мне острее. Да что, собственно, произошло: подумаешь, не явился на дежурство в наш кинотеатр «Патриот». Было воскресенье: проспал.

Я упрямо стою на своем: что тут особенного, справились ведь и без меня. Со мной опять и опять спорят. Я уже соглашаюсь, что поступил легкомысленно. И зачем так много говорить, если все просто: во время дежурства ничего ведь не случилось.

А Ольга все настаивает: «Кто за тебя может поручиться?! Никто!» Молчание. И вдруг: «Я отвечаю за него!» Это Николай.

Мне казалось, что Коля во мне не ошибался...

●

По вечерам, после работы, я у проходной. Выходит Коля.

— Ты чего?

— Так просто...

И закрутился разговор. Тут все сомнения и тревоги, и смешные и серьезные, разом выкладываешь.

Когда человеку 13—14, ему хочется услышать о самом важном. И это большое счастье — иметь старшего друга, умеющего рассказать, посоветовать, предостеречь, помочь.

Не только помочь, но и пройти эти первые самостоятельные шаги с тобой рядом, как прошел со мной мой старший друг — коммунист, рабочий, вожатый Николай Яковлевич Панасютин.

●

Теперь, став постарше, я понял, чего не понимал раньше. Я знал: да, Коля мой самый близкий старший друг. И мне казалось тогда — только мой. Ни с кем больше не может он так дружить. Потом Саша Матюхин признался мне, что тоже так думал. Володька Николаев считает, что если бы не дружба с Колей, неизвестно, куда бы его занесло...

Вдруг выяснилось, что я ошибался. Не только у меня, у всех наших было такое чувство: его дружба с вожатым самая крепкая и самая настоящая. Раньше я, наверное бы, обиделся. Теперь нет.

Просто сейчас я его больше понимаю. У человека любимая работа на заводе. Он делает ее не просто хорошо. Он работает красиво, точно, экономно, быстро. Придумывает, как сделать еще больше и лучше. И это все видят и все ценят. Жизнь наполнена до краев. Ну что еще надо человеку?

А человеку этого мало. Не его обязанность воспитание каких-то там мальчишек из подворотни, двоечников с последней парты. А он считает, что его. И идет к ним. И становится их вожатым. И таким, что они теперь верят и знают: вот так и надо работать и таким быть.

Андрей ДАВЫДОВ,
г. Москва.

МЫ ОБВИНЯЕМ!

Мы не хотим, чтоб где-то на земле
в глазах ребенка страх таился
и заставлял быть меньше, незаметней
в большом враждебном мире,
в котором для ребенка хлеба нет и крова,
тепла, одежды, книжки и участья.

Эти строки стоят под фотодокументами, собранными пионерами в лагере «Орленок».

Трагедия миллионов детей в мире империализма, обреченных на голод, нищету и невежество, встает из обличающих фотографий.

В магаданской средней школе № 1 ребята, опираясь только на данные, опубликованные ООН и другими международными организациями, подсчитали: в странах, где господствует империализм, **смерть от голода наступает каждую секунду. Каждый третий ребенок в Африке умирает, не дожив до пяти лет. Каждый второй умирающий в Латинской Америке — ребенок.**

Детство, лишенное радости, наполненное страхом и ужасом,— грозное обвинение империализму, говорится в петиции юных ленинградцев, под которой поставлено восемнадцать тысяч подписей.

Все вместе и каждый отдельно ребята нашей страны думают одинаково:

Мы хотим, чтобы повсюду в мире
у детей была радость на лицах,
чтоб, как мы, они бегали в школу,
и дружили, и жили, как мы,
были б верной надеждой взрослых
и росли под защитой страны.

КЛАДЫ ЗАПОЛЯРНОЙ ТУНДРЫ

В. КРУГЛИКОВ

НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ КПСС

Фото автора.

Когда над погруженным в полярную ночь Таймырским полуостровом проносятся ледяные бури, трудно представить, что и здесь бывает тепло. Но лето ненадолго приходит на Таймыр. В конце мая, еще не успеют растаять снег и открыться промерзшие чуть ли не до дна озера, тундра расцветает многокрасочным оперением птиц, прилетающих сюда гнездиться. Спустя три-четыре недели по Енисею мимо Дудинки начинает, шурша, двигаться лед...

В такую вот пору в 1960 году на Таймыре заговорили о Талнахе. Три молодых геолога, работая у подножия Хараелахской горы, натолкнулись на выходы коренных пород ценной руды, которая содержала в себе чуть ли не все элементы таблицы Менделеева.

Вслед за разведчиками-изыскателями на берег безвестной реки Талнах пришли строители, вбили первый кол будущего рудника «Маяк» и поставили прямо на снегу первую палатку. Так начиналось покорение Талнаха.

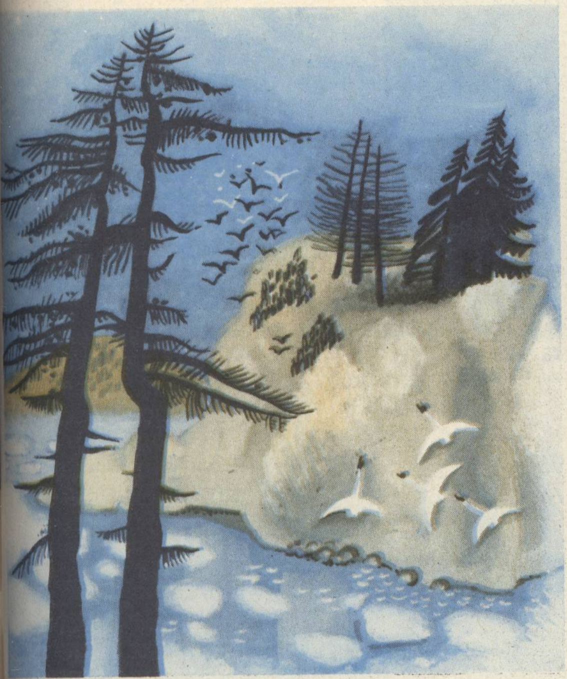
Нынешний рудоносный Талнах — это большой и благоустроенный рабочий поселок в тридцати километрах от Норильска. В нем многоэтажные жилые дома, школы, дворцы культуры. Здесь живут сильные и смелые люди, те, кто добывает руду и строит новый, еще более мощный рудник «Комсомольский». Уже заканчивается монтаж здания этого рудника и подземных сооружений.

Строителей не пугают лютые морозы, не пугает затяжная полярная зима, когда в течение полугода на рабочих площадках не гаснут прожектора. Люди решили, что руда «Комсомольского» будет поднята на поверхность в канун XXIV съезда нашей партии.

И так обязательно будет!

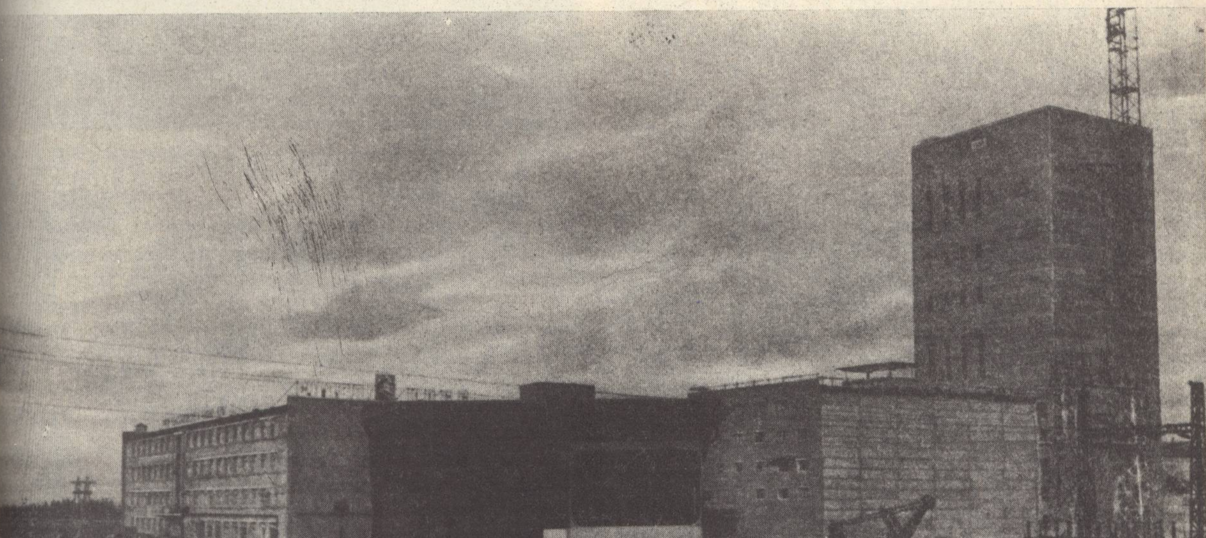
Вот она какая, талнахская руда, добытая в недрах заполярной тундры!

Ученые и геологи продолжают вести исследования недр Заполярья и зимой. На этом снимке вы видите группу ученых.

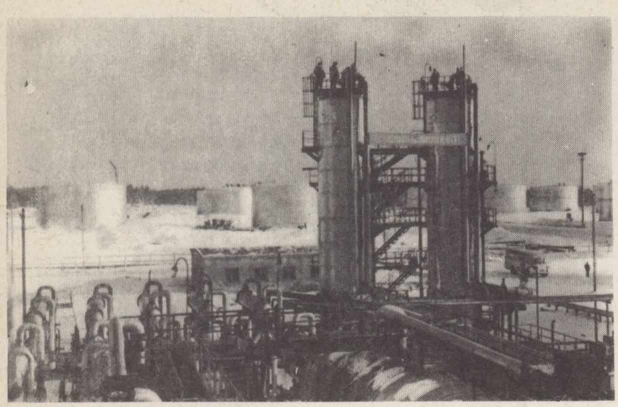

Так выглядит строящийся на Талнахе рудник «Комсомольский».

Новый шаг к коммунизму

Обсуждаем пятилетку

Ты, наверное, помнишь, пришел день, когда все взрослые с особым вниманием разворачивали газеты. В метро и в автобусах читали и обсуждали совсем, казалось бы, сухие строчки и цифры. Советские люди знали, что в этих цифрах — работа каждого из них, новое задание всем на целый год вперед. Ты понимаешь, разумеется, что мы говорим о государственном развитии народного хозяйства на 1971 год, первый год нашей новой, девятой пятилетки.

Всеми советскими людьми владеет сейчас чувство законной гордости: победно завершилась восьмая пятилетка. Мы многого достигли. А впереди новая высота. Осуществление задач нового пятилетнего плана сделает нашу страну еще сильнее и богаче, еще на одну ступеньку приблизит нас к коммунизму.

Готовясь к предстоящему XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, наш народ трудится особенно вдохновенно. Широко развернулось всенародное социалистическое соревнование за достойную встречу съезда. Там будут утверждаться директивы по девятой пятилетке. Так было всегда: перспективы нашего развития получают путевку в жизнь на партийных съездах.

Что в плане главное?

Какой же раздел в плане главный?

— Промышленность, — скажешь ты. — Промышленность дает металл и машины, станки и механизмы. Разве без этого может развиваться хозяйство? Нет. Значит, самое главное в плане — промышленность.

— Промышленность важна, конечно, но подумай-ка еще.

— Тогда сельское хозяйство? В колхозах хлеб выращивают, картофель, овощи, вырабатывают и сырье для фабрик и заводов — лен, хлопок, шелк...

— Верно. Важный раздел плана — сельское хозяйство.

— Наверное, транспорт? Без транспорта замрут и промышленность и сельское хозяйство.

— Действительно, транспорт называют кровеносными сосудами экономики. И все же самый главный раздел плана тот, где речь идет о росте нашего с тобой благосостояния. Так называют ученые улучшение жизни народа. Главное задание плана — дать советским людям больше, чем раньше, жилья, одежды, продуктов питания, школ, больниц, стадионов, книг и всего, что нужно для жизни — обеспеченной и духовно богатой.

Все во имя человека, все для блага челове-

Конец семидесятого года. Многие предприятия выполнили к тому времени досрочно свой пятилетний план и начали новую пятилетку. Тюменские нефтяники, готовясь достойно встретить XXIV съезд КПСС, дали стране миллионы тонн нефти дополнительно. Строителям и монтажникам Усть-Хантайской ГЭС нелегко было работать в суровых северных условиях, но они обогнали намеченные сроки, чтобы заводы, рудники, стройки раньше получили энергию новой ГЭС. На шахте Буровка-Донецкая последняя вагонетка угля в счет плана 1970 года была выдана на-гора́ задолго до декабря. Многие рабочие трудятся по своим личным повышенным обязательствам и еще превышают их. Рязанская ткачиха Мария Филькова ежедневно перевыполняет норму. Отлично работают и слесари-монтажники Ленинградского судостроительного завода имени А. А. Жданова: за прошедшее пятилетие этот завод построил много крупных кораблей — лесовозов и сухогрузов.

ка — вот по какому закону развивается наше хозяйство, вот что будет главным и в нашей новой пятилетке. Об этом постоянно заботится Коммунистическая партия Советского Союза. Только исходя из интересов народа Коммунистическая партия дает задания промышленности и сельскому хозяйству, транспорту и строительству.

Много веков насчитывает история человечества, но только сейчас, при социализме, забота о благосостоянии, о духовном и культурном росте всех членов общества стала главной заботой государства.

Наш план — это наш компас

Когда все хозяйство в руках народа, когда у всего народа одна общая цель, когда во главе народа стоит наша Коммунистическая партия, цель обязательно будет достигнута.

Но что сделать, чтобы достичь ее быстрее? Как вернее выбрать путь, по которому легче и быстрее идти? Как увязать все наше огромное хозяйство в единый механизм, как добиться, чтобы он работал четко, слаженно, правильно, как часы?

Надо составить такой план развития нашего хозяйства, который бы учел и достижения науки и передовой опыт. План, который определит потребности и ресурсы, свяжет между собой отдельные отрасли и районы. План, который выделит задачи, требующие решения в первую очередь, и те, с которыми можно и подождать.

Вот как много зависит от плана.

А что если бы без заранее рассчитанного плана все заводы и колхозы старались бы просто выпустить продукции как можно больше? Казалось бы, это не так уж плохо. Но посмотри...

В том колхозе и в другом, в Тамбовской области и на Украине могут решить: главное — хлеб. Мы должны дать стране побольше зерна. И окажется, что зерна в стране избыток, зато нехватка овощей. На заводах произвели достаточно гидротурбин, а энергетики требуют строительства атомных электростанций. Выходит, турбины переплавлять? Расширяя производство, металлургические заводы стянули к себе тысячи рабочих, а другим — рабочих недостает. На каких-то предприятиях, допустим, появились новые механизмы, работники освободились, а чем занять их в этом городе, никто не подумал. Других заводов рядом нет.

В капиталистических странах так и происходит. И производство нередко топчется на месте, и возникает перепроизводство каких-то товаров, и постоянно висит над людьми угроза безработицы.

В капиталистических странах, может, и хотели бы развивать экономику по плану, да не тут-то было. Каждый предприниматель не желает считаться с другим. Главное для него — отхватить побольше прибыли.

Плановое хозяйство — преимущество нашего социалистического строя.

А нельзя ли спланировать все один раз?

Известно, сколько продукции нам требуется в этом году, может быть, и в будущем изготовить столько же?

Нет, так планировать нельзя. С каждым годом

мы хотим жить лучше, богаче, культурней, чем раньше, а для этого уже в будущем году надо сделать гораздо больше, чем в этом.

Нельзя еще и потому, что каждый год население нашей страны возрастает на два миллиона человек.

Есть и еще одна важная причина. Ученые и конструкторы все время работают над новыми открытиями и изобретениями, создают новые, более совершенные машины и механизмы. Если не предусмотреть их использования уже завтра, в тот самый момент, когда они будут созданы, не внедрить их в достаточном количестве на всех предприятиях, которые в них нуждаются, развитие нашей экономики пойдет медленнее, чем могло бы.

В стране возникают целые новые отрасли хозяйства, которых вчера еще не было. Вспомни, на твоих глазах родились радиоэлектроника, лазерная техника, промышленная атомная энергетика, производство электронно-вычислительных машин. Многие из новых отраслей — лидеры научно-технического прогресса. Они требуют к себе самого пристального внимания. Им нужны новые ресурсы и новая техника, им нужно особое место в плане.

Эстафета пятилеток

Советский научно обоснованный план — могучий ускоритель истории. В наших планах спрессованы годы. Пятилетка стала у нас новой мерой времени. Сколько она вбирает в себя, пятилетка! Между 1950 и 1960 годами валовой общественный продукт — так экономисты называют все, что мы производим, — в нашей стране возрос в 2,6 раза. А общий наш доход — в 2,7 раза! Десятилетка в жизни человека — большой срок, но в потоке истории совершенно крохотный. А мы за этот период более чем вдвое увеличиваем наше народное богатство. На главных же направлениях и в молодых отраслях, обновляющих всю экономику, движение идет еще быстрее.

Точно такое же удвоение богатства произошло и в 60-х годах.

Вот как на деле выглядит это главное преимущество социализма — плановая экономика.

Сейчас, когда советские люди уже вглядываются в черты будущей пятилетки, мы с особой гордостью подводим итоги пятилетки минувшей. Ведь восьмая как бы передает эстафету девятой. За годы, прошедшие со времени XXIII съезда КПСС, мы добились поистине замечательных успехов. Все отрасли нашей промышленности и сельское хозяйство успешно выполнили задание пятилетнего плана. Значит, создано много новых товаров, значит, больше одежды и обуви, трикотажа, книг, альбомов, авторучек, фотоаппаратов можно купить в наших магазинах. Больше стало школ и театров, санаториев и детских садов. Каждая вторая семья сейчас имеет дома телевизор и каждая третья — холодильник. А сколько еще телевизоров в клубах, красных уголках, школах, библиотеках!

За эти годы в городах и селах построено много домов с отоплением, горячей водой, газом, удобными, светлыми комнатами. Знаешь, сколько человек справили новоселье за последние 10 лет? Более 100 миллионов! При этом плата за квартиру у нас в стране самая низкая в мире. Потому что большую часть расходов на ремонт и содержание жилищ берет на себя государство. Все это достижения наших пятилеток. Но они не только в том, что произведено и построено. Наши планы предусматривают постоянное увеличение расходов и на иные цели.

Ни в одной капиталистической стране, даже такой богатой, как США, не делается так много для народа, как у нас. Бесплатное образование, бесплатная медицинская помощь, оплаченные отпуска работающим, самая короткая рабочая неделя — вот что обеспечивают Коммунистическая партия и Советское государство народу.

Шагаем вперед

Все, чего мы достигли за полвека Советской власти, помогает сделать новый шаг вперед.

Таким шагом будет новая пятилетка.

Главный принцип нашей страны — все для человека — неизменен. Он действовал всегда, действует и здесь. Но средства для его осуществления уже отличаются, становятся иными.

В прошлых пятилетках мы создавали новые фабрики и заводы, распахивали все новые земли, все больше рабочих становилось к станкам и машинам. Это было правильно, это было необходимо, чтобы превратить нашу страну из отсталой и слаборазвитой в могучую социалистическую державу.

Сейчас партия наметила новые рубежи в развитии коммунистического строительства. Главное сейчас, считает партия, — повышать эффективность всего нашего производства.

Что это значит?

Приложить все силы и умение, чтобы выпускать больше продукции и лучшего качества при наименьших затратах. Это главная задача и в промышленности и в сельском хозяйстве.

А что для этого надо? Надо внедрить во все отрасли народного хозяйства последние достижения науки и техники, улучшить организацию труда, использовать на полную мощность все оборудование, бережно, экономно расходовать сырье, материалы, электроэнергию. Искать новые, более рациональные пути управления народным хозяйством.

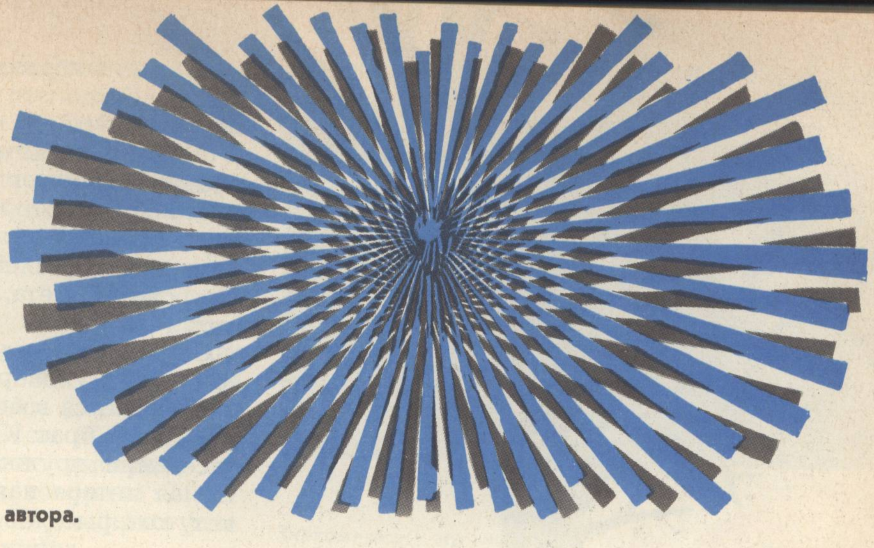
Все это заложено в нашем новом плане. Но план — это не только машины и механизмы, не только экономический расчет. Осуществление плана — это умение, помыслы, талант десятков миллионов людей. От их сил и знаний, от их инициативы и творчества зависит надежность самой смелой программы. И тут мы особенно сильны.

Ведь наш план выражает самый главный общий интерес, и понятно, что каждый советский человек стремится сделать все возможное для блага всех и, значит, своего.

Если сейчас зайти на любой завод, побывать в любом совхозе или колхозе, заглянуть в научную лабораторию, можно увидеть, как напряженно работают советские люди в преддверии съезда, как глубоко размышляют они о своей работе, как из чувства ответственности за свой завод, за свою работу рождается ответственность за всю громаду нашего народного хозяйства — за страну.

Э. ГИЛИНСКА

Эвротон? Спутник? Малая Академия Наук?

Ю. СОТНИК Фото автора.

В 1968 году во Дворец пионеров в гости к ребятам приехал академик Патон. Борис Евгеньевич зашел в один научный кружок, в третий, в десятый... И убедился, что многие ребята ведут серьезную исследовательскую работу, что называется, без скидок на возраст. Патон рассказал об увиденном своим коллегам, и ученых это очень заинтересовало. Они рассуждали ак: наша партия заботится о том, чтобы в нашей стра- е бурными темпами развивались наука и техника. Для того с каждым годом нужно все больше талантливых аучных работников, инженеров, рабочих. Не просто обросовестных исполнителей, а людей творческих, меющих открывать и изобретать новое. Наблюдатель- ость, изобретательность и вкус к новому надо воспи- ывать прямо со школьной скамьи. И ученые Украин- кой Академии наук решили взять шефство над юными ологами, кибернетиками, историками и другими чле- ами научно-технических кружков Дворца.

25 апреля 1970 года фойе большого зала Киевского ворца пионеров. являло собой необычное зрелище. толпе ребят можно было увидеть крупных ученых краины: лауреата Ленинской премии хирурга Амосо- , члена-корреспондента Академии наук литературо- да Крутикову, академика лауреата Ленинской пре- и математика Метропольского, проректора Киевско- университета Жмудского... Пионеры, академики, мсомольцы, кандидаты, доктора разбились на кучки, чем-то оживленно толкуя. Кто — о связи Пушкина с кабристами, кто — о проблемах космической биоло- и, кто — об аналоговых вычислительных машинах. Шло пленарное заседание Четвертой научной конфе- нции школьников Киева «По ленинским заветам».

Эта конференция несколько отличалась от трех пре- дущих, в которых участвовали только ребята, зани- ющиеся во Дворце. В этом году родилась такая сль: на Дворце свет клином не сошелся. И вот по ему Киеву объявили конкурс на лучшую научную ра- ту школьника. Районные Дома пионеров провели свои учные конференции. Появилось свыше тысячи работ, которых отобрали пятьдесят пять лучших. Их обсуди- на второй день конференции, когда ребята и уче- е собрались во Дворце снова и занимались по секци- истории, краеведения, литературы, химии, физики, ологии, астрономии, кибернетики.

Как живёт пустельга

Не только на конференции, но и в самый дничный день вы увидите во Дворце одну у же картину: и пятиклассники и ребята, е кончающие школу, трудятся рядом с одинаковым увлечением. В биологическом кружке меня познакомили с братьями Разгоновыми.

Лето братья обычно проводят на даче у своих родственников в Выше-Дубечанском охотничьем хозяйстве. Здесь, в сосновом бору, восьмиклассник Сергей обнаружил года три тому назад несколько выводков пустельги — одного из самых маленьких соколов.

Этого пернатого хищника многие охотники стремятся подстрелить, принимая его за ястреба. А ведь пустельга — птица полезная: она уничтожает насекомых, уничтожает мышей.

Сергей решил собрать доказательства, подтверждающие полезность пустельги. Он стал наблюдать за этой птицей. К нему присоединился младший братишка — десятилетний Юра.

Наблюдения вели из засады. Подобравшись к дереву, на котором было гнездо, братья выбирали поблизости два молодых деревца, росших рядом, пригибали их друг к другу и связывали вершинами. Получалось нечто вроде шалашика. Забравшись в него, наши исследователи следили за гнездом и за тем, что делается возле него.

Когда всерьез возьмешься что-нибудь изучать, возникает целая куча вопросов, о которых раньше и не думал.

Сергей, давно интересовавшийся птицами, знал, например, что гнездо коршуна можно найти по отбросам, валяющимся под ним, или, как их еще называют, погадкам: хищники отрыгивают несъедобные шкурки, крупные кости... Но под деревом с гнездом пустельги погадок не было. Как же так? Самка сидит на яйцах — значит, супруг должен доставлять ей пропитание домой. Куда же деваются погадки?

Наблюдатели это скоро выяснили. Однажды они увидели: подлетает к гнезду самец, неся в когтях мышь. Самка срывается с гнезда, в воздухе принимает у супруга добычу и уничтожает ее, сидя на одной из соседних сосен. Потом возвращается в гнездо.

Охотится пустельга над просеками, над лесными полянами. Здесь братья тоже устраивали свои шалашики и часами сидели в них, почти не шевелясь.

И тут они подметили такую особенность пустельги, по которой ее легко отличить от многих других пернатых хищников и от ястреба в том числе. Большинство хищных птиц парит в воздухе, высматривая добычу, а пустельга зависает: держится в небе на одном месте, слегка подрагивая крыльями. Увидев добычу, она складывает крылья и стремительно пикирует на нее.

И Сергей установил, каких животных пустельга чаще всего убивает. Братья так хорошо маскировались, что хищник нередко расправлялся со своей жертвой у них на глазах. Чаще всего попадались пустельге мыши и примерно в три раза реже ящерицы.

Юра ползал на четвереньках под соснами, расположенными поблизости от гнезда, и изучал погадки. Он находил остатки жуков и других крупных насекомых, находил кости ящериц, но больше всего он находил шкурки мышей.

А чем кормит пустельга своих птенцов? Братья установили, что крупными насекомыми. И тут попутно сделали еще одно открытие: кормежка помогает птенцам пустельги учиться летать. Птенцы-подлетки сидят на ветке, крепко вцепившись в нее, и взлетать боятся. Вот прилетает мамаша, неся в клюве жука или бабочку, и садится рядом с одним из птенцов. Тот выхватывает у нее из клюва добычу. Но братья и сестры, такие же прожорливые, стремятся отнять у него лакомый кусочек. Удирая от них, птенец волей-неволей взлетает и перепархивает на другую ветку.

Два лета подряд Сергей изучал пустельгу всюду. Когда это было возможно, вместе с ним был Юра.

О своих наблюдениях Сергей рассказал в работе «Некоторые особенности биологии пустельги», которую он прочел на Третьей научной конференции. Рецензировал эту работу и дал хвалебный отзыв о ней Василий Петрович Пегета, сотрудник Института зоологии Академии наук, сам бывший юннат.

Сергей сейчас уже студент первого курса Киевского университета. Но он до сих пор наведывается в биологический кружок Дворца. А его брат Юра написал и прочитал на заседании кружка несколько своих работ. Самая интересная из них, по-моему, о сороках, которые жили у Разгоновых в доме.

„ЭММА-5" и другие

Ребята подвели меня к столу, на котором стоял аппарат величиной с кассу в магазине.

— Это «ЭММА-5», электронно-механическая машина. Построил ее Саша Суслов, когда был еще в седьмом классе. Она экзаменует. На экзамене «ЭММА» задает пять любых вопросов. Потому-то в ее названии и стоит цифра «5». Она проверит, как вы знаете дорожные знаки.

Ребята отошли в сторону, оставив меня наедине с машиной.

На передней панели ее в специальные пазы были вставлены карточки... Вверху на каждой карточке был изображен какой-нибудь дорожный знак, а под ним были написаны четыре пронумерованных ответа, что этот знак обозначает. Три ответа неправильных, один верный. Под каждой карточкой ручка переключается со шкалой от единицы до четырех.

Я увидел знакомый мне знак, который автомобилисты называют «кирпич». Правильный ответ — «въезд запрещен» — был под номером один. Я поставил ручку переключателя на единицу.

На другой карточке был изображен знак «Сквозной проезд запрещен». Этот знак мне тоже был знаком. Так я перевернул все пять переключателей. Но, когда я нажал кнопку с надписью «оценка», в специальной лампе зажглась не пятерка, как я ожидал, а четверка. Значит, где-то я ошибся. Я попробовал исправить ошибку. В машине раздался громкий звонок. Ребята засмеялись, а из соседней комнаты вышел Василий Игнатьевич Гупчишин — один из руководителей кружка автоматики и кибернетики.

— Мошенничаете? — улыбнулся он.— Конструктор это предусмотрел.

Он вынул из кармана специальный ключ, вставил его в машину, и звон прекратился.

«ЭММА-5» может проверить ваши знания не только в области дорожных знаков, но и по любому другому предмету. Для этого надо сменить программу, заданную машине.

Копия машины-экзаменатора «ЭММА-5» находится в Павильоне юных техников на

Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства.

И в кружке кибернетики пробуют свои силы ребята самого разного возраста.

Нередко случается, что человек начинает какую-нибудь работу почти в пионерском возрасте, а заканчивает ее тогда, когда у него уже пробиваются усики. Так получилось с Яном Бароном.

Ян начал работать над проектом своей очень сложной вычислительной машины еще в восьмом классе. Проект был готов, когда ему оставалось чуть побольше двух месяцев до окончания девятого класса. (С докладом об этом проекте Ян успешно выступил на конференции, о которой я говорил.) А теперь Ян — десятиклассник, и он приступил уже к монтажу своей машины.

Что же это за машина?

Она будет складывать, вычитать, умножать, делить, возводить в степень, извлекать корень.

Машина эта интересна тем, что у нее несколько вводов, то есть программа может быть задана ей несколькими способами: с помощью перфокарты — листа толстой бумаги с пробитыми в определенных местах отверстиями, с помощью клавиш и по телетайпу — по телеграфному буквопечатающему аппарату.

Ян подробно рассказал мне, как будет действовать клавишный ввод. Десять клавиш обозначают цифры, и с помощью примерно сорока клавиш машине подается команда, какую операцию она должна в данном случае произвести.

Предположим, нам нужно возвести в куб число 35. Нажимаем клавиши с цифрами 3 и 5. Затем нажимаем клавишу с командой «возведи в степень» и клавишу с цифрой 3. В специальном устройстве зажигается ответ: 42 875.

С помощью перфокарты мы можем задать машине куда более сложную задачу, и она ответит нам мгновенно. По расчетам Яна, машина может производить 15 000 операций в секунду. А человек — только шесть в минуту.

Знакомьтесь, это машина-экзаменатор «ЭММА-5».

Рисунки В. ШЛЯНДИНА.

Череп дельфина

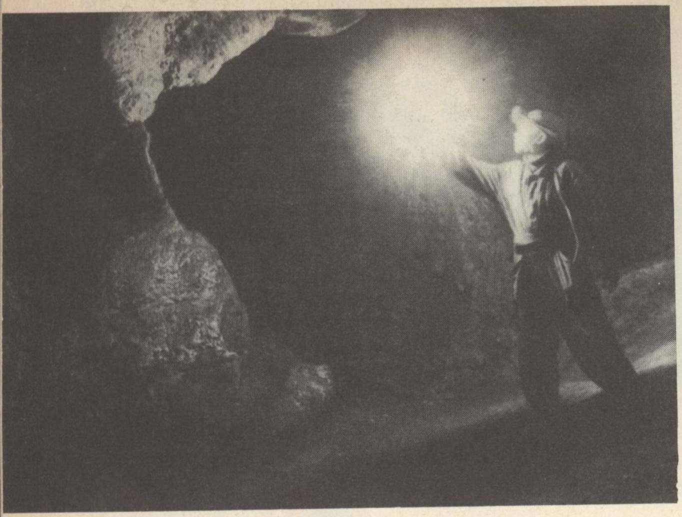
Прочтите эту фразу:

«...мы провели из фокуса параболы две прямые, ограничивающие зоны нулевого значения интенсивности звукового поля. Приняв поверхность черепа идеальным отражателем, мы можем выделить узкий луч (около 30⁰), где концентрируется наибольшая часть энергии и часть средней интенсивности звука».

Это выдержка из работы восьмиклассника Юры Панчина «Роль формы черепа дельфина в звуковой локации». Человеку несведущему ее не только не понять, но и прочесть нелегко. Но что же кроется за этими сухими, пожалуй, слишком уж «учеными» словами?

Юрин отец — любитель-аквалангист. Однажды его пригласили провести отпуск на одной из биологических станций в Крыму: там он мог и любимым спортом заниматься и одновременно помочь ученым в их наблюдениях. Юра поехал с отцом.

На станции Юра впервые увидел дельфинов (они жили в огражденном сеткой вольере), и здесь он познакомился с профессором Авенуром Григорьевичем Томилиным, занимающимся изучением этих животных. Стал «дельфинологом» и Юра, тогда еще семиклассник. Вечерами он читал книги о дельфинах, которые давал ему профессор, днем кормил дельфинов с ложки, наблюдая их, а иногда, когда никто не видел (это было ему запрещено), надев маску и ласты, пробирался в вольер и плавал там вместе с дельфинами.

Несколько десятков ребят занимаются в секции спелеологов. Атлантида — так назвали они одну из пещер, открытых и исследованных ими.

Есть у дельфинов одно свойство, помогающее им прекрасно ориентироваться: звуколокация. Особые органы на голове у дельфина улавливают ультразвук и направляют его довольно узким пучком. Грубо говоря, дельфина можно сравнить с шахтером, у которого лампочка с рефлектором на голове. Только рефлектор этот улавливает не свет, а ультразвук, отражающийся от предметов, и позволяет животному обнаружить, «увидеть» их.

Человек давно уже пользуется звуколокацией. С помощью ультразвука обнаруживаются косяки рыбы, измеряется глубина воды под килем судна, ультразвук заменяет в некоторых случаях рентген... Но никогда еще человеку не удавалось даже приблизиться к тому чуду точности, которой обладает дельфин.

Вот какие сведения я почерпнул из Юриной работы: с помощью звуковой локации дельфин может обнаружить маленькую рыбку на расстоянии в три километра, может отличить шарик диаметром в 6,2 сантиметра от шарика диаметром в 5,6 сантиметра, и это в ста случаях из ста. А в семидесяти семи случаях из ста подопытный дельфин улавливает еще меньшую разницу — всего лишь в два миллиметра.

Раскрыть тайну этого чудесного звуколокатора, понять его устройство стремятся многие ученые. В общих чертах оно известно. У дельфина три пары так называемых воздушных мешков. Предполагают, что одна пара из них генерирует ультразвук, когда воздух переходит из одного мешка в другой. У дельфина есть жировая линза, с помощью которой ультразвук фокусируется и как бы сжимается в довольно узкий луч. Ну, а череп? Играет ли он какую-нибудь роль в звуколокации?

Профессор Томилин как раз и работал над этой задачей. Он убедился, что именно кости черепа играют большую роль в направленности звука. Но какие именно?

Взгляните на фотографию, где Юра показывает вам череп дельфина (нижней челюсти нет). Наверху, примерно под белой пуговицей Юриной рубашки, вы можете разглядеть впадину. Юра узнал, что, по предположению одного американского ученого, эта впадина играет роль рефлектора, направляющего ультразвук. Юра был удивлен: только предположение? Ничем не подтвержденное? Да, только предположение, сделанное как бы вскользь. Вот тут-то Юра и поставил перед собой задачу: он должен или подтвердить, или опровергнуть предположение ученого.

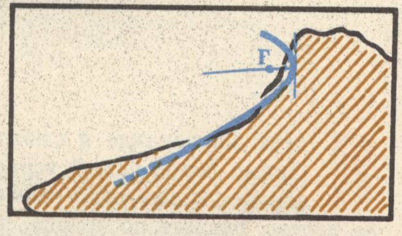
Начался учебный год, начались занятия во Дворце пионеров. Юра ушел из кружка генетиков, где раньше занимался, в кружок бионики. Его ученым шефом стал молодой сотрудник Института кибернетики Юрий Павлович Горго. Да, именно кибернетики. Бионика — это новая наука, где биология смыкается с техникой. Люди стремятся понять, как действуют различные органы животных и растений, чтобы использовать принципы их работы в технике. Одна из отраслей бионики — биокибернетика. Ею и занимается Юрий Павлович. Он изучает, как живые организмы получают и перерабатывают информацию. А разве звуколокация у дельфинов — это не один из способов получения информации?

Юра стал частым посетителем музея Киевского университета. Там ему предоставили

Фото В. Рогожникова.

Юра Панчин измерил профиль черепа дельфина, и у него получилась вот такая парабола. Фокус параболы в точке F.

для работы два черепа дельфинов двух видов — афалины и гринды.

Вечер за вечером Юра с помощью линейки и циркуля измерял впадины на обоих черепах, вычерчивая на бумаге кривые.

И вот результат: у обоих видов дельфинов впадина в своем сечении по профилю представляет собой параболу. Параболическую форму имеет и зеркало прожектора и рефлектор автомобильной фары, собирающие лучи света в узкий пучок.

Юра по специальной формуле рассчитал фокус этого «рефлектора», то есть нашел ту точку, где сходятся лучи ультразвука, отраженные от кости. И вот что он написал в своей работе: «Фокус в обоих случаях находился в районе между вестибулярными и трубчатыми мешками. Именно в том месте, где, как предполагает американский ученый К. Норрис, издаются локационные сигналы».

А вот собственное Юрино предположение.

Наши и зарубежные ученые отметили одну особенность у зубастых китов: череп у них асимметричен — одна сторона больше другой. Юра решил измерить черепа дельфинов, И у гринды и у афалины правая сторона черепа оказалась чуть побольше левой.

В чем же дело? Юра вспомнил, что зубастые киты обладают звуколокацией, а усатые (те, у которых в пасти не зубы, а знаменитый китовый ус) ее не имеют, и череп у них симметричен.

И Юра выдвинул в своей работе очень смелое предположение: эта асимметрия играет какую-то роль в звуколокации. Может быть, она помогает звуковому лучу разделиться на две части, и правая часть луча «ощупывает» одну сторону предмета, а левая — другую. Такая бинарная (двойная) локация, несомненно, помогает добиться куда большей точности, чем обычная.

Но это еще только гипотеза, притом очень смелая. Может быть, теперь кто-нибудь из взрослых ученых, в свою очередь, подтвердит или опровергнет ее.

Как мы это назовём?

Я ходил по Дворцу, знакомился с маленькими и почти взрослыми ботаниками, спелеологами, физиками и другими ребятами, ведущими исследования чуть ли не во всех областях знаний.

Много ребят работают в школьных кружках районных Домов пионеров. В этом году тоже будет проведен конкурс на лучшую научную работу.

Я подумал: ну, чем же это не ребячье научное общество, подобное «Малой Академии наук» в Симферополе? И сказал об этом ребятам и руководителям различных кружков, и они согласились со мной. А как можно назвать такое общество?

Руководитель кружка кибернетики сказал:

— Не знаю, как другие, но мы своему кружку хотели дать имя «Эвротрон». От греческого слова «эврос» — «мысль».

Кто-то еще предложил назвать общество «Спутником».

Но пока и само общество обществом не называется, и тем более названия у этого общества нет.

Какое бы вы, ребята, предложили название?

Разумеется, в этом вопросе решающее слово останется за киевлянами. Но посоветовать может каждый.

Иван **ВЕТЛУГИН**

ГРАНИЦА

Где по горам, где речкой синею,
от столбовых дорог вдали,
бежит причудливая линия
по краешку родной земли.

Поярче прочих обозначена
и прихотлива и легка,
она на карте так обманчиво
от наших будней далека,

что забываем временами
средь радостей своих и бед
о ней, как будто меж делами
нам до нее и дела нет.

Как будто, говоря по правде,
невидимая из окна,
для нас лишь на цветастой карте
и существует-то она.

А между тем —
в степи сожженной
иль средь насупленных дерев
она, как провод оголенный,
она, как обнаженный нерв.

Едва ее коснется где-то
наш тайный или явный враг —
и полыхнет слепящим светом
она,
как молнии зигзаг.

И обнажится в час опасный
та суть, что все мы — я и ты —
живем,
как звенья
этой красной
по карте вьющейся черты.

И не разбить ее, не сдвинуть,
не разомкнуть ее колец,
поскольку нет прочнее линий,
чем цепь из родственных сердец.

Когда во дворе

Карло **КОБЕРИДЗЕ**

РАССКАЗ

Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА.**

Я стою на веранде и смотрю вниз, во двор. Прямо перед нашей верандой растут вишня, абрикос и еще одно раскидистое дерево. Что за дерево, сказать по правде, не знаю. Не дерево, а великомученик! Весь ствол его оброс гвоздями и костылями для веревок.

У некоторых соседей нет своей «линии» (как говорят в нашем квартале): они сушат белье на чужих веревках. Из-за этого случаются ссоры, и тогда... Тогда кто-нибудь приставляет к дереву лестницу и начинает молотить по нему, вбивая еще один гвоздь. Когда бабушка моя слышит это, она ворчит:

— Накажет их бог из-за этого несчастного дерева! Слыхано ли, так измываться над горемыкой!

Сейчас шесть часов, я стою на веранде и жду: вот-вот ребята выйдут играть в футбол. Гелы не видно, наверное, учит английский. С английским у него не ладится.

Мы с Гелой живем на третьем этаже — наши веранды друг против друга, через двор.

Сколько я себя помню, мы с ним всегда вместе — и в детсад топали вместе, и в школу нас отдали в один год. Так с первого дня и сидим на одной парте. Вместе проучились шесть лет, а сейчас оба в седьмом.

Наши папы вместе ходят на охоту.

Наши мамы вместе ходят на рынок.

Бабушка сначала для Гелы вяжет шерстяные носки, потом для меня...

Когда мы перешли в пятый класс и начались каникулы, отец сказал, что лето мы проведем на даче в Манглиси, это совсем близко от Тбилиси. А Гелу собирались отправить в Кахети к деду: там у них сады, виноградники, ребята знакомые. Он очень радовался этому, но переживал, что мы все лето будем врозь. Я, конечно, тоже расстроился. И тогда отец обещал, что повезет меня на несколько дней в деревню к Геле. Договорились мы

играют в футбол

так, а на другой день отправились с отцом за покупками.

Зашли в спортмагазин на проспекте Руставели. Отец купил мне тренировочный костюм, тапки, мяч...

— Вернемся домой, а потом мы с Гелой снова придем сюда,— сказал я.

— Зачем? — удивился отец.

— Гела хочет удочки купить. Мы же будем ловить с ним рыбу, когда я поеду в Кахети.

— Ну, это дело нетрудное,— улыбнулся отец.— Мы и сами купим.

— Гела умеет покупать хорошие удочки.

— Пожалуй, немного и я смыслю в этом,— рассмеялся отец и купил три удочки разной величины.

Тут вдруг грянул гром, хлынул дождь. Пришлось его пережидать. Правда, ливень скоро перестал.

Потом мы заглянули в книжный магазин, потом в аптеку, а когда вернулись домой...

Когда вернулись домой, двор набит был людьми, соседи столпились, кричат, руками размахивают. Увидел нас дядя Гиорги и заторопился навстречу.

Отец бросил чемоданчик на землю, схватил дядю Гиорги за руку.

— В чем дело? — спросил он дрожащим голосом.

— Эх,— махнул рукой дядя Гиорги,— Гела ногу сломал.

— Как, что ты говоришь?!

Нас обступили другие соседи.

Я растерялся. Поверить никак не мог. Да вот же он только в баскетбол играл...

Вернулись мы с отцом и увидели: весь двор набит людьми.

Отец сунул мне в руки чемоданчик и велел:

— Иди домой и не смей шагу сделать!

Дома была одна бабушка. И такая сердитая! Схватила котенка за хвост и тащит от банки с простоквашей — застала на месте преступления. Я еле вырвал беднягу из ее рук.

Бабушка охала, ахала. И тут я сообразил, что она из-за Гелы расстроилась, а на котенке отводила душу. Я и сам не знал, что делать, не мог на месте усидеть, все ходил из комнаты в комнату, на веранду заглянул, потом на кухню. Все думал и думал, как это случилось...

Гела тихий мальчик, спокойный. И на уроках такой; пока все не продумает, не взвесит, не ответит на вопрос. И на переменках не носится, как другие.

Позвонили в дверь, я бросился открывать. Открыл — передо мной стоял Джуаншер. Он сразу протянул мне ключ.

— Отец велел тебе передать, это от квартиры Гелы — пускай, говорит, спрячет.

— Входи же!

Мы остановились в кухне и смотрели друг на друга. Я был так расстроен, что даже в комнату его повести не догадался. А разве можно принимать гостя на кухне!

— А где ты был? — спросил Джуаншер.

— С отцом ходил. Послушай, как же он сломал ногу?

— На баскетбольной площадке...

Тут я взорвался:

— Подножку поставили?!

— Какое там подножку! Он с липы свалился... Кто-то дал по мячу ногой — он и застрял в ветках липы, на самой макушке. Что мы только ни кидали, не сумели сбить. Тогда Гела залез на дерево, поскользнулся и...

— Не надо дальше.

И все же я спросил:

— Он плакал?

— Немного. Хорошо, «Скорая» быстро пришла.

— А в какую больницу его повезли?

Тут бабушка прикрикнула на Джуаншера:

— Что ты тут разболтался!..

И Джуаншер ушел.

Мама вернулась домой поздно. Заплаканная, глаза припухли.

— Как Гела? — кинулся я к ней.

И опять бабушка вмешалась, я видел, она нарочно наступила ногой маме на ногу.

— Хорошо,— ответила мама.

— Я должен повидать его! — сказал я и стал искать туфли.

— Не пропустят тебя к нему,— сказала мама.

Тут уж я не сдержался — всхлипнул. И мама заплакала.

В это время явился отец и так накричал на нас, что котенок юркнул под кровать.

— Ночевать сегодня не приду,— сказал отец, хлопнул дверьми и ушел.

— Пошел дядю Мишу уговаривать, чтоб сделал Геле операцию,— объяснила мама.

Мой дядя — профессор. Всем нашим родственникам и соседям он делает операции. Палец у кого-нибудь заболит — и тут же спешат к моему отцу: скорей, помоги! Отец сначала сердится, потом засмеется, скажет только «эх-эх» и идет к брату.

Я выпил чаю и лег. В полусне мне еще больше стало жаль Гелу, и такой страх охватил! Я вертелся-вертелся в постели, никак не мог уснуть, а когда уснул, Гелу увидел: во сне мы гоняли мяч в нашем дворе, играли без конца...

Утром я долго просил и папу и маму взять меня повидать Гелу, но так и не уговорил их. Я обиделся и отказался есть. Хорошо еще, что отец не слышал, а то он знает, чем лечить отсутствие аппетита. Он лишних слов не тратит — вместо стакана молока литр заставит выпить. И попробуй не выпить!

Когда отец выходит из себя, бабушка Гитлера клянет:

— Он испортил ему нервы, окаянный!..

Бабушка постлала на полу белое полотно, на полотно — одеяло и принялась простегивать его. Я прилег на тахту. И все думал о Геле: как он теперь? Наверное, нога очень болит...

На веранде послышался голос отца, он разговаривал с нашей маленькой соседкой Мзией.

— Что ты играла, Мзия?

— Шумана, дядя Котэ, Шумана играла.

— Ишь ты,— весело сказал отец,— от горшка два вершка и уже: «Шумана, дядя Котэ, Шумана играла!» — передразнил он тоненьким голоском.

Я вскочил, сразу от сердца отлегло: раз отец в веселом настроении, значит, дела у Гелы хороши.

Он вошел в комнату, бормоча про себя:

— А хорошо играет, чертенок...

И похлопал меня по плечу.

— Гела держится молодцом, сынок, хорошо перенес операцию.

Я просиял.

— Правда, пап?

— Правда, сынок, неужели обманываю? — И спросил еще: — Обрадовался?

Я уехал в Манглиси, так и не повидав Гелу. Несколько раз я пытался попасть в больницу, да кто меня пропустит. Вахтер так строго смотрел на меня, словно он, а не мой дядя был профессором.

По субботам отец приезжал к нам в Манглиси. И каждый раз говорил, что Гела поправляется, ему лучше. В одно из воскресений он взял меня с собой в Тбилиси. Мы накупили книг, фруктов. Соседи наши пошли с нами в больницу. Я положил гостинцы на тумбочку у кровати Гелы. Я склонился к Геле и обнял его. Нога у него была в гипсе, а под ноги подложены две подушки.

— Почему так долго не приходил? — упрекнул меня Гела.

А что я мог ответить?.. Наговорились мы с ним вдосталь: о футболе, о школе, о товарищах...

...Через месяц Гелу выписали из больницы и отвезли к дедушке в Кахети.

В то лето наши удочки провалялись в чулане.

В конце августа мы вернулись из Манглиси.

Бабушка от радости сама не своя была. Наш котенок вот такой стал, говорит, и показала мне какой! Когда я был меньше, она все обо мне говорила, а теперь котенок да котенок!

Все от мала до велика выходят на веранды и следят за игрой...

— Что ж, хороши у вас с котенком дела,— усмехнулся отец.— Когда будем справлять ему день рождения?

Бабушка обиделась.

Оказалось, отец купил уже учебники и мне и Геле.

Я вынес на веранду свой разболтанный велосипед и слышу: Гела кличет меня. А я-то думал, он еще в деревне. Оглянулся и вижу: поднял костыль и кричит во весь голос:

— Приехал уже? Здравствуй!

Я швырнул велосипед и бросился к нему. А через час мы уже выложили друг другу все, что только могли, все, что видели и слышали за лето.

С тех пор прошло два года. Три раза Геле меняли костыль.

Вся школа любит Гелу. И раньше любила, пока он ногу не сломал. Сказать, что меня все любят, будет ложь. Гела особенный: никого не задирает, не обижает. Не то что я: чуть мне не так скажут — сразу стукну, без долгих разговоров. Гела учится на пятерки, а я на четверки.

В прошлую четверть я собирался стать отличником, но сорвался. И представляете, на чем? Прямо со злости лопаюсь — на географии. Надо же — на географии! И ведь всего одну четверку получил! Но так не вовремя — нового велосипеда лишился из-за нее. Теперь уж отец не купит... Говорит, уговор есть уговор.

Не стану описывать, как встретила школа Гелу, когда увидела его на костылях. Скажу одно: у преподавателей слезы на глазах навернулись, и вместо Гелы меня наставляли: ну, смотри теперь...

Как наступает пора идти в школу, Гела выходит на веранду и окликает меня:

— Эгей!

Я тотчас выбегаю на веранду, хватаю портфель и лечу по лестнице.

— Доброе утро, дядя Гиорги,— здороваюсь я на бегу с соседом.

— Здравствуй, здравствуй! За Гелой?

— За ним!

— Привет от меня.

Дядя Гиорги — шофер. Он три дня кряду работает, три дня отдыхает.

Я взбегаю к Геле, беру у него портфель, и мы медленно, с передышками спускаемся по ступенькам во двор.

Идем в школу и разговариваем по дороге.

— Скоро нога у меня будет как новенькая,— говорит Гела,— опять будем играть в футбол.

— Не хочу в футбол.

— Что с тобой?! — удивляется Гела.

— Предпочитаю шахматы. Где будешь играть в мяч, когда снег выпадет? А в шахматы всегда можно. Вот почему я предпочитаю шахматы...

До того, как Гела сломал ногу, мы все время гоняли мяч. Я был девятым номером, он — третьим, но в другой команде. Так что он играл против меня. Но не помню, чтобы он хоть раз толкнул меня нарочно или подножку дал. Случалось такое нечаянно, и тогда мы смеялись, будто ничего и не было. Игра, как же иначе!

— Врач сказал, скоро избавлюсь от костылей,— говорит Гела.

— Когда сказал?

— Вчера.

— Вот здорово-то!

Врач навещает Гелу два раза в неделю. У врача в руках маленькая красивая сумка. Она раскрывает сумку, достает из нее белый халат, надевает и спрашивает:

— Ну, как себя чувствуешь?

— Хорошо, тетя Эка. А как вы себя чувствуете?

Врач улыбается. Смеется и Гелина мама; отец его в это время обычно на работе.

Врач осматривает его ногу и уверяет:

— Еще немного — и выбросим костыль в Мтквари.

Так вот «понемногу» уже два года прошло...

Школа наша не очень далеко, но мы все же иногда опаздываем на урок.

По дороге в школу нам приходится переходить один перекресток. На перекрестке нет светофора, зато стоит регулировщик дядя Зорибег.

Завидит нас дядя Зорибег и обязательно спросит:

— Ну, как дела, мальшишки?

(Он азербайджанец, плохо говорит по-грузински.)

— Здравствуй, дядя Зорибег!

— Привет, дядя Зорибег!

— Стравствуй! Как вы, молодсы?

— Хорошо!

Дядя Зорибег знает, где мы учимся и как мы учимся. Что у нас нет братьев и сестер, он и это знает. А где живем, это уж преотлично ему известно! Разумеется, от нас самих...

Он останавливает машины:

— Медленно идите, молодсы!

Мы все-таки спешим.

— Спасибо, дядя Зорибег.

Перейдем мы широкую улицу, оглянемся и видим: машет нам рукой.

И мы ему машем... Обойдем сквер, и вот уже наша школа.

Наш класс на третьем этаже. Сколько ступенек надо одолеть! Я снова держу два портфеля.

Когда мы опаздываем, двери в класс отворяю я. Преподаватель улыбается нам.

— Пришли, ребята?

Когда другие опаздывают, видели бы вы, как им достается!

В классе я оба портфеля кладу в парту, потом, когда Гела садится на свое место, ставлю его костыль у доски.

Гела только на большой перемене выходит в коридор. А на других мы сидим и болтаем.

Из школы мы возвращаемся так же медленно, с передышками.

Опять широкая улица, опять голос:

— Домой, молодсы?

И рука дяди Зорибега останавливает машины.

Потом я иду домой. Обедаю. А после... После опять с Гелой — занимаемся.

Потом, если нам смотреть по телевизору нечего,

— Иди, — просит меня Гела, — покажи им, как надо играть!

Играем в шахматы, когда холодно — в комнате, когда тепло — на веранде.

В это время, случается, во двор забредает маленький человечек с мешком на спине и протяжно кричит:

— Земля-я для цветов! Кому зе-мля для цветов!

Услышит бабушка Дати, вспомнит, что внук ее во дворе, и машет ему веником с четвертого этажа:

— Чтоб тебя земля поглотила, подымись, наверх! Сколько можно играть!

Когда лучи солнца достигают окон второго этажа, ребята со всего дома высыпают во двор и несут кирпичи.

Высокий Джуаншер отсчитывает шесть шагов и ставит кирпичи с двух концов. Лео выносит мяч, и ребята делятся на две команды.

Первоклассники, второклассники и третьеклассники не имеют права играть с семиклассниками, поэтому они мечтают поскорее перейти в четвертый класс.

Иногда мяч летит без адреса, и разлетаются стекла в окне, но это уже стало делом обычным.

Три раза в неделю дядя Гиорги становится в центре двора и спрашивает:

— В чьи ворота сперва?

Разгорается спор.

— Пускай сначала в ваших воротах станет,— говорит высокий Джуаншер.

— Почему это сначала в наших?! — возмущается Лео.

В конце концов они договариваются, и начинается игра.

Тогда все от мала до велика выходят на веранды и следят за игрой.

Мы с Гелой тоже на веранде расставляем фигуры на шахматной доске.

Раньше было так: в чьих воротах стоял дядя Гиорги, та команда проигрывала. А теперь решили: в первом тайме он вратарь одной команды, во втором — другой.

Стоит дядя Гиорги в воротах и один за другим пропускает мячи. А когда выбивает мяч, он падает прямо у ног противника, тот бьет по мячу, но судья уже протягивает руку к центру.

Судьей всегда низкий Джуаншер (у нас два Джуаншера во дворе).

И второй вратарь не чудо. Я о Галусте говорю. Как пропустит мяч, так отец его, Акопа, вскакивает со стула, возмущается:

— Вай, зря тебя кормлю-пою!

Вот когда надо посмотреть, как хохочет мой отец.

— Что ты, как гусь, переваливаешься! — кричит на Кахи его отец.— Сильней бей, сильней.

А тетя Ивелита еще громче кричит на мужа:

— Да замолчи ты! — разводит руками и жалуется моей маме: — Совсем свел с ума ребенка!

Пока мы с Гелой делаем два хода, дядя Гиорги успевает пропустить два мяча.

Во дворе становится все шумнее.

Я сижу, уставившись в шахматную доску, Гела стучит костылем по полу:

— Паата, что ты делаешь? Подножку подставляешь?! Не стыдно тебе?!

— Ну-ка, марш наверх! — Это дядя Пааты.

— Не буду больше! — обещает Паата.

— Смотри, еще одна подножка — пойдешь домой!

Я тоже гляжу вниз.

— Тоже мне футболист!

— Иди,— просит меня Гела.— Покажи им, как надо играть.

— Не хочу, предпочитаю шахматы,— отвечаю я, хотя, что от вас-то скрывать, при виде мяча у меня коленки трясутся. Целых два года я в футбол не играл. Случается, иногда ударю по мячу и тут же вспоминаю Гелу...

— Ты неправильно поставил королеву,— говорю я Геле.— Знай, возьму ее.

Гела все размахивает костылем.

— Кому подаешь, Каха!

Каха вскидывает голову в нашу сторону.

— Да, правда, я неправильно поставил! — говорит Гела и ставит королеву на другую клетку.

— Ух, молодец Галуст, спас ворота! Такой мяч никто бы не взял! — не удерживаюсь я. Гела дергает меня за руку.

— Что делает черный король на черной клетке?

— Да...

И мы снова расставляем фигуры.

Когда вратарем дядя Гиорги, игра всегда кончается вничью. Дойдет счет до «пять — пять» или «семь — семь», и он кричит жене:

— Маквала, мне из Аджамети[1] не звонили?

— Телефон оборвали, дорогой! Ждут не дождутся!

— Не хочу больше играть,— говорит он ребятам.

Гиорги уносит с собой мяч.

— А мяч куда?! Мой он! — бежит за ним Лео.

— А я думал, мой,— притворно оправдывается дядя Гиорги и, отряхивая брюки, смеется.

Потом всех зовут по домам...

Так кончается футбол в нашем дворе...

— По радио говорили: завтра дождя не будет,— говорит Зура...

Хоть бы и вправду не было завтра дождя! Завтра наше «Динамо» играет...

Перевод с грузинского
Э. ДЖАЛИАШВИЛИ.

[1] Страна Дураков.

Миразиз
АГЗАМ

Тишина

В темном небе
Мерцает луна,
В доме спят.
Тишина.
Тишина.
Мама спит.
Папа спит.
Спит мой брат.
Тишина.
Тишина.
В доме спят.

Тишина.
Тишина.
Спит мой сад:
Груша,
Яблоня,
Тут,
Виноград,
И кусты,
И цветы —
Все подряд.
Тишина.
Тишина.
Спит мой сад.

Тишина.
Тишина.
Лишь порой
Слышно мне,
Как шумит
За горой
Водопад:
Лишь один он
Не спит,
Лишь один он
Гремит
И гремит.

Вдруг
В саду
Чуть заметно,
Едва,
Вдруг
В саду
Зашуршала
Листва.
И за шорохом
Вслед
Во весь дух
Прокричал,
Прогорланил
Петух.
И пустилась
Тогда наутек
Тишина,
Как кудлатый щенок...

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

Путешествие

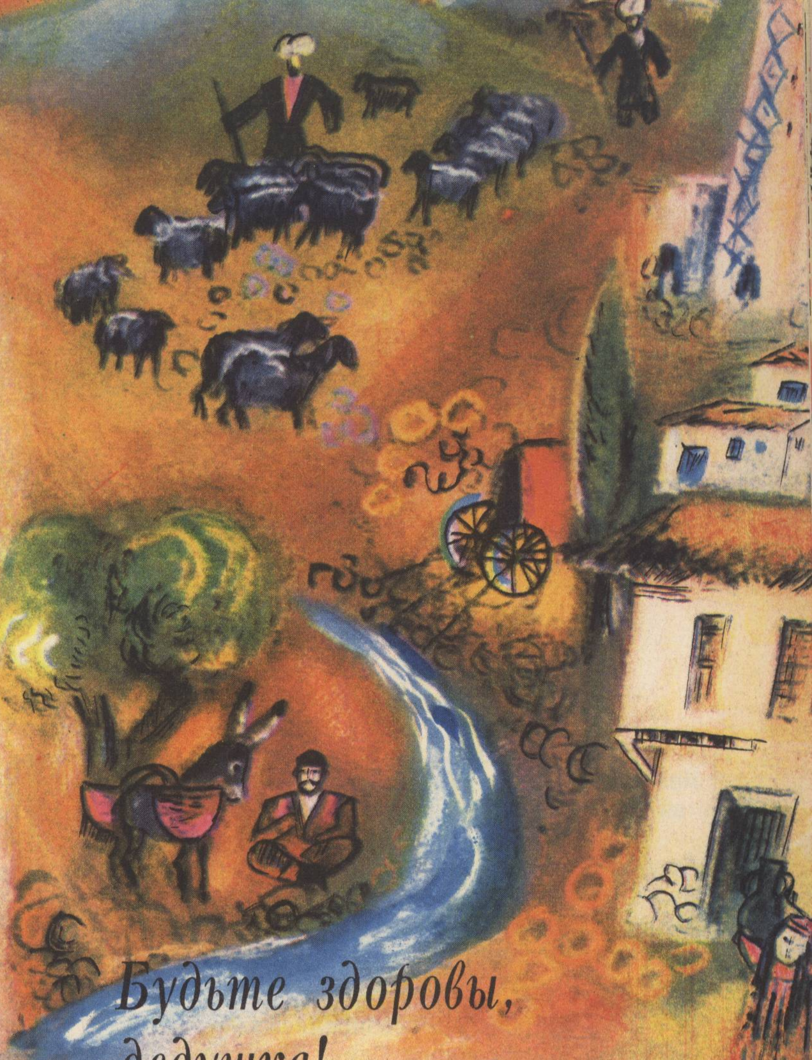
Ровно
Десять
Рюкзаков,
Словно
Десять
Облаков,
Проплывают над тропинкой
Вдоль зеленых берегов.

Опустились
Рюкзаки
Под чинарой
У реки.
Сразу стали наши плечи
Удивительно легки.

Собирали
Мы
Тюльпаны,
Провожали
Караваны,
Плыли
Мимо
Кишлаков
Десять
Пыльных
Облаков,
Мимо хлопковых полей,
Мимо гор и тополей.

...День уходит, яркий, летний.
У реки — привал последний,
И на память всех ребят
Щелкнул фотоаппарат.

Перевел с узбекского
И. МАЗНИН.

Будьте здоровы, дедушка!

Гафуру Гуляму

— Черноглазые мои!
Если я в словах найду такие краски,
Чтоб рассказывать вам солнечные сказки,
Где добро в чести, а горе не беда,
Дорогие, что вы скажете тогда?
— Будьте, дедушка, здоровы!

— Колокольчики мои!
Если в школу я приду к вам невидимкой
Синим утром, доброй вестью, легкой дымкой,
Обниму вас и растаю без следа,—
Дорогие, что вы скажете тогда?
— Будьте, дедушка, здоровы!

— Озорные вы мои!
Если я вас посажу себе на плечи
И взлечу туда, где звезд мерцают свечи,
Чтобы звезды разглядеть, как города,—
Дорогие, что вы скажете тогда?
— Будьте, дедушка, здоровы!

— Ах вы, милые мои!
Если я в свои стихи вплету тюльпаны,
Все арыки, все плоды Узбекистана
И венок свой подарю вам навсегда,—
Дорогие, что вы скажете тогда?
— Будьте, дедушка, здоровы!

Перевел с узбекского
Ю. КУШАК.

ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВОЧКА

РАССКАЗ

Игнатий ПОНОМАРЕВ

Рисунки П. БАГИНА

Мы с Миронычем собирались на охоту, когда в избу вошел Семен Терехин, высокий, костлявый старик. Обычно веселый, сейчас он был чем-то сильно расстроен.

— Здорово, охотники! — мрачно сказал он и снял шапку. — За подмогой к вам пожаловал.

Он сел на табуретку, погладил широкую лысину грубой, в мозолях и трещинах, рукой и спросил:

— На зверя собираетесь или на дичь?

— Кто попадется, — ответил Мироныч. — А ты что это сегодня черен, как бочажина? Что стряслось-то?

— Почернеешь, когда тебя грабят, а ты поделать ничего не можешь, — хмуро проговорил Терехин.

— Грабят? Кто грабит? Что?

— Да маралы, будь они прокляты! Прямо спасу нет. Подстрелили бы вы их, а? Сделайте такое, помогите мне.

— Подстрелить нетрудно, да только штраф велик и совесть не велит, — подумав, произнес Мироныч. — А что они у тебя разграбили?

— Сено. Один стог съели и ко второму подбираются.

— Вон что, понятно, — кивнул Мироныч.

— Я уж и тряпки красные вокруг стога вешал, и нафталином снег посыпал, и чего только не делал — ничто их не отпугивает! Хотел вот еще яму вырыть подле стога, да земля замерзла. Одно осталось — перестрелять.

— «Перестрелять», — усмехнулся Мироныч. — Ишь, куда хватил! Да разве можно такое? Это же преступление будет!

— А что же мне делать тогда? Что? Сожрут сено — корова голодать будет. А что важней: корова или эти маралы?

— Н-да... — задумался Мироныч, затем предложил: — А почему бы тебе не вывезти его, сено-то? Вывези, и делу конец!

— Да как его вывезешь? Река-то еще не застыла, а другой дороги на мой покос нету, тропа только.

Старик умолк, потом горестно вздохнул:

— А сенцо-то у меня, прямо скажу, золотое. Целое лето на него потратил! Покос-то мой в тайге, скоро не накосишь: кусты, кочки... Вот я целое лето и бился. Кое-как наскреб возов десять, сметал в два стога, а тут вдруг эти маралы, на готовое-то!.. Скоро и от второго стога труху да ошметки оставят. И как от них избавиться, леший их разорви?! Как? — Терехин вопросительно уставился на Мироныча. — Стрелять нельзя, тогда придумай что-нибудь другое. Ты же охотник, таежник. Помоги найти выход!

— Ты табаком снег посыпал? — вдруг спросил Мироныч.

— Всем посыпал, даже керосином вокруг стогов все полил — ничто их не держит!

— Вот как! — удивился Мироныч и призадумался. — Забавный случай, очень даже забавный. Обычно они боятся таких запахов, а тут...

Даже что-то не верится. Ты ничего не путаешь?

— Да как я могу путать? Не пьяный же я!

— Ну, ладно тогда. Попробуем разобраться что к чему. Где твой покос-то? Не в Сыром ли логу?

— В нем самом.

— Ясно. Видел я осенью там твои два стожка. Не горюй, что-нибудь придумаем!

В Сыром логу мы с Миронычем появились на закате. Отыскали в устье ручья, впадающего в реку, сено Терехина и подошли к нему.

Один стог был почти до остожья разрушен и съеден. Вокруг него виднелось множество маральих следов. Тут же мы приметили и следы Терехина: красные тряпки, остатки костра, пачку из-под махорки, бутылку из-под керосина и многое другое. Терехин крепко потрудился, но сено все-таки не уберег. Разглядывая его следы и вдыхая острые запахи горелой резины и солярки, Мироныч не переставал удивляться:

— Да что же это за маралы такие? Прямо как коровы, ничего не боятся! Ну и ну-у!..

Второй стог стоял на самом берегу реки, охваченной тонким, еще не успевшим окрепнуть ледком. Маральих следов подле него было меньше, зато Терехин тут поработал больше. Кроме того хлама, который мы видели у первого стога, здесь еще трепалось на ветру пугало в рваной фуфайке и драной шапке. Но было видно, что и это ухищрение не могло спасти сена. Маралы уже начали слегка потреблять его, трусить и втаптывать в снег.

— Да-а... — почесывая бороду, задумчиво произнес Мироныч. — Забавно все это. Очень!.. А у Терехина, видать, ума не хватило стога городьбой обнести — сушняку-то кругом вон сколько! — Он кивнул на заросли горелого ельника и вздохнул: — Эх, голова осиновая!..

Обойдя стог и осмотрев все предметы вокруг него, мы присели на лиственницу, поваленную ветром, и закурили. Мироныч молчал, о чем-то сосредоточенно думая. Потом заговорил, не обращаясь ко мне:

— Отпугнуть-то мы их отпугнем, но сперва поглядеть бы я хотел на них. Уж очень чудными мне они кажутся, эти маралы. Ни запах, ни цвет их не пугает. А ведь они дикие и человека непременно должны бояться. Что-то тут не то.

— А чем мы их отпугнем, Мироныч? — спросил я.

— Чем? — Он повернулся ко мне. — Веревочкой.

— Какой веревочкой?

— Вот этой. — Мироныч вынул из рюкзака длинную льняную бечевку и подал мне. — Специально прихватил. Иначе, видать, их ничем не остановишь. Натянем ее сейчас на колья вокруг стога, и никакой марал сюда не подойдет!

Я внимательно оглядел, ощупал и обнюхал бечевку, но ничего особенного в ней не обнаружил. Удивленный, я с подозрением посмотрел на Мироныча: не подшучивает ли он надо мной? Но он уже вырубал с озабоченным видом из сушины колья. Подозрения мои рассеялись, и я спросил:

— А что в ней за сила такая, в этой веревочке?

— Сила? — Мироныч окинул меня пристальным взглядом и вдруг лукаво усмехнулся: — Волшебная сила.

Он понял, что я не имею никакого представления о его веревочке, и решил потешиться надо мной. Такая уж у него была привычка. Но потешался он всегда с умыслом — хотел, чтобы я сам разобрался в том, что казалось мне неясным.

— Самая наиволшебнейшая сила, — повторил он, втыкая в снег острый кол, и попросил: — Помоги-ка мне...

Мы установили вокруг стога четыре кола и натянули на них бечевку.

— Ну, вот и все,— сказал Мироныч.— А сейчас мы где-нибудь спрячемся. Уж очень хочется мне повидать этих сеноедов.

— Думаете, сегодня придут? — усомнился я.

Мироныч поглядел на вечернее небо, по которому мчались снежные рваные тучи, и заключил:

— Должны прийти. Дело к метели. А метель — самое время маралу у стога потоптаться.

Мы осторожно перешли по гибкому льду на другой берег речки и затаились там в густом, низком ельнике.

Смеркалось. Словно туман, отовсюду поползла синева. Скоро в ней потонули дальний лес и прибрежные скалы. А стог и ближние деревья сделались серыми и начали расплываться.

Мы лежали на снегу, рядом со следами заячьих лап. Дул холодный, въедливый ветер. Я продрог и хотел встать на ноги, чтобы согреться, но Мироныч вдруг прошептал:

— Тише! Идут!

Я поспешно поднес к глазам бинокль, посмотрел на покос и совсем рядом увидел двух маралов — быка и корову. Они неторопливо пробирались через сушняк к стогу. Несмотря на сумерки, в бинокль хорошо проглядывались их поджарые фигуры, большие фиолетовые глаза и все отростки огромных рогов на голове быка, который шел первым. Животные были спокойны и подходили к сену свободно, совсем как домашняя скотина.

— Бинокль! — громким шепотом попросил Мироныч.

Я подал ему бинокль. Он вцепился в него с непонятной мне жадностью и долго следил за маралами, потом загадочно промолвил:

— Так и знал! Ясно теперь, почему они Терехина не боятся. Посмотри им на уши!

Я поглядел в бинокль и увидел на маральих ушах какие-то железные скобки.

— Это клейма,— объяснил мне Мироныч.— Маралы сбежали из Артемовского питомника. Помнишь, об этом недавно еще в районной газете писали? Читал?

Я отрицательно помотал головой и спросил:

— Выходит, они ручные?

— Да. Может, в питомнике даже и родились.

— Тогда, конечно, они ничего не боятся. И веревочка ваша их не отпугнет, хоть она и волшебная,— усмехнулся я.

— Веревочка? — Мироныч хитровато прищурился.— Это мы еще посмотрим, отпугнет или нет.

Маралы приблизились к стогу и неожиданно резко остановились. Шерсть на загорбке у быка вздыбилась, и он с шумом потянул носом. Подруга его вскинула голову и стала пугливо озираться по сторонам. Затем шагнула к сену, ткнулась носом в бечевку и вдруг метнулась от нее в сторону, побежала. Бык кинулся за ней, и через несколько мгновений животные скрылись в дальнем березняке.

— Видал? — с торжествующим видом произнес Мироныч и поднялся со снега.— А ты смеялся еще.

— Да что же они унюхали в ней, в этой веревочке? — взмолился я.— Объясните же, Мироныч!..

Мы вернулись к стогу. Мироныч отрезал ножом кусочек бечевки и подал его мне.

— Брось дома собаке,— может, сам поймешь.

И не сказал больше ни слова.

...Возвратясь домой, я подозвал к себе собаку Жульку, любимицу Мироныча, и дал ей понюхать отрезок бечевки. Жулька ощетинилась и зарычала, словно почуяла рядом хищного зверя. Я тоже понюхал бечевку, но, как и на покосе, опять не уловил никакого особенного запаха.

— Нюх у тебя не тот, скажи ему, Жулька,— рассмеялся Мироныч, успокаивая собаку.— Чтобы понять, чем пахнет, ноздри надо иметь особые. Так ему и скажи, милая!

Озадаченный, я молчал.

— Эх ты!..— хлопнул меня по плечу Мироныч.— Чего понять не можешь!.. Рысьим жиром она смазана, веревочка-то эта! А маралам да собакам рысь — первый зверь. Вот они и щетинятся. Нюх-то у них поострей нашего. Кумекаешь теперь?.. Ну, то-то!..

Ю. ЮРЬЕВ

ГОРОД, ПЕШЕХОД, АВТОМОБИЛЬ

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Три тысячи четыреста лет у светофора

Я живу в самом центре Москвы. С каждым годом здесь все труднее переходить улицу. Машины, машины, лавина машин.

Встал я как-то у Колхозной площади и решил посчитать, сколько же их проносится за минуту. В глазах зарябило. В одну сплошную ленту слился поток — как след от реактивного самолета.

Но, оказывается, ученые уже подсчитали: четыре с половиной тысячи машин в час. Две секунды — три машины! Вот какой это беспокойный «пятачок». И если бы он был в Москве один. А то ведь автомобили буквально заполонили город. Они оттеснили пешеходов к самым тротуарам, оставили им лишь узкие полоски на дорогах, чтобы можно было торопливо перебежать с одной стороны на другую.

Как же дальше-то быть? Может, сказать: «Стоп! Остановить лавину автомобилей»? Нет, это не выход из положения. Транспорт нужен больше всего самому же... пешеходу. Посчитай-ка, сколько нужно иметь автобусов и троллейбусов, чтобы каждый день перевозить в Москве почти десять миллионов пассажиров? Уймищу! И всем охота ездить быстрее, не терять много времени на колесах. Но поди разгонись, когда перекрестки кругом. Чуть разгонишься — стоп, машина! Ежегодно все московские автобусы, троллейбусы, автомобили простаивают у светофоров почти тридцать миллионов часов, три тысячи четыреста лет, которые в общем-то зря пропадают.

Вот тут мы и подошли к проблеме, которая волнует архитекторов и строителей: как сделать так, чтобы в городах было хорошо автомобилю и пешеходу?

Трудная проблема, скажу честно. Ведь в нашей столице к двухтысячному году машин будет в десять раз больше.

Значит, надо что-то делать. И не надеяться на чудо.

Уравнение улицы

Уже давно, едва появился первый автомобиль, решили научить улицу разговаривать, дать ей точный и выразительный язык — язык знаков.

И улица заговорила с нами.

ЗНАКАМИ ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИМИ: «Поворот направо», «Крутой спуск», «Поворот налево».

ЗНАКАМИ ЗАПРЕЩАЮЩИМИ: «Скорость 20 км/час», «Обгон запрещен».

ЗНАКАМИ УКАЗАТЕЛЬНЫМИ: «Стоп», «Переход», «Берегись автомобиля».

Но улица сказала и о самом главном: дайте дорогу!

И тогда многое пришлось менять в наших городах. Распрямлялись улочки. Передвигали здания, которые углами врезались в мостовые. Не только Сема из стихотворения Барто, но и многие москвичи удивлялись: «Дом стоял на этом месте, он пропал с жильцами вместе...»

Так тридцать пять лет тому назад появилось в нашей столице Садовое кольцо. Оно забрало в свою стремительную карусель множество автомобилей, которые до этого петляли и плутали по узеньким улочкам и переулкам старой Москвы. Просторнее машинам стало.

Но город не стоит на месте. Москву опоясали Большой кольцевой дорогой. Тысячи машин приняла она на свою асфальтовую спину. Сейчас между двумя дорожными кругами (можно сказать, «спасательными» для пешеходов) прокладывается еще третий.

Кольцо, круг — это не случайно. Издавна в столице сложилась такая схема дорог, которая называется радиально-кольцевой. От самой дальней окраины к центру тянутся линии-радиусы. Ну, конечно, эти радиусы не по ниточке протягивались — бывает, что и петляют и коленца выделывают, но они все равно кратчайшие. И шоферы пользуются этим. Зато постовые милиционеры хватаются за голову: в центре нет спасу от транспорта, помилуйте, товарищи градостроители...

Вот почему в Генеральном плане развития Москвы предусмотрены четыре скоростные дороги. Каждая из них напрямую пойдет не через

центр и в то же время соединит разные точки Большого кольца (по направлению хорды, говорят специалисты, — потому и трассы назвали хордовыми).

Новые скоростные дороги не раскидают существующие улицы как попало и куда попало. В одном месте новая магистраль удачно вольется в давнишний проезд, в другом — взовьется вверх и упругой мышцей перекинется через площадь. Двухэтажной станет дорога. И даже... трехэтажной. Одна из них уже построена. Она пробегает как раз у подножия высокого дома, где находится редакция журнала «Пионер».

Еще три года назад здесь, на площади Савеловского вокзала, царила ужасная неразбериха — пробки, заторы. Шоферы ругались, пешеходы боязливо перебегали от тротуара к тротуару. Три магистрали скрестились здесь, как шпаги...

И вот возвели трехэтажную эстакаду. Совсем другая жизнь кругом началась! Из окон «Пионера» можно свободно наблюдать, как теперь все ловко устроилось.

Одни машины взбегают на третий этаж. На втором этаже несется другой транспортный поток. В самом низу — тоннель: он тоже соединяет две улицы. Три различных маршрута, и ни один не пересекает другой. Здорово!

Про пешеходов тоже не забыли. Под улицами протянулись подземные коридоры. Спускайся по ступенькам и шагай под мостовой. Просторно, светло и безопасно!

В Москве сто сорок таких коридоров. К ним уже все привыкли. И трудно представить, что их когда-то не было. А что творилось лет пять назад около метро «Дзержинская», в том месте, где переход к магазину «Детский мир»! Я тебе две цифры приведу: в час тут проходят двадцать тысяч человек. В час же наперерез пешеходам мчалось больше четырех тысяч автомобилей. Не работа, а мука для постового! Теперь в этом месте, под проспектом Маркса, — подземный коридор. Водитель не сердится на пешехода, а тому нет дела до автомобиля.

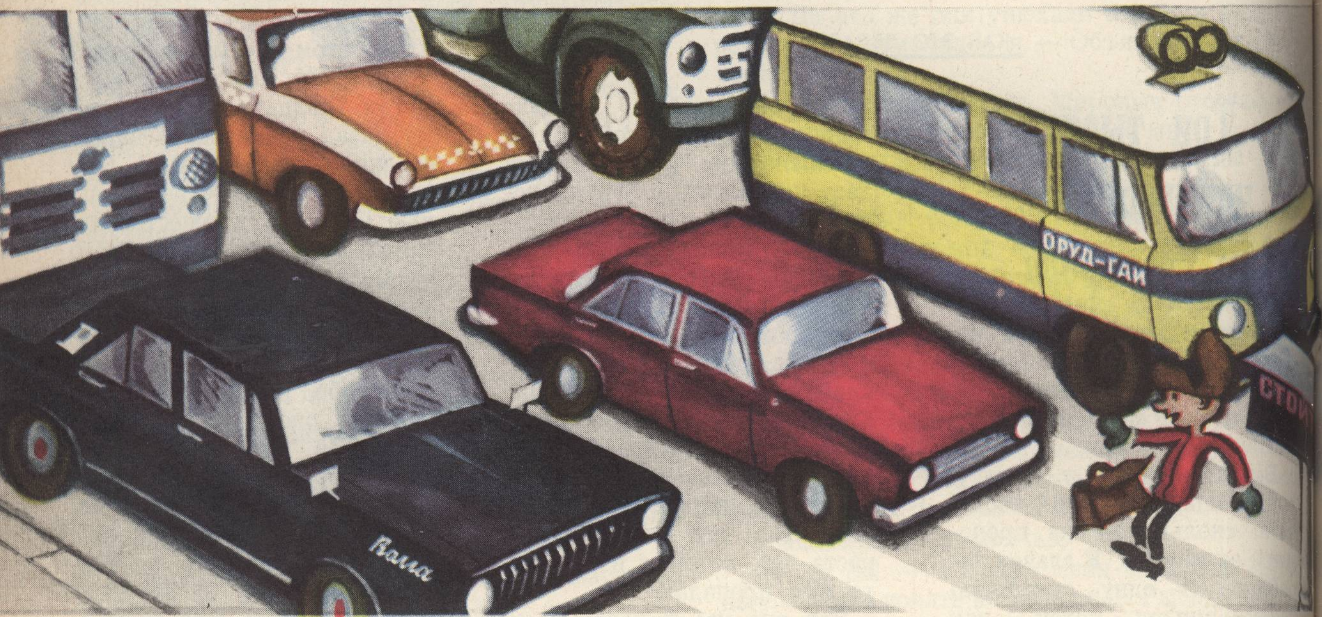
Так в Москве ответили и отвечают на «просьбу» улицы. Но не все зависит от дороги. На ней надо умело и споро регулировать движение транспорта.

Об электрическом исполнителе и «зеленой волне»

Лет сорок назад на перекрестках засветился светофор. Три его сигнала, знает всякий, подсказывают пешеходу, когда можно без опаски переходить улицу, диктуют шоферу, когда следует включать скорость.

Но меняются времена, и обычный светофор уже не в силах справиться с требованиями, которые предъявляет к нему город. Светофор всем хорош, спору нет: ярок, точен, предупредителен. Да вот беда: думать не умеет. И я не шучу.

Смотри, как иногда получается на некоторых шумных перекрестках. Нахлынул поток автомобилей. А пешеходов нет: то ли раньше перешли, то ли еще почему. Автомобилям бы, воспользовавшись моментом, проскочить скорее. Нельзя. Светофор мигнул красным зрачком: обожди, товарищ водитель! Светофор безучастен к тому, что творится вокруг него.

Ему забот нет до того, сколько на углу машин. Ему все равно, какое количество пешеходов ждет своей минутки.

Словом, мы имеем дело с простым электрическим исполнителем, у которого есть лишь старательность, но никакого соображения.

Устарел такой регулировщик. Ну, разве где-нибудь на тихих закоулках годится. На смену ему приходит светофор, который... прошел обучение по нескольким программам, разработанным учеными.

Одна такая программа требует от водителя, чтобы они отдали бег своих машин... на волю волн.

В милицейской «Волге» с красным пояском я поехал по многокилометровому проспекту Мира — он ведет на Выставку достижений народного хозяйства. Не один, а множество перекрестков ожидало нас в пути. А перекресток — дело известное. Повезет на зеленый — милости просим. Нет — жди.

Нам все время везло. Просто на удивление. Водитель вел «Волгу» со скоростью пятьдесят километров в час, и всюду — на всех перекрестках, на всех переходах — нас ждал зеленый свет. Мы ни разу не остановились. Может, оттого, что я мчал в милицейской машине, а ей на дороге везде почет и уважение? Нет. Все автомобили — спереди, сбоку, сзади — катили припеваючи, не ведая остановок.

Мы ехали по «ЗЕЛЕНОЙ ВОЛНЕ». Поток автомобилей включился в нее еще в начале проспекта. А все светофоры магистрали связаны между собой единой электрической цепочкой. И передают друг другу закодированную команду.

Вот как все это происходило.

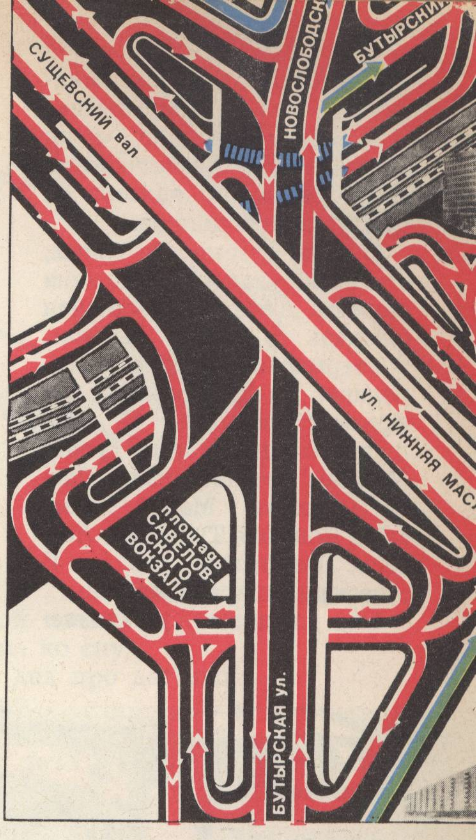
Мы миновали один перекресток — пункт А. Едем. В это время перекресток, который впереди нас (подземного коридора там пока не прорыли), отдан в распоряжение пешеходам. «Идите», — пригласило их световое табло. Пункт Б закрыт для автомобилей.

Тем временем от пункта А к пункту Б поступает команда: «Ровно через двадцать две секунды подойдет поток машин». Команда принимается специальными часами. Будьте уверены, через двадцать две секунды светофор пункта Б включит зеленый свет.

И мы пронесемся. И так от А до Я.

Учти, это в общем-то самая простая программа. Светофорные устройства здесь решают легкие задачки, я бы сказал, для третьего класса. Скорость известна, расстояние от пункта до пункта тоже известно. Время лишь подсчитывай!

Двадцать пять магистралей Москвы работают сейчас по программе «зеленой волны». Она очень городу помогает. Водители с удовольствием вверяют ей бег своих автобусов, троллейбусов, «Волг» и «Москвичей». Как по расписанию на место приедешь!

Так выглядит трехэтажная улица у Савеловского вокзала.

«Изумруд» распоряжается площадью

В столице появилась и другая «светофорная программа» — более образованная. Ты сейчас сам убедишься, что тут приходится раскусывать задачки уже не для третьего класса.

Имя новых светофоров — «ИЗУМРУД». По цвету зеленого сигнала. Впрочем, милиционеры расшифровали это название по-своему: «ИЗУМительный Регулировщик Уличного Движения».

Что же это за регулировщик такой?

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

Месяц назад я сам понятия не имел об «Изумруде». Но совсем недавно меня пригласили в диспетчерский пункт дорожного надзора на Серпуховской заставе.

В моем детстве, до войны, это была далекая окраина Москвы. Теперь — обширная площадь со своим рынком, универмагом, сквером посередине. Целый поселок тут можно разместить. В площадь впадает семь улиц: Мытная, Люсиновская, Павла Андреева, Малая Тульская, Большая Тульская, Лестева, Подольское шоссе. И отовсюду напирают машины...

Над площадью установлена телекамера, похожая на подзорную трубу. Я сидел в диспетчерской, и на экране телевизора можно было увидеть всю заставу, от края до края. Нажмешь кнопку пульта — «подзорная труба» начинает кружиться вокруг своей оси. Ткнешь пальцем во вторую кнопку — телекамера смотрит вниз.

Мне разрешили управлять пультом сколько захочется.

Уймищу машин я увидал. Торопились молоковозы. Спешили автобусы. Просили дорогу троллейбусы. Ждала у перекрестка машина с надписью на кузове «Варенье и джем полезны всем».

Я подумал: ох, должно быть, несладко работать здесь постовым милиционерам!

Но я пошарил телетрубой по всей площади — ни одного регулировщика не увидел. Мне объяснили, что в них нет нужды. «Изумруд» сам с усам. Один справляется.

Тогда я повнимательнее вгляделся в экран и увидел: действительно, хотя все и торопятся, но никакого беспорядка на площади нет. К двум молоковозам, стоящим на перекрестке площади и Подольского шоссе, примкнуло еще семь машин. Мытная улица требовала пути для двух автобусов и одного грузовика. Больше всех «волновалась» Большая Тульская: к ее устью подкатила целая колонна автомобилей, штук четырнадцать-пятнадцать.

Интересно, кому же светофоры в первую очередь дадут дорогу? Смотри-ка! Зеленый свет мигнул Большой Тульской: «Колонна из пятнадцати машин, ваша очередь первая».

Желтый сигнал светофора зажегся на углу Подольского шоссе: «Два молоковоза и семь машин, вы вторые — приготовьтесь!»

И лишь напоследок разрешение на въезд получили два автобуса и один грузовик со стороны Мытной улицы.

Я наблюдал только за тремя улицами (моя телетруба просто не успевала крутиться), но «Изумруд» одновременно высчитывает количество автомобилей на всех семи магистралях. На всех семи сразу!

Просто чудеса какие-то! Как же это получается?

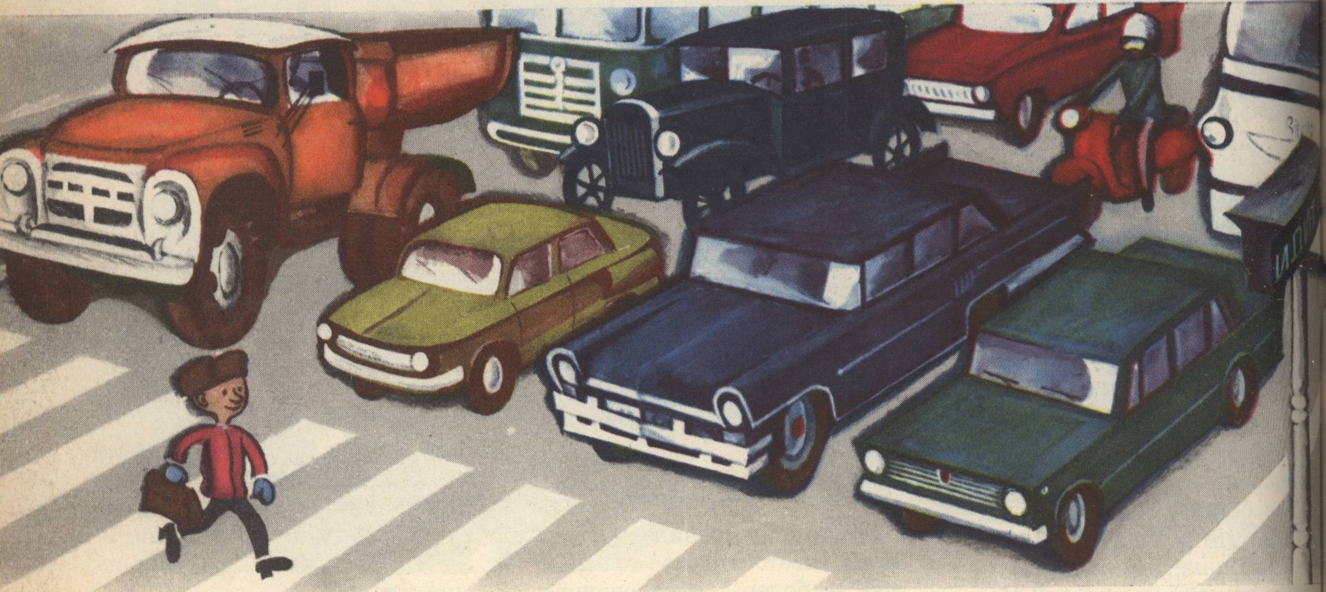
У «Изумруда» свои наблюдатели. Датчики: Они упрятаны под асфальт — метров за сорок до светофора. У датчиков тонкое «осязание». Проехала машина по мостовой — щелк: в датчике на долю секунды нарушилась сила тока. Подземный наблюдатель мигом передает свое сообщение в диспетчерскую, ЭЛЕКТРОННОЙ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МАШИНЕ. А та принимает поступающую со всех семи перекрестков информацию — щелк, щелк, щелк, щелк, щелк... Я рядом с машиной сидел — будто кто-то в ней перекидывал костяшки бухгалтерских счетов.

Мытная улица: щелк, щелк.

Малая Тульская: щелк.

Подольское шоссе: щелк, щелк, щелк, щелк, щелк...

Электронная машина — глазом моргнуть не успе-

ешь — подсчитывала, на какой улице сколько машин, и тут же рассылала свои сигналы светофорам. Вот почему они так справедливо распорядились всем транспортом.

Ты спросишь: а вдруг «Скорая помощь»? Она тоже будет ждать очереди, если окажется на улице одна? Не будет. Телетруба-то для чего? Оператор вмешается в работу электронной машины: все светофоры загорятся красными огнями, лишь один — перед «Скорой помощью» — засветится зеленым.

Светофоры системы «Изумруд» распоряжаются пока семью перекрестками. Маловато. В Москве-то их около тысячи. Вот везде бы так! Ну что ж, ждать осталось недолго. Года через три-четыре такие светофоры повсюду в Москве можно будет увидеть. Тогда водителям и пешеходам станет жить в городе намного лучше.

Конечно, трудная проблема, которая волнует градостроителей, еще окончательно не решена. Мне еще неудобно переходить улицу в центре. Мне, моей дочке, моим товарищам. Машины, машины, лавина машин.

Автомобили еще подолгу простаивают у перекрестков. Массу времени пассажиры теряют — десять миллиардов часов затрачивают москвичи в год на поездки до работы и обратно!

Словом, сделать еще надо много.

Дорожникам — строить скоростные дороги.

Тоннелестроителям — прокладывать подземные коридоры.

Тебе — не нарушать правила уличного движения.

Милиции — устанавливать побольше умных светофоров.

Будь уверен: все это будет построено, проложено, установлено. Ведь уже сделаны первые уверенные шаги.

Недаром система светофоров, которая с помощью электронных машин будет распоряжаться целой тысячью столичных перекрестков, получила название «СТАРТ»...

КОРАБЛИК

Журнал в журнале печатает только тебя

Мне рассказывал дед

Вечерами у теплой печки,
Когда день отходил ко сну,
Мне рассказывал дед про детство,
Революцию и войну.
Жгло румянцем лицо мне пламя,
А в багряном огне печи
Видел я, полыхало знамя,
Видел сабель кривых лучи...
Треск дровишек сухих
тревожил,
Пулеметной стрельбой звучал.
Я жалел, что родился позже
И в чапаевцы не попал.
Если враг замышляет где-то
На нас обрушить военный вал,
Я хочу быть похожим на деда,
Что в гражданскую воевал.

Это стихотворение написал **Виктор ВОРОБЕЙ**, юнкор украинской газеты «Юный ленинец». Он живет в городе Луцке, учится в 9-м классе.

Ветер

Ветер, ветер на просторе,
Ты у трактора в моторе,
Ты проныра, ты везде:
Ты на поле в борозде,
Ты в ребячьих волосах,
Ты в пшеничных колосках,
Разгоняешь облака,
Рябью стелется река.

Октябрь

Город весь в пурпурном цвете.
Рады взрослые и дети.
В светлой комнате своей
Сидят Петя и Андрей.
А на стене висит портрет.
На портрете — Петин дед,
Он боролся за свободу
И добыл ее народу.

Сережа СЛЕЗСКИЙ из Минска, ему 11 лет.

Миша БЫЛИНКИН. «МОСКВА». ▲ ▼ Юра КУЗЬМИН. «ЛЫЖНИКИ».

Моя Родина

Родина — это деревня моя,
Где я родилась и где я росла.
Это и речка, и лес, и закат.
Это ватага дружных ребят,
Желтое солнце и синее небо,
Это поля золотистого хлеба,
Запах цветов, лугов и полей
И крик пролетающих журавлей.

Зина КАЛАЧНИКОВА,
учится она в 7-м классе, а живет
в Архангельской области,
в селе Н-Тоемском.

Книги

Книги с полок доверчиво
Смотрят в мои глаза.
Сила ума человечьего
В них что-то хочет сказать...
В книгах множество жизней,
Множество мыслей и дел.
Нет в них романтики лишней
И нет неумных идей.
В книгах душа человека,
Смысл жизни разгадан в них.
Книги — большая аптека
С лекарством от болей любых.

Ваня ГРИЦАЙ из Челябинска,
учится он в 8-м классе.

Песик

А у нас во дворе
Живет песик чудной,
Прячет крошки в песке
На дорожке лесной,
Лает он на котят:
Ведь он грозный же зверь!
Но бывает и рад,
Молочко ест теперь.
И мне радостно так,
Он хороший-то, пес!
Всюду сунет, простак,
Влажный черненький нос.

Павлик БИТЮЦКИЙ,
он учится в 8-м классе,
а живет в селе Ливенка.

После дождя

Плакал дождь не понарошке —
Долго и сердито,
Колея лесной дорожки
Звездами набита.
Облетели с небосклона,
Чтоб воды напиться,
Их заметив, изумленно
Прокричала птица.
Напилась воды в мгновенье,
Крыльями взмахнула —
И внезапно с оперенья
Две звезды стряхнула!

Нина ЛАШМАНОВА,
Мордовская АССР, п. Красный.

• • •

Скачет белка по сосне.
Ежик вертится во сне.
У него нора тепла,
Ему вьюга не страшна.

Спит медведь в своей берлоге,
Волк шагает по дороге...

Вот охотники бегут!
Утопают все в снегу...
Тут все звери врассыпную
поскакали кто куда.

Волк умчался по дороге.
Заяц тоже убежал.
И лиса забилась в норку
И сидит там, не дыша.

Так охотники ни с чем
возвратились,
Никого они в лесу не убили!

Стихи А. К.
Автору 13 лет, и живет он
в Москве.

Ночь

Темная ночь за окном.
Ветер в трубах гудит,
Словно хочет что-то сказать,
О чем-то предупредить.
Может, он хочет песенку спеть,
А может быть, сказку сказать,
Но недоступен его нам язык,
И стонов его не понять.

Сережа НЕЗАМАЕВ
из Ярославля.

Дорогой «Кораблик», когда я писал эти стихи, за окном шел дождь. Была глубокая осень.

Осенний дождь

Он, как дряхлый старик,
Притаился в ночи
И замерзшей рукой
По забору стучит.
Постучит, помолчит,
Не ответит ли кто...
Глухо тополь шумит,
Да чернеет окно.
Он замерз, он продрог,
И устала рука,
Но никто не впустил
Даже в дом старика.
И он снова побрел
По асфальту дорог,
Только ветер, как пес,
Завывает у ног...

Светлана ШИДЛОВСКАЯ,
живет она в городе Минске,
и ей уже 15 лет.

Эту строгую девочку, Лену Мурашеву, уже давно называют Еленой Николаевной — сейчас она заведует библиотекой в московском интернате № 58. На читательские конференции, которые устраивает Елена Николаевна, с радостью приезжают детские писатели, а спектакли созданного ею интернатского театра неизменно собирают полный зал. И, может быть, потому так радостно и успешно работает она с ребятами, что сама всю жизнь оставалась человеком пионерским!

ЧЕСТНОЕ ПИОНЕРСКОЕ, Я БЫЛА ПИОНЕРКОЙ!

Е. МУРАШЕВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Как меня принимали

— А что ты умеешь? — спросил дядя Генаша.

Я стояла на левом фланге пионерского строя и боялась, как бы меня не прогнали. Дядя Генаша, рабочий с завода имени Шитова (по-нынешнему — пионерский вожатый, а тогда назывался он партприкрепленным), продолжал:

— Врагов бить умеешь?

Я не умела бить врагов. Хуже того. Я не сумела удержаться от слез и при всех засопела носом.

— Сморкаться-то хоть умеешь? — совсем уж обидно спросил дядя Генаша.

И тут я вспомнила:

— Я умею сочинять сказки!

— Сказки? Это хорошо! — обрадовался дядя Генаша.— А ну, попробуй!

И я завела, на ходу сочиняя, историю про лилипутов, которые жили... Уж не помню, где они жили и что с ними случилось, но история моя понравилась, и, когда дослушали до конца, дядя Генаша решил:

— Считать Ленку пионеркой!

Вот так меня приняли в пионеры — в 18-й пионерский отряд при заводе имени Шитова. В 1927 году, когда пионерской организации не было от роду и пяти лет.

А вопросы дяди Генаши, они не совсем шуточные. От тех, кто шел в пионеры, требовалось прежде всего умение. Умение могло быть самым скромным, самым домашним — шить, или в пинг-понг играть, или вот сказки сочинять. Но оно должно было быть.

Больше всех надо

Сейчас я вспоминаю те годы и думаю: что же было для нас самым главным? Наверное, вот что. Нам было «больше всех надо». Мы боялись про

зевать дело. Боялись, что без нас где-нибудь обойдутся.

Однажды собрали нас в пионерской. Сообщение — не помню, уж кто его притащил, — было вот какое. В селе Пехра-Покровском у молодежи очень отсталая жизнь. Клуба нет, радио в домах нет. Парням и девушкам податься в свободное время некуда. Зима приближается, зимой в деревне работы меньше, вечера долгие. Поедем туда, поможем открыть клуб.

Поехали. Село оказалось богатое, можно сказать, кулацкое. На нас, гостей незваных, глядели недобрыми глазами и встречали по-разному. Не очень хорошо встречали. Я потому и запомнила эту поездку, что, не знаю, как другим, а мне все время страшно было до жути. Все мне злые глаза за спиной мерещились. А делали мы вот что: ходили из избы в избу и собирали подписи под письмом с просьбой, чтобы открыли клуб в селе. Подписей собрали целую тысячу, письмо свезли в Москву. И по нашей просьбе в селе, в здании бывшей церкви, открыли клуб.

И еще мы пообещали им радио провести. Всю зиму в пионерской комнате под руководством старших ребят собирали приемники. Вот вы сейчас транзисторами увлекаетесь, а мы детекторные приемники собирали, с наушниками. Как несколько штук готовы, отправляемся в село (это близко совсем, под Москвой). Несем по избам свою работу. Тут уж не страшно было, просто весело. Одна старушка даже не поверила, что голос идет из наушников: она и за дверь заглядывала и под кроватью шарила палкой — искала, кто говорит.

Красота тоже сила!

Мы себя чувствовали силой. Государственной величиной. И задания нам давали государственной важности.

В 28-м году — тогда при заводе имени Шитова было нас три отряда — поручили нам вовлекать в свои ряды беспризорников.

Хорошо сказать «Вовлекайте!». Что это был за народ, беспризорники, рассказывать, наверное, не стоит: вы о них достаточно читали и слышали. Представляете себе: из громадного котла, где варили асфальт, вылезает косматый, оборванный, наглый и, главное, так о себе понимает, что он герой. Нас, обычных школьных ребят, от всей души презирает. Ты его станешь «вовлекать», а он в лучшем случае плюнет сквозь зубы презрительно, а то и сам «вовлечет» — съездит по шее.

Мы подумали: они козыряют своей независимостью, а мы перед ними выправкой щегольнем. Построились, знамена вынесли, горнисты вперед — и шагом марш! Ходить — это мы умели! Барабан грохочет, горны гудят, знамена на ветру колышутся, шаг печатаем, а у самих от гордости, от радости дух захватывает. С дороги, куриные ноги! Идут пионеры Сокольников!

Беспризорники вылезли поглядеть. Губы распустили, стоят, скособочившись. Все, как всегда, только спеси вроде поубавилось. Они ведь тоже мальчишки, им тоже охота с барабаном пройтись по улице, да так, чтобы все оглядывались и дорогу уступали.

Тут дядя Генаша громко так крикнул:

— Эй, там, кто хочет, пристраивайся к колонне!

Не все, конечно, но кое-кто подбежал, встали на левом фланге. Один как раз возле меня. Топает, как слон, старается.

Прошлись мы несколько раз строем по своему району, немало оборванцев к нам прибилось. Привели их к себе. Показали свои богатства. Они хоть и крепились, но каждый чему-нибудь да ахнул. Кто — мастерским. Кто — пинг-понгу. А больше всего им наш тир понравился. Один парень из беспризорников стрелял лучше всех наших: ни разу не промазал.

Зато работа была нашим мальчишкам их отмывать!

Сейчас иногда приходится слышать, ребята ворчат: зачем, мол, ходить по улицам строем,

на автобусе быстрее. А я вспоминаю, как мы с беспризорниками воевали красотой: строем своим, шагом, выправкой. И побеждали.

Вот это да!

Наверное, каждая девочка и каждый мальчик мечтают совершить что-нибудь замечательное. Что-нибудь до того удивительное, от чего все ахнут, разинут рты и скажут хором: «Вот это да!»

Случаи же для такого удивительного поступка представляются сравнительно редко.

Так вот мне такой случай один раз в детстве представился. И я его чуть не загубила.

Нам дали задание: собирать деньги для детей бастующих горняков Англии. Дядя Генаша принес такие кружки — на манер копилок. Наверху щелка, а сбоку надпись: «Поможем детям бастующих горняков!»

Берешь кружку и топаешь туда, где народ, агитируешь, чтоб кидали деньги. И слух прошел: кто из ребят соберет больше всех, того пошлют на Всесоюзный слет пионеров. Очень мне хотелось попасть на этот слет.

Поэтому я не стала, как другие, бродить с кружкой по улицам, а отправилась на завод имени Шитова, где народ рабочий и, по опыту мы знали, в любой помощи безотказный.

На завод, ясное дело, без пропуска не пройдешь. Но девчонка я была маленькая, бойкая, увязалась за дяденькой в спецовке, зубы ему заговаривала. Меня и пропустили: подумали, дочка.

Пробралась в цех, прижалась к стене и кричу во всю мочь:

— Товарищи рабочие!

Станки гудят, шумно, сама своего голоса не слышу, а рабочие — и подавно. Набрала воздуху в легкие и опять:

— Товарищи!!! Рабочие!!!

Вижу, один, поближе, заметил меня, выключил станок, наклонился:

— Тебе чего, девочка?

Я ему в самое ухо во весь голос:

— Товарищ рабочий!!!

Он даже отшатнулся.

— Ты, — говорит, — зря не надрывайся. Скоро у нас перерыв, я тебя на станок поставлю, скажешь свою речь.

И верно. Стих грохот, замолчали станки. Знакомый мой товарищей окликнул. Вот, говорит, гостья пожаловала. И поставил меня на свой станок.

Как я там «речь» сказала, лучше не вспоминать. Но в конце концов все всё поняли. Тем более что на кружке ясно было написано. Тут же в ней забрякало: полетели денежки. Сначала звонко — по пустому дну, потом глуше — наполняться стала, и вдруг вижу: из щели монетка торчит, внутрь не проваливается. Полна коробочка! А рабочие все подходят, и у каждого деньги наготове. Я говорю:

— Спасибо. Больше мне не надо: класть некуда.

— А карман, — спрашивают, — на что?

— В карман, — объясняю, — не велено. Карман — это частная собственность, а деньги общественные.

— Вот ты, — отвечают мне, — их и отдашь обществу. А где они пока лежат, не имеет значения. Только давай пошевеливайся. Скоро гудок на работу, останемся из-за тебя без обеда.

Набили мне деньгами полные карманы.

Когда я ворвалась к нам в пионерскую, и вывернула карманы, да кружку полнехонькую выставила на стол, тихо стало в нашей шумной комнате. Только дежурный, горнист Костя, самый видный и самый красивый мальчик во всем отряде, присвистнул и говорит.

— Вот это да! Вот это Ленка!

Я и не думала, что он знает, как меня зовут. Он на меня, мелюзгу, и внимания не обращал никогда.

Из-за этого Кости-горниста и вышла потом моя беда. Потому что он тут же спросил:

— Где ж ты столько насобирала?

И я подумала, что если правду сказать, он опять присвистнет да фыркнет: «На заводе — не велико дело. Только ведь нас бы не пустили, а ей легко: мелюзга».

Потому я в ответ только пожала плечами и говорю:

— Да так, везде понемногу. Ходила с утра по городу. Набралось.

Все было, как мне хотелось. Ребята ахали. Дядя Генаша не мог мной нахвалиться. Большие ребята пропадали от зависти.

Два дня терпела я свою славу, а потом не выдержала и рассказала, как все было на самом деле. За обман меня, конечно, отчитали. Однако делегатом на слет в конце концов выбрали.

— Все-таки, — говорят, — денег-то она собрала больше всех. А что вранье было, так ведь сама же потом призналась.

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ст. РАССАДИН,
Б. САРНОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!..»

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

«А все-таки вы схитрили!..»

— А все-таки вы схитрили! — сказал один наш знакомый мальчик, читавший все предыдущие наши «Рассказы о литературе».

— То есть как схитрили? — удивились мы.

— Очень просто, — сказал он. — Вы хотите доказать, что писатели выдумывают разные необыкновенные истории не просто так, а со смыслом. Правильно?

— Ну да,— согласились мы.— А что, разве не доказали?

— Конечно, не доказали! — сказал он.— Вы все время нарочно выбираете такие произведения, в которых есть смысл. «Медный всадник» или «Робинзон Крузо»...

— А по-твоему, значит, бывают и такие произведения, в которых совсем нет никакого смысла? — спросили мы.

— Еще как бывают!

— Ну, например?

Он немного подумал и сказал:

— Например, «Нос» Гоголя. Ну какой смысл может быть в том, что от человека сбежал его собственный нос? По-моему, это произведение только доказывает, что Гоголю было все равно про что писать...

Тут нам стало так обидно за Гоголя, что даже расхотелось продолжать этот разговор. Но потом мы вспомнили, что примерно такое же суждение уже высказывалось однажды. И высказывал его весьма ученый человек, большой знаток литературы, к тому же и сам писатель, написавший немало хороших книг,— Викентий Викентьевич Вересаев. Причем высказывал он это свое суждение не в случайном разговоре, а в серьезном исследовании, специально посвященном творчеству Гоголя.

«Мне лично всегда казалось,— писал Вересаев,— что в «Носе» с его нелепейшим и неправдоподобнейшим сюжетом Гоголь просто издевается над серьезным отношением к сюжету. Вот вам майор Ковалев, вот вам цирюльник Иван Яковлевич с супругой, вот вам весь быт петербургский с его штаб-офицершами Подточиными, квартальными и приемщиками объявлений,— хороши? Великолепны! Ну, а не все ли вам тогда равно, какой сюжет будет двигать их поступками? Станут ли все они хоть на йоту типичнее и правдоподобнее?..»

Это свое мнение Вересаев распространял не только на повесть «Нос», но и на другие произведения Гоголя.

«Как неорганичны все гоголевские сюжеты,—восклицал он,— как они случайны и нетипичны! Опытные чиновники принимают мальчишку-вертопраха за правительственного ревизора, аферист совершает загадочные сделки на мертвые души, чиновник пугается женитьбы и выпрыгивает от невесты в окно... А не все ли равно? Типичнейшие образы можно закрутить вокруг любого сюжета,— он ли важен?..»

Пока мы вспоминали эти мысли Вересаева, наш знакомый мальчик прямо-таки наслаждался нашим замешательством. Он смотрел на нас с откровенной насмешкой, всем своим видом словно бы говоря: «Ну как? Здорово я вас прижал? Интересно, что вы на это скажете?»

Ничего мы ему на это не сказали, а сели за письменный стол и написали вторую главу нашего рассказа, которая называется:

«Нос был в мундире...»

В одно прекрасное утро петербургский чиновник Платон Кузьмич Ковалев, проснувшись и поглядев в зеркало, обнаружил, что у него нет носа. Да, да! Там, где еще вчера вечером красовался его нос, теперь было совершенно гладкое место.

Происшествие уже само по себе было достаточно невероятно. Однако это еще было только начало. Дальнейшие события разворачивались еще чудовищнее и фантастичнее.

В тот же день Ковалев повстречался на улице со своим собственным носом. За то время, что они не виделись, нос сильно изменился:

«Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника».

Первая мысль Ковалева была — немедленно подойти к сбежавшему носу и призвать его к порядку. Но, увидев шляпу с плюмажем, Ковалев заробел, ибо сам он, хотя и называл себя майором, был всего лишь коллежским асессором, что на целых три чина ниже статского советника. Однако он все-таки сумел побороть свою робость:

« — Милостивый государь...— сказал Ковалев, внутренно принуждая себя ободриться,— милостивый государь...

— Что вам угодно? — отвечал нос, оборотившись...

«Как мне ему объяснить?» — подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал:

— Конечно, я... впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие...

— Ничего решительно не понимаю,— отвечал нос.— Изъяснитесь удовлетворительнее.

— Милостивый государь...— сказал Ковалев с чувством собственного достоинства,— я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите. Ведь вы мой собственный нос!..»

Так протекал этот странный разговор, в результате которого бедный Ковалев ничего не добился, а только «совершенно смешался, не зная, что делать и что даже подумать».

Казалось бы, тут остается только воскликнуть вместе с героем чеховского рассказа «Письмо к ученому соседу»:

— Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!

Так что же, неужели нам придется согласиться с Вересаевым, что Гоголь «просто издевается над серьезным отношением к сюжету» и нарочно предлагает нам заведомую бессмыслицу?

Сюжет гоголевского «Носа» казался совершенно бессмысленным не только Вересаеву. На этот счет было высказано множество самых разнообразных догадок и предположений.

А между тем смысл в этом произведении есть. И еще какой!

Чтобы докопаться до этого смысла, отвлечемся на минутку от неправдоподобности истории, случившейся с майором Ковалевым, и попытаемся поверить в то, что все случившееся с ним *действительно произошло.*

Человек лишился носа. Причем лишился таким образом, что вместо носа у него— гладкое место.

Однако озабочен он вовсе не тем, что ему, скажем, стало трудно дышать. Его гнетут совсем другие заботы:

«...Я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично...»

То есть, если бы Ковалев не был коллежским асессором (или, как он сам себя называет, майором), с потерей носа еще как-то можно было бы примириться. Он так прямо и говорит:

«Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа...»

Ковалеву даже в голову не приходит мысль, что с потерей носа он стал неполноценным человеком, уродом. Он думает лишь о том, что он стал теперь *неполноценным майором.* Ибо то, что он *майор,* для него гораздо важнее того, что он *человек.*

Нос, не желающий возвращаться к своему хозяину, так отвечает на робкие притязания майора:

«— Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего виц-мундира, вы должны служить по другому ведомству».

Может ли такой аргумент подействовать на нормального человека? Ведь, право же, отношения человека со своим собственным носом настолько тесны, что теснее и не придумаешь.

Однако на Ковалева этот странный аргумент производит самое неотразимое впечатление. Он буквально сражен: действительно, если пуговицы виц-мундира другие, то о каких же тесных отношениях теперь может идти речь? Он настолько потрясен неумолимой логикой своего собеседника, что готов сразу же признать его правоту:

«Ковалев совершенно смешался, не зная, что делать...»

То обстоятельство, что он разговаривает со своим собственным носом, имеет для Ковалева неизмеримо меньшее значение, чем то, что он говорит со статским советником, то есть с чиновником, стоящим гораздо выше его на общественной лестнице...

Гоголя мучило неестественное положение вещей, когда люди объединяются не по душевной склонности, не по взаимной симпатии, а в зависимости от чина или ведомства.

Легко представить себе, что другой писатель — не Гоголь,— если бы его взволновала эта мысль, написал бы повесть, ну, скажем, о том, как жили два близких товарища, искренне любивших друг друга. Но потом один из них получил высокое назначение и подчинился общепринятому разделению на чины и ведомства. Он отдалился от своего друга, решив, что тот ему теперь уже не компания.

Может быть, получилась бы неплохая повесть. И в ней довольно убедительно было бы показано, как мешают хорошим людям жить сословные и бюрократические предрассудки.

Но Гоголь хотел совсем другого.

Люди давно привыкли к неестественному, уродливому положению вещей, когда превыше всего в обществе ставился не сам человек, а его чин.

Гоголь хотел написать обо всем этом так, чтобы людей ошеломила нелепость, ненормальность, извращенность того, что стало общепринятым. И вот он показал, как эти неестественные отношения мешают вновь соединиться не просто человеку с человеком, а человеку с живой частью его тела, с тем, что неразлучно с нами от рождения по самой природе.

В «Носе» Гоголь испытал существующий порядок вещей при сверхъестественных обстоятельствах, и оказалось, что даже в сверхъестественных, фантастических, невозможных обстоятельствах этот порядок. вещей действует безотказно. Вот до какой степени въелся он в души людей, разъел своей мертвечиной, исказил все их нормальные человеческие чувства. Привычный, казалось бы, даже вполне невинный стиль жизни при ближайшем рассмотрении оказался не мелким случайным

уродством, но жестокой силой, царящей в мире и ломающей все живое, даже самое природу...

Написав эту главу, мы дали прочесть ее тому мальчику, который считал, что мы схитрили. Мы были уверены, что теперь ему не останется ничего другого, как только признать нашу правоту. Но он и на этот раз не согласился с нами.

— Все равно вы ничего не доказали! — сказал он.— Наверняка можно увидеть в этой повести еще какой-нибудь другой смысл... Это все догадки, а не доказательства...

И он снова насмешливо глянул на нас, словно повторяя свой прежний вопрос: «Ну? Что вы на это скажете?»

Ничего мы ему на это не сказали, а поняли, что придется нам написать третью главу нашего рассказа, которая будет называться:

Человек и тень

Майор Ковалев, как говорится, отделался легким испугом. В один прекрасный день «вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между двух щек майора Ковалева».

Гораздо печальнее сложилась судьба другого человека, с которым произошла приблизительно такая же история. Правда, этот человек был совсем не похож на майора Ковалева.

«Раз вечером, когда он сидел дома, послышался тихий стук в дверь.

— Войдите! — сказал он, но никто не входил; тогда он отворил дверь сам — перед ним стоял невероятно худощавый человек: одет он был, впрочем, очень элегантно, это была, вероятно, важная особа.

— С кем имею честь говорить? — спросил ученый.

— Я так и думал,— сказал элегантный господин,— что вы не узнаете меня! Я обрел телесность, обзавелся плотью и платьем! Вы, конечно, и не предполагали встретить меня когда-нибудь таким благоденствующим. Но неужели вы все еще не узнаете свою бывшую тень? Да вы, пожалуй, думали, что я уже не вернусь больше? Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами. Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете...»

Как видим, между историей майора Ковалева и историей ученого — героя сказки Андерсена «Тень» — и в самом деле немало общего.

От Ковалева сбежал его собственный нос.

От ученого ушла его собственная тень.

Оба они: и Ковалев и ученый — встречают беглецов, которые «обрели телесность, обзавелись плотью и платьем».

Наконец, и нос в повести Гоголя и тень в сказке Андерсена «во всех отношениях завоевали себе прочное положение в свете», превратились в «важных особ», сильно обогнав в этом отношении своих бывших хозяев....

Можно было бы согласиться с Вересаевым и считать причудливый сюжет гоголевского «Носа» нелепой прихотью, озорством, гениальной шуткой.

Но вот мы видим, как сходный сюжет, такой же причудливый и странный, родился еще у одного писателя, который не только не был знаком с Гоголем, но вряд ли даже и слышал о нем: в Дании, где жил Андерсен, в ту пору трудно было найти человека, знакомого с русской литературой.

Ну, допустим, одно совпадение — это еще куда ни шло. Это можно объяснить простой случайностью. Однако история о том, как человека покинула его собственная тень, оказывается, была описана в литературе задолго до Андерсена. В 1814 году вышел в свет роман немецкого писателя Адельберта Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля». В нем рассказывалось о человеке, который в один прекрасный день волею обстоятельств лишился своей тени.

Очевидно, была все-таки какая-то серьезная причина, побудившая разных писателей, живших в разных странах и в разные исторические эпохи, обращаться к одному и тому же сюжету. Иначе нам пришлось бы признать, что среди писателей что-то уж чересчур часто встречаются шутники. Причем шутки у них какие-то подозрительно одинаковые.

Из всех произведений Гоголя, пожалуй, только «Нос» казался загадкой. В других гоголевских книгах («Тарасе Бульбе», «Ревизоре», «Женитьбе», «Мертвых душах») нет ничего загадочного. А вот жил в прошлом веке в Германии такой писатель — Эрнст Теодор Амедей Гофман. Так у него вообще не было ни одной «нормальной» книги. Буквально в каждом его произведении обязательно происходило что-нибудь настолько невероятное, что с тех пор всякую книгу, в которой фантастика тесно переплелась с реальностью, называют по имени Гофмана — «гофманиадой».

В одной из гофманских историй происходили, например, такие странные вещи. В ней фигурировал маленький уродливый карлик — крошка Цахес по прозванию Циннобер. Этот крохотный уродец обладал удивительной способностью. Если в его присутствии кто-нибудь совершал какой-нибудь замечательный поступок, все окружающие считали, что этот поступок совершил не кто иной, как именно он, крошка Цахес.

Молодой красавец студент Балтазар прочел своей невесте стихи о любви. Все присутствующие уверены, что стихи сочинил и прочитал крошка Цахес. И даже невеста Балтазара настолько убеждена в этом, что становится отныне невестой крошки Цахеса.

На университетском экзамене студент блестяще сдает экзамен. Но профессор почему-то поздравляет с великолепным ответом не его, а... крошку Цахеса.

Знаменитый скрипач Сбиокка играет концерт Виотти, а маленький уродливый Цахес сидит в публике, в углу зала. Но едва только Сбиокка положил смычок, как весь зал в едином порыве устроил бешеную овацию... Кому бы вы думали? Все тому же крошке Цахесу.

Ну что можно сказать о такой странной истории? Неужели в ней тоже есть какой-то смысл?

Многие современники Гофмана даже и слышать не хотели о том, чтобы отнестись к творчеству этого писателя серьезно. Вальтер Скотт заявил, что сочинения Гофмана — результат белой горячки. Он говорил, что вместо критики к Гофману нужно позвать врача, который прописал бы ему кровопускание, здравый образ мыслей и трезвое поведение. К отзыву Вальтера Скотта присоединился величайший из всех немецких писателей — Гете. Наш Белинский назвал Гофмана «гениальным сумасбродом». Знаменитый французский критик, повторив слова Вальтера Скотта о белой горячке, добавил, что, к сожалению, не Гофман управляет своей белой горячкой, а белая горячка управляет им.

Однако были у Гофмана и поклонники. И среди них — такие серьезные люди, как, например, Маркс и Энгельс. Особенно высоко они ценили новеллу «Крошка Цахес». И не случайно. Они ясно понимали, что безумен не Гофман, а изображаемый им мир. Фантастична сама действительность. Сама реальность — сплошное сумасшествие.

Это мир устроен так, что трудится один, а похвалы, доходы и слава достаются другому. Труд отделен от награды, талант — от успеха, человек — от своих поступков.

Философы и экономисты давно уже пытались постичь этот закон. Они назвали его мудреным словом — «отчуждение». Слово означало, что в мире, который устроен неправильно, неразумно, несправедливо, человеческие усилия и таланты отчуждаются от человека, то есть становятся как бы чужими для него, начинают жить отдельной, самостоятельной жизнью, а иногда даже получают над своим бывшим владельцем некую странную и необъяснимую власть, начинают господствовать над ним.

Именно это и происходит в «странных» произведениях Гоголя, Гофмана, Андерсена. От майора Ковалева отчуждается его собственный нос. От студента Балтазара — его поэтический талант. От скрипача Сбиокка — его музыкальный гений. От ученого из сказки Андерсена — его тень, то есть все ее «теневые» стороны его души. Отчуждаются и начинают жить отдельной жизнью, совершенно независимой от жизни своих бывших хозяев.

У Андерсена дело даже дошло до того, что вконец обнаглевшая тень сделала однажды своему бывшему владельцу такое предложение:

«— Не умеете вы жить на свете!.. Вам надо попутешествовать немножко. Я как раз собираюсь летом сделать небольшую поездку — хотите ехать со мной? Мне нужно общество в дороге, так не поедете ли вы... в качестве моей тени?»

Так человек и тень поменялись местами.

А вот как закончилась последняя отчаянная попытка человека вернуть все на свои места, восстановить справедливость:

« — Нет, это уж из рук вон! — вскричал ученый.— Я скажу все! Скажу, что я человек, а вы только переодетая тень! Все, все скажу!

— Никто не поверит тебе! — сказала тень.— Ну, будь же благоразумен, не то я крикну стражу!

— Я пойду прямо к принцессе!

— Ну, я-то попаду к ней прежде тебя! — сказала тень.— А ты отправишься под арест...»

И бедного ученого казнили.

Объясняя необходимость этой жестокой меры, тень сказала принцессе:

« — Подумай, моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только — своей тенью!»

В мире теней быть живым человеком — это значит быть тенью, сошедшей с ума.

Ученый из сказки Андерсена погиб именно потому, что пытался остаться человеком.

А для майора Ковалева все обошлось сравнительно благополучно, потому что он давно уже не человек. Он тень. Подобно тому, как тень повторяет все движения своего хозяина, он послушно, механически повторяет все жесты, слова и понятия, принятые в его обществе.

...Мальчик, обвинявший нас в том, что мы схитрили, уверял, что для доказательства своей правоты мы нарочно выбирали такие произведения, в которых есть глубокий смысл: «Медный всадник», «Робинзон Крузо»... Он был искренно убежден в том, что среди знакомых книг есть и такие, в которых никакого смысла нет.

Как видим, это не так.

У настоящего писателя цель всегда одна: постижение истины.

«Странные» сюжеты Гоголя, Андерсена, Гофмана помогли этим писателям узнать истину о том мире, в котором жили их герои, о законах, управлявших этим неправедно устроенным миром.

Ояр ВАЦИЕТИС

Зима и лето

На лето Зима забирается в шкаф—
туда, где ушанка,
варежки,
шарф.

Уютно ей летом и в темном чулане
там, где коньки,
лыжи
и сани.

Зима,
чтобы в зной не растаять, как воск,
все лето
с мороженым ищет киоск.

Зима оживает
в мороз и буран,
а Лето влезает
в шкаф и чулан.

А может, в киоске с мороженым Лето
Закрылось от стужи и спит?
Никто, как ни странно, не знает про это—
киоск-то до лета закрыт.

Перевел с латышского
Анатолий НАЙМАН.

* * *

Константин ЛОМПА

Белые пчелы

В небесах развязали мешок,
и бесшумная белая стая
опустилась с небес,
укрывая
каждый кустик
и каждый цветок.
Сколько их налетело—
не счесть!
На деревья насели,
на крыши...
Сразу стало свежее и тише,
так прекрасно,
что глаз не отвесть.
Резкость черт
потеряла земля,
округлились и горы и долы...
Вот что сделали
белые пчелы
светлым утром
в конце февраля.

Перевел с абхазского
Станислав КУНЯЕВ.

эксперимент читателей «пионера»

Учение с увлечением

С. СОЛОВЕЙЧИК

ЭКСПЕРИМЕНТ ПЯТЫЙ

Наш новый опыт подсказан Юрием Игнатовым из подмосковного поселка Мамонтовка. Его письмо можно было бы назвать руководством для тех, кто хочет стать отличником. Кажется, это самое сильное и короткое руководство, какое когда-либо было создано.

— Для того, чтобы заинтересоваться, — пишет Юра, — нужно сделать следующее:

1. Убедить себя в том, что занятие, которое вы делаете, необходимо для вас, а не для учителя.

2. Во время занятий не думайте о занятии более интересном, чем вы делаете.

И этого достаточно, чтобы стать отличником.

Игнатов Юра.

●

Обдумаем письмо Юры. В нем содержатся очень серьезные мысли. Особенно важно поговорить о первом правиле:

«Убедить себя в том, что занятие, которое вы делаете, необходимо для вас, а не для учителя».

Ведь внешне все выглядит как раз наоборот. Коль скоро задание на дом дает учитель и требует, чтобы оно было выполнено, учитель, и отметку за него ставит учитель, то вроде бы мы и учимся для него, для учителя. Это подтверждается простым рассуждением: если бы учителя не задавали уроков и не ставили бы отметок, то, может быть, некоторые и не открывали бы книг.

Значит, все-таки для учителя?

А Юра Игнатов предлагает убедить себя в обратном.

Для чего же все-таки человек учится? Переберем возможные виды ответов.

1. Я учусь потому, что все учатся.

2. Я учусь потому, что, если я брошу школу, родители будут ругать меня.

3. Я учусь потому, что, если я стану получать плохие отметки, у меня будут неприятности в школе, а я не люблю неприятностей.

4. Я учусь потому, что хочу быть не хуже других, побеждать в каждом соревновании.

5. Я учусь потому, что без образования в наше время не прожить.

6. Я учусь потому, что хочу поступить в институт (или в техникум).

7. Я учусь потому, что хочу стать инженером (артистом, летчиком, врачом, геологом, математиком).

8. Я учусь потому, что хочу приносить пользу своей стране.

9. Я учусь потому, что мне интересно учиться. Я люблю узнавать новое и хочу много знать.

Видите: получается довольно широкий веер возможных ответов, а наверное, здесь предусмотрено не все, что может сказать человек в ответ на вопрос «Зачем я учусь?».

Прежде чем продолжить чтение этой страницы, остановитесь на минуточку, возьмите карандаш и (если только у вас не библиотечный экземпляр журнала) отметьте галочками те ответы, которые вам ближе всего. Это интересно. Ведь должен же когда-нибудь человек понять, зачем он что-то делает.

●

Перерыв на обдумывание.

●

Мне бы очень хотелось знать, где именно поставили вы галочку (и, наверно, не одну).

Если бы я знал это, я, пожалуй, мог бы предсказать вашу судьбу. Скажи мне, зачем ты учишься, и я скажу тебе, кто ты и что тебя ждет... Потому что жизнь и судьба человека зависят не столько от того, **как** он учится, сколько от того, **зачем** он учится.

Самый важный, самый ценный ответ — это ответ № 8: «Я учусь потому, что хочу приносить пользу своей стране», особенно если он теснейшим образом связан для вас с утверждением, записанным под № 9: «Я учусь потому, что мне интересно учиться. Я люблю узнавать новое и хочу много знать».

Тут не нужно больше никаких объяснений. У кого высокая цель и большой интерес, тот учится не для учителя. Тот и учится хорошо, тот и станет самым полезным человеком для страны.

Самые ценные для страны люди — люди, увлеченные своим делом.

●

Решительно все, что человек делает — все! — он делает по плану.

Вы складываете книги и запираете портфель по определенному плану, в определенной последовательности, которая заранее была у вас в голове, — еще до того, как вы взяли в руки книги и портфель.

Но планы бывают разные. Встать, взять портфель и пойти в школу — это план на ближайшие полчаса. Окончить школу — тоже план. Но чтобы выполнить его, надо в течение трех — пяти лет выполнить миллионы других, мелких планов.

Конечный план у всякого человека обычно вызывает удовольствие, радость, он кажется нам заманчивой целью.

И вот эта радость конечной цели позволяет нам легко переносить неприятности мелких, но необходимых для достижения конечной цели планов.

Возможно, что вы очень не любите ходить в магазины, стоять в очередях, таскать продукты в авоськах.

Но вот вы собираетесь в поход — удовольствие! И это удовольствие переносится и на другой поход — поход в магазин.

Чтобы легко перенести неприятности повседневных и нелюбимых дел, надо держать в голове какой-то более высокий и более далекий, более важный план, далекую и прекрасную цель.

Другого способа увлечься делом нет.

Почему революционеры шли на лишения и испытания, каждую ночь ночевали в другой квартире, меняли имена, рисковали свободой и жизнью? У них была цель — свобода народа. Далекая, но такая большая!

Чем выше, чем значительнее цель, тем больше сил придает она человеку.

А чтобы цель действительно помогала вам, она должна быть именно вашей целью, а не чужой.

Если цель: «Вы должны окончить школу с золотой медалью», — у вашей мамы, а не у вас (у некоторых мам очень сильная воля), то, может, вы и получите медаль, но при этом интересно жить будет мама, а не вы.

В этом смысле Юра Игнатов очень прав, когда говорит: «Убедите себя в том, что занятие, которое вы делаете, необходимо для вас...»

Другими словами: подчините задание учителя какой-то высокой, но своей цели. Найдите связь между сегодняшними упражнениями и вашей далекой целью. И вам сразу станет интересно.

Но, может быть, у вас никаких далеких целей и нет? Все ходят в школу — и вы ходите.

Так жить очень скучно! Надо учиться вырабатывать свои цели. Это довольно трудно, но попробуем потренироваться.

Свою способность достигать дальних целей в две-три недели не проверишь.

На очень близких целях ничему не научишься.

Для нашего опыта мы возьмем средние цели.

Может быть, у вас есть серьезные пробелы по какому-то из предметов и вы хотите самостоятельно (хотя, быть может, и по совету учителя) преодолеть эти пробелы.

Возможны такие цели: прочитать какую-нибудь важную книгу, которая нужна вам для самостоятельной работы, поставить какой-то опыт по физике или химии, чтобы разобраться в чем-то самим.

Выберите себе, пожалуйста, какую-нибудь собственную цель. Такую, чтобы ее можно было добиться в две-три недели. И приступайте к осуществлению!

Если вам удастся этот ваш опыт, вы, может быть, на всю жизнь запомните его, и вам будет легче ставить перед собой новые цели (и, разумеется, добиваться их).

Только будьте осмотрительны!

Некоторые ребята ставят себе заведомо невыполнимые цели. Другие — слишком легкие, так что никакой тренировки не получается.

Не бойтесь немножко изменить цель в ходе вашей работы, это не страшно.

Главное — поставить перед собой цель и добиться ее. Таким образом, мы сумеем выполнить совет Юры Игнатова: **на деле** убедимся, что учимся для себя, а не для учителя. Ведь «убедить» — не значит «уговорить». Убеждать — даже самого себя — лучше всего делом.

Что же касается второго совета Юры, то он настолько практичен и прост, что тут и нечего долго разговаривать. Собственно, это тот же совет, который мы испытывали в самом первом нашем эксперименте: когда что-то делаешь, делай так, будто ничего интереснее на свете нет, не думай о более приятных делах. Совет этот уже проверен, тысячи ребят подтвердили его правильность. Надо просто не забывать о нем.

●

Как же приступить к этому опыту? Цель без плана — пустая мечта. Мечта с планом действия — цель. Не торопитесь, хорошенько обдумайте вашу цель, составьте — в уме или письменно — план действий.

Многие ребята и прежде так поступали. Например, Ростислав Рево из города Чернигова, прежде чем начать опыт, составил такой план:

1. Дата начала опыта — 26. IX.
2. Дата окончания — 9. X.
3. Вдумчиво прочесть статью, «Пионер» положить под подушку головную (перед сном).
4. Ненависть к предмету превратить в предчувствие радости.
5. Готовить домашние уроки честно и аккуратно... и так далее.

Конечно, класть «Пионер» под подушку совершенно не обязательно. Но составлять план действительно полезно. Чтобы мы сразу узнали, сколько ребят принимает участие в опыте, пошлите в «Пионер» по традиции сначала

Первое письмо.
Меня зовут... Я из города... Учусь в... классе. Это мой... (первый, второй) опыт над собой. Я поставил перед собой такую цель... Я хочу добиться ее к... числу. Мой план действий:...
Учение с увлечением!

Затем, когда намеченный срок пройдет, пошлите, пожалуйста,

Второе письмо.
Меня зовут... Я из города... Учусь в... классе. Я ставил перед собой такую цель... Я ее добился (или не добился). Следующая моя цель такая... я постараюсь добиться ее к... числу.
Учение с увлечением!

И дальше по возможности подробнее опишите, как вы действовали и чего добились. Если у вас ничего не получилось, напишите, что же вам помешало и что вы собираетесь делать дальше.

Учение с увлечением!

От редакции «Пионера». Редакция премировала Юру Игнатова бесплатной подпиской на журналы «Пионер» и «Наука и жизнь» на 1971 год.

Его адрес: Московская область, пос. Мамонтовка, ул. Мира, д. 8, кв. 35. Игнатову Юре.

Очень важное дело

ГРАФИК САШИ ШРАМКО

В последней пачке писем с девизом «Учение с увлечением!» есть письмо восьмиклассника Саши Шрамко из города Пинска (это в Белоруссии). У Саши было два скучных предмета: русский язык и белорусский. Он вел опыт 14 дней, и теперь Саша пишет: «Эти предметы стали для меня нормальными», увлекательными, «и успеваемость по этим предметам немного повысилась, у меня появились четверки».

Но таких писем много. А вот что важно в письме Саши. Для учета эксперимента он построил два графика: один — по русскому языку, другой — по белорусскому. По одной оси графика Саша откладывал дни эксперимента, по другой (вертикальной) — отмечал степень своего интереса по пятибалльной системе. Если интересно — выше нуля, если скучно — ниже.

Посмотрите, как выглядит на рисунке Сашин график интереса к русскому языку.

На втором графике Саша отмечал не дни, а уроки.

Большая просьба ко всем, у кого остался еще хоть один нелюбимый, скучный предмет. Срочно повторите наш первый опыт (описан в № 9 за 1970 год), ведите его 14 дней и каждый день (или каждый урок по этому предмету) отмечайте на графике, насколько вам было интересно, как это сделал Саша. График срочно, то есть сразу после окончания опыта, присылайте в «Пионер».

Когда мы получим много таких графиков, мы сможем составить **типичный средний** график для всех, кто хочет заинтересоваться скучным занятием, и вы легко можете представить себе, какая будет от этого польза всем ребятам! А то некоторые ждут результатов в первый или второй день и бросают опыт при первой же неудаче.

Составив график, будьте внимательны, точны, аккуратны. Если вы еще не умеете составлять графики, попросите кого-нибудь из старших помочь вам, объяснить, как это делается.

Учение с увлечением!

P. S. Будет хорошо, если вы сделаете примечания хотя бы к некоторым точкам на графике, почему в этот день вам было скучно или интересно.

радиостанция „Здравствуй!"

Эстафета

Как участвует твой отряд в маршруте «Зарница»?

Проверить свою боевую готовность отряд может в эстафете. Ее предлагает всем юнармейцам главный консультант игры «Зарница» Глеб Сергеевич Десницкий.

Местность, где будет проходить эстафета, разбейте на пять этапов.

На первом этапе — командир отряда и разведчики. Все с компасами. Судья указывает каждому разведчику предмет на местности. Надо определить его азимут, работая предельно быстро, но точно.

Когда все разведчики выполнят задание, они записывают азимут и отдают запись судье, а сами по команде командира бегут на второй этап. На их пути еще препятствие — бум. Если свалишься, повтори попытку, и поскорее: время уходит. А если свалишься второй раз — получай штрафное очко.

На втором этапе — связисты. Они могут начать работу только после того, как все разведчики пересекут линию второго этапа.

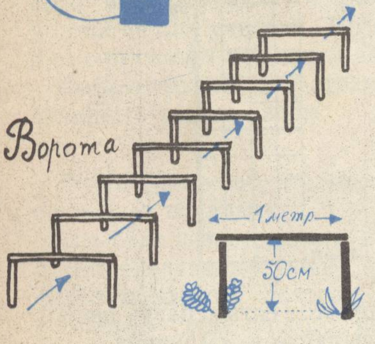
Командир отряда участвует во всех этапах эстафеты. По его команде связисты должны подключить телефон к кабелю, размотать кабель на 50 метров, подключить второй телефон.

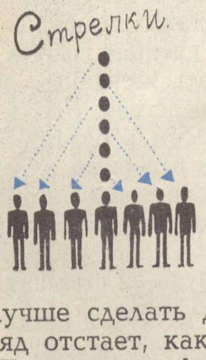
Судья вручает первому телефонисту краткое донесение. Телефонист передает его. Второй телефонист принимает и записывает. Запись отдают судье.

Если телефонных аппаратов нет, передача ведется флажками. Но тогда расстояние между подающим сигнал и принимающим надо увеличить.

Передача окончена. По команде связисты собираются на конечной телефонной станции и все вместе бегут на следующий этап. На пути у них «ловушка» — восемь ворот. Высота ворот — полметра, ширина — метр. Верхняя планка лежит свободно. Надо проползти друг за другом под воротами так, чтобы не сбить ни одной планки. За каждую сбитую планку — штрафное очко.

Связисты прибыли на третий этап. Их ждут стрелки. Они уже построены в колонну по одному, друг за другом. Командир принимает командование стрелками. По сигналу «к бою» они разворачиваются в цепь, продвигаются вперед перебежками на 100 метров, а затем ползком на 10 метров и лежа метают гранаты в цель или на дальность. Потом по общей команде бегут к следующему этапу. На четвертом этапе — санпост. Судья определяет «раненых». Санитары оказывают им первую медицинскую помощь. Потом одного из «раненых» переносят на расстояние 15 метров любым способом.

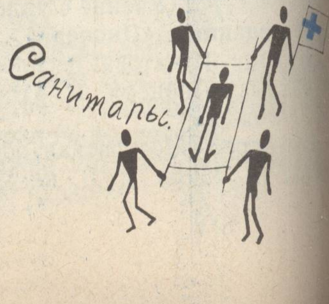
Пятый этап — последний. Здесь собираются все участники эстафеты. Они надевают противогазы, а если противогазов нет, то изготавливают марлевые повязки, надевают их и преодолевают участок, «зараженный» отравляющим веществом.

Судьи на каждом этапе отмечают, насколько быстро и хорошо работают юнармейцы. За ошибки, за промедление насчитывают штрафные очки. Например, за ошибку в определении азимута более чем на 2° к общему времени, затраченному на преодоление всех препятствий, прибавляют 30 секунд. За попадание в цель гранатой сбрасывают 40 секунд, а за промах — прибавляют 10 секунд.

Лучше сделать две трассы. Тогда сразу будет видно, какой отряд отстает, какой впереди.

Проведи эстафету в своем отряде и пришли нам подробный рассказ о том, как она прошла, не позднее 30 марта.

Три отряда, донесения которых будут признаны лучшими, получат призы радиостанции «Здравствуй».

Идут занятия в астрофизическом кружке Московского Дворца пионеров на Ленинских горах. Ребята определяют освещенность поверхности Земли.

Фото Б. Раскина.

Мы ухаживаем за телятами

Теленочек, когда родится, такой слабенький. Корова его оближет, и он лежит беспомощно часа два, обсыхает. А потом пробует встать на свои тонкие, дрожащие ножки. Когда встал — значит, все в порядке, вступает в жизнь. Но все равно за него страшно. Уходишь домой с фермы и все думаешь, как он там.

У нас в школе создано два звена юных телятниц. Мы ухаживаем за молодняком. У кого один, а у кого и два и три теленочка. А когда телята подрастают, мы передаем их в стадо.

Многие девочки становятся доярками. Ведь они хорошо знают характер своих питомцев!

А как интересно придумывать имена для новорожденных! У Жени Арбузовой телят зовут Волна, Малютка, Копейка. У Вали Ушковой — Венера, Моряк, Ландыш. А Володя Чесноков, наш дояр, назвал свою любимицу Клумба.

У многих наших ребят мамы работают на ферме больше десяти лет. Там хорошо, чисто. Все в белых халатах. И у нас тоже белые халаты.

Кончим работу— и записываем в дневник, сколько молока дала каждая корова. Это важно для общего учета. Мы любим нашу ферму. И нам очень хочется знать, как другие ребята помогают у себя на фермах. Сколько телят у каждого? Как лучше ухаживать за телятами? Чем их кормить? Поделитесь с нами опытом, ребята!

Люда ПОПОВА,
Кондрашинская восьмилетняя школа,
Воронежская обл.

СПАСИБО,—

говорит Женя Рыбакова всем ребятам, ответившим на ее письмо.

Женя Рыбакова из Харькова любит делать игрушки из бумаги, из картона, из шишек, из желудей — из всего, что подвернется под руку. Самые хорошие она дарит своим друзьям — малышам, а ребята-одноклассники над ней смеются: «Нашла себе занятие — малышей забавлять».

«Правы ли они?» — спрашивала Женя. Ты помнишь, мы напечатали ее письмо в седьмом номере журнала прошлого года.

327 РЕБЯТ ОТВЕТИЛИ ЖЕНЕ. Вот что они думают.

Дорогая Женя! Я старше тебя на два года, перешла в восьмой класс. Но я тоже очень люблю малышей. В нашем дворе много маленьких. Я рассказываю им сказки, читаю книги, учу их новым играм и сама играю с ними. И когда я выхожу на улицу, меня сразу окружают малыши: «Лена, расскажи! Лена, давай поиграем!..» Когда я сшила одной девочке для ее куклы платье, она так была рада, что побежала поделиться радостью с подругами. И к вечеру мне принесли еще трех пупсят. Малыши радовались каждому новому платьицу, и восторгом сияли их лица!

Женя, расскажи всем ребятам, как рады малыши твоим игрушкам.

С комсомольским приветом

Лена С.,
г. Ульяновск.

Дорогая Женя! Мне понравилось твое увлечение, и я решила тоже делать игрушки для малышей. Но я могу делать их только из желудей. Посоветуй, пожалуйста, как делать их из других материалов. А ребят из своего класса ты не слушай. Есть, конечно, и другие интересные занятия, например, собирать марки, засушивать растения. Но все эти увлечения приносят радость себе, а ты своими игрушками даришь радость малышам. И это — вполне серьезное занятие. Ведь взрослые тоже делают игрушки для детей. Может быть, ты потом станешь мастером детской игрушки и будешь делать не только первоклассникам, но и всем детям.

Зина ВОРОНЦОВА,
с. Кордоновка, Кизлярский район.

Я прочитал письмо Жени и даже удивился, что над Женей все смеются. У нас в деревне никто не смеется над теми, кто играет с малышами и делает для них игрушки.

Женя, ведь мы, пионеры, даже обязаны помогать октябрятам.

Не оставляй начатого дела. Даже тогда, когда ты станешь взрослой, ты можешь делать игрушки для малышей.

Коля КАВЕРЗИН,
п. Лятча, Брянская область.

Я перешла в шестой класс, и теперь я вожатая у октябрят. Но у меня не всегда получается хорошо, а у тебя, Женя, получается. Посоветуй мне, как лучше работать с октябрятами. Чтобы им было всегда интересно.

Очень прошу написать.

Ж. Н.,
Воронежская область.

Дорогая Женя! Я тоже перешла в шестой класс, мне, как и тебе, двенадцать лет. Я тоже люблю делать игрушки. Только я их шью из материала. Я хожу в кружок «Мягкая игрушка». В нашем кружке более ста человек. Над нами никто не смеется, а даже поддерживают наше увлечение. Совет дружины организовал конкурс на лучшую поделку. А в Доме пионеров нашему кружку дали шесть путевок во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Валя ЛУБНИНА,
г. Череповец, Вологодская область.

Женя, ты делаешь очень хорошее дело. Это и есть серьезное занятие — дарить ребятам счастье.

Виктор СПИРИДОНОВ,
г. Чирчик, Ташкентская область.

Ребята, которые смеются над Женей, потому что она делает игрушки для малышей, наверное, завидуют ей. Женю любят малыши, а их нет. У нас во дворе мы каждое воскресенье показываем кукольный театр. Все малыши получают пригласительные билеты.

Настелим одеяло на какой-нибудь забор — вот и получилась ширма. А кукол мы делаем из проволоки. Проволоку мы обматываем куском материи и связываем нитками.

Однажды на наш спектакль пришел Эдик. Мы думаем: «Ну все, сейчас разорит наш театр». Но ему понравилось, и когда один мальчишка хотел кинуть камень, то он усадил его на место и сказал: «Сиди тихо! Для тебя показывают, стараются, а ты!»

Ты, Женя, не отчаивайся, делай спокойно игрушки. Не может быть, что у тебя нет ни одной подруги, которая бы не захотела быть вместе с тобой.

Витя ЩЕНЕВ,
г. Андижан.

ВТОРАЯ ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Перед стартом

Среди наших задач сегодня есть потруднее, есть и полегче, но даже для решения самой сложной задачи *главное — сообразительность и упорство*. Никаких особых знаний, выходящих за рамки школьного учебника, не требуется. Конечно, те, кто уже «набил себе шишки» на наших предолимпийских тренировках (смотри «Пионер» №№ 9—12 за 1970 год и № 1 за 1971 год), будут чувствовать себя смелее и вместе с тем осмотрительнее.

ВНИМАНИЕ, «ЛЯГУШАТА»!

Сегодня Неизвестные приготовили задачи и для вас — учеников *второго, третьего и четвертого классов*. Неизвестные сделали это в ответ на просьбы многих «лягушат», в частности четвероклассников из деревни Ныргынды, Удмуртской области, которые очень успешно «барахтались» в нашем Лягушатнике.

Остальные задачи — их одиннадцать — для ребят, *начиная с 5-го класса*. Но и здесь «лягушата» могут попробовать свои силы.

На решение даем всем *два месяца*. Последний срок присылки ответов — **30 марта 1971 года.** На конверте пометьте: «Олимпиада Лягушатника» или «Олимпиада Трех Неизвестных».

Не огорчайте жюри: обязательно присылайте не ответы, а **развернутые решения**. Указывайте **адрес и класс**, без этого нам трудно будет определить победителей.

Специальные премии учреждены за решение наиболее трудных задач и за самые красивые решения.

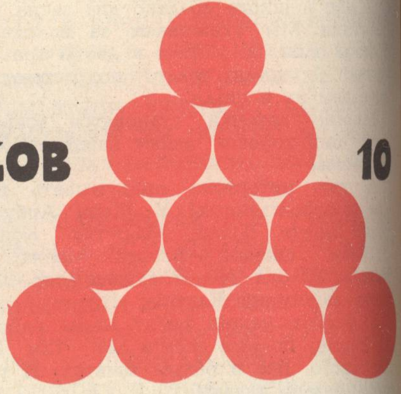
Итак, поздравляем с началом Олимпиады!

Всем — находчивости и удачи!

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Вверх по лестнице бегут Икс, Игрек и Зет — они торопятся на открытие Олимпиады. При этом Икс перепрыгивает через одну ступеньку, Игрек — через две, а Зет — через четыре. Докажите, что, какие бы восемь идущих подряд ступенек мы ни взяли, среди них есть ступенька, на которую не ступала нога ни одного из Трех Неизвестных.

10 ПЯТАКОВ 10

Десять пятикопеечных монет расположены, как показано на рисунке. Уберите как можно меньше монет так, чтобы центры любых трех оставшихся не лежали в вершинах равностороннего треугольника. И второе задание. Докажите, что если убрать меньшее число монет, то центры каких-либо трех из оставшихся образуют равносторонний треугольник.

Как расшифровать?

Здесь одинаковые цифры заменены одной и той же буквой, разные цифры — разными буквами. Расшифруйте:

$$
\begin{array}{r}
\text{АНДРЕЙ} \\
+\ \text{ЖАННА} \\
\hline
\text{ДРУЖБА}
\end{array}
$$

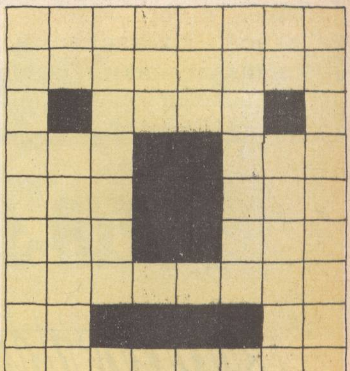
весы и монеты

Шесть одинаковых по виду монет разложены в две кучки по три монеты в каждой. Известно, что в каждой кучке две монеты настоящие, а одна — фальшивая. Все настоящие монеты имеют один вес, обе фальшивые — другой вес, меньший. Есть также чашечные весы без стрелок и гирь. Какое наименьшее число взвешиваний вам понадобится, чтобы наверняка определить обе фальшивые монеты?

Удивительное число

Первая цифра десятизначного числа равна числу единиц в десятичной записи этого числа, вторая — числу двоек,..., девятая — числу девяток, десятая — числу нулей. Найдите это число.

Упрямая фигура

Докажите, что эту фигуру из 60 клеток (не считая заштрихованных) нельзя разбить на прямоугольники из трех клеток.

Маугли в плену

Помните сказку Р. Киплинга «Маугли» о мальчике, воспитанном волчьей стаей?

Однажды Маугли попал в плен к Бандар-Логам — так в джунглях называли обезьян. «Мне хочется есть,— сказал Маугли.— Я чужой в этих местах, принесите мне поесть или позвольте здесь поохотиться.

Двадцать или тридцать обезьян бросились за орехами и дикими плодами для Маугли...»

Часть из них разбежалась по дороге, а остальные сорвали орехов поровну. На обратном пути Бандар-Логи подрались, и каждая бросила в каждую большой и тяжелый орех. Скажите, сколько орехов сорвала каждая из обезьян, если Маугли получил всего 26 штук?

Загадка 13 букв

Из картона вырезаны тринадцать букв. Двенадцать из них обладают некоторым свойством, а одна этим свойством не обладает. Что это за свойство и что это за буква?

ДЖЕНТЕЛЬМЕНЫ НА ПРОГУЛКЕ

Два джентльмена одновременно отправились на прогулку по аллее длиной 100 метров. Мистер Смит за час проходит 1 километр, мистер Джонс идет помедленнее — всего 600 метров в час. Дойдя до конца аллеи, каждый поворачивает и с прежней скоростью идет обратно. Встречаясь, они каждый раз раскланиваются. Сколько раз они раскланиваются на протяжении первых 25 минут прогулки? Сколько времени из этих 25 минут они шли в одном направлении?

СОСЧИТАЙ РЕБЯТ

Это была замечательная экскурсия. Начнем с того, что в одной компании были семиклассники и восьмиклассники. Все они были либо с комсомольскими значками, либо в пионерских галстуках. Мальчиков было 16, комсомольцев — всего 24. Пионерок ровно столько, сколько мальчиков, вступивших в комсомол. Сколько же всего ребят было на этой экскурсии?

А ЭТИ ЗАДАЧИ — „ЛЯГУШАТАМ"

Задача Светланы А.

```
 *6** | 6*
−1*0  |----
 ---    2*
  3*0
 −*9*
  ---
    0
```

```
   2*
 × *2
 ----
   *8
 +7*
 ----
  7*8
```

Ее прислала первоклассница Светлана из города Медноурупска. К сожалению, она не написала свой адрес, а от фамилии известна только первая буква А. Она предлагает вам вставить пропущенные цифры:

ЛЮБИМЫЙ КРОССВОРД ИГРЕКА

А этот кроссворд из коллекции Игрека. Здесь одинаковые цифры заменены одной и той же буквой, разные — разными. Расшифруйте:

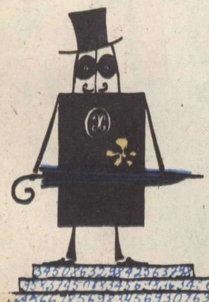
```
  СТОЛ
+ СТУЛ
 -----
 КЛАСС
```

Задача Веры Саенко

Вера Саенко из Кривого Рога прислала такую задачу: можно ли пятью двойками записать число 28?

МАУГЛИ ВСЕ ЕЩЕ В ПЛЕНУ

Прочтите условия задачи «Маугли в плену», которую мы даем для старших ребят. Узнайте, какой будет ответ, если Маугли получил не 26, а всего 13 орехов.

ПРИМЕЧАНИЕ НЕИЗВЕСТНЫХ:

МЫ ЗНАЕМ, ПИСЕМ БУДЕТ МНОГО. ПОЭТОМУ РЕШЕНИЯ ЭТИХ ЧЕТЫРЕХ ЗАДАЧ, ПРИСЛАННЫЕ РЕБЯТАМИ СТАРШЕ 4-го КЛАССА, РАССМАТРИВАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

х, игрек, z

В хоккей играют настоящие мужчины...

Этот разговор состоялся в «Орленке»...

— А хоккей вы любите? — спросил я космонавта.

— И сам играю и болею.— Севастьянов помолчал.— Я люблю хоккей за мгновенную реакцию. Отличный хоккеист должен молниеносно оценить ситуацию.

Трубачи настойчиво звали гостей на лагерную площадь костров, и мы стали торопиться. Но разговор не прерывался.

— Трудно, конечно, сравнить, но реакция, быстрота ее, необходимая космонавту, чем-то похожа на реакцию хоккеистов. В кабине корабля сотни приборов. Решения надо принимать молниеносно.

Вспыхнул костер. Разговор снова зашел о спорте. Но теперь в нем участвовала Александра Пахмутова. Ее песни о спорте знают все, песня «Трус не играет в хоккей» стала чем-то вроде хоккейного гимна. Пахмутова — заядлый болельщик, причем динамовский. И может быть, мелодии этих песен рождались в те мгновения, когда на площадке кипели страсти, когда шайба, повинуясь мысли и силе игрока, металась от бортика к бортику. Мне очень захотелось узнать, за что она любит хоккей.

— В хоккее можно драться за победу до последней секунды. Слабых хоккей не уважает. На льду нужны крепкие нервы, крепкие мускулы и твердый характер. Сколько внутренней красоты в этой игре! Все в движении! Кругом неподдельный азарт, космические скорости.

Вот так неожиданно для меня в разгар лета произошел в «Орленке» разговор о хоккее.

«Снежинка» в ГДР

...На улице шел мелкий осенний дождь, а здесь, в берлинском Дворце спорта «Динамо», было тепло и уютно, сверкали огни, звенели клюшки. Юные хоккеисты из воскресенской «Снежинки» готовились к первому поединку с друзьями-соперниками из клуба «Динамо». На трибуне появился рослый спортсмен. Это был Эгон Цише — игрок национальной сборной ГДР по хоккею.

Я не раз видел, как Эгон Цише увлекал в атаку своих товарищей. И мне было интересно посмотреть, как болеет этот виртуоз хоккея. Он сидел спокойно. Но каждый раз, когда у ворот разгорались страсти, он улыбался и говорил: «Гут!» — «Хорошо!»

После матча Эгон Цише сказал:

— Это был интересный поединок. Хоккеисты из Воскресенска — волевые спортсмены. По себе знаю, как трудно отыгрываться... А тут две шайбы в ваших воротах! Но зато сколько азарта было потом! Атака за атакой. 6:2 в пользу «Снежинки» — это награда. За мужество и за отличную технику.

Вечером во Дворце спорта снова встретились обе команды. Ребята записывали адреса друзей, ставили автографы на клюшках, говорили о хоккее... Вдруг тренер немецкой команды торжественно объявил:

— Наша команда «Динамо» в прошлом году завоевала бронзовые медали. После игры мы решили вручить две из них вашим игрокам. Кто играл под номерами «15» и «11»?

Встали Сережа Кочетов и Саша Власюк — самые маленькие по росту. Они не скрывали своей радости. Еще бы! В Воскресенске у них уже хранятся медали. Тоже бронзовые. Они-то знают, как дороги медали, завоеванные в трудной борьбе. А ребята из ГДР не пожалели, подарили. Ради дружбы.

...На юге ГДР среди лесов и полей приютился небольшой городок Криммичау — город ткачей и... хоккеистов. Сюда и приехала «Снежинка», чтобы разыграть специальный кубок ткачей. В этом городе живут два брата — шестилетний Питер и тринадцатилетний Вольфганг Штредели. Когда состоялась первая игра «Снежинки» с чемпионом ГДР «Динамо» из города Вайсвассер, Вольфгангу надо было идти в школу. Он очень огорчился, Вольфганг, а потом придумал — попросил маму посмотреть матч.

— Но я же не разбираюсь в хоккее,— удивилась мама.

— Это не имеет значения,— серьезно отве-

тил Вольфганг.— Самое главное — смотри, кто быстрее бегает, кто лучше владеет клюшкой, и обязательно узнай фамилию этого игрока.

Ребята из «Снежинки» и не подозревали, что вместе с их тренером — Василием Васильевичем — за их игрой внимательно наблюдала мама двух сыновей-болельщиков. В конце матча она спросила тренера «Снежинки»:

— Все ваши игроки такие быстрые, так ловко владеют деревянной палкой и этим резиновым кружочком, что я в растерянности: кто же лучший?

Василий Васильевич улыбнулся и пожал плечами.

— Мне очень понравился игрок с цифрой «два»,— продолжала мама-болельщица.

Так произошло знакомство семьи Штределей с Женей Зозиным. На последнюю, самую решающую игру Штредели пришли всей семьей и дружно скандировали со всем стадионом: «Раз, два, три... Хо-ро-шо! Четыре, пять, шесть... Хо-ро-шо!»

Наши ребята подарили маленькому Питеру настоящую клюшку. Вся команда расписалась на ней...

Четыре года прошло с тех пор. Всего четыре. Многие ребята из «Снежинки-67» играют в юношеских и молодежных командах. Но до сих пор я не могу забыть тех минут, когда в честь победителей на флагштоке поднимался красный флаг, когда звучал наш гимн. Разные были ребята в команде. Но каждый из них — боец. И Виталий Колосов и Миша Жиров. А Сережка, тот на деле показал, что не болтун, а в трудную для команды минуту шуткой и смелым прорывом увлекал к воротам соперников всю пятерку. Может быть, еще не раз придется этим ребятам защищать честь нашего флага. И хочется верить, что они будут такими же мужественными, собранными, как в свой первый международный турнир.

Сережа Коротков и другие...

В редакции «Пионерской правды» хранятся самые разные клюшки — от олимпийской из Инсбрука Бориса Майорова до вратарской от ребят из Чехословакии. Эти клюшки, кубки, медали, значки — живая история клуба «Золотая шайба». Если бы могли заговорить спортивные кубки и клюшки! Если бы они рассказали о тех, кто их держал в руках!

...«Шайбу в ворота ЦСКА с подачи Вячеслава Старшинова забросил Сергей Коротков»,— объявил во Дворце спорта диктор. Раздались аплодисменты. Но как хотелось бы услышать еще несколько слов: «...Сергей Коротков, бывший капитан дворовой команды «Шайба», первого чемпиона клуба «Золотая шайба».

Сережка с детства любил хоккей. Его родные Сокольники стали хоккейной школой для многих прославленных мастеров клюшки. Здесь он впервые встал на лед. Здесь он впервые узнал, что такое победа. Когда много лет назад на лед выходила пятерка «Шайбы» во главе с Сережей, трибуны оживлялись. Быть грозе, быть штурму. И Сережка рвался в атаку.

— Характер у парня боевой,— уже тогда говорили тренеры.— Но откуда техника?

Никто не знал, что Сергей Коротков мог часами бросать шайбу в деревянный ящик. Никто не предполагал, что этот несколько угловатый паренек не жалел времени для тренировок. Трудолюбие — вот та тропинка, которая провела Сережу от первой медали «ЗШ» к медали чемпионов Европы среди юниоров, в один из популярнейших клубов — в «Спартак». А все начиналось во дворе...

Во дворе первый шаг к золотым медалям «Золотой шайбы» сделал и Вовка Зотов, капитан «Буревестника» из Дзержинска. Озорнее пацана в школе не было. Двойками был увешан, как наградами. И вот встреча с шайбой. Тренер сказал: «Или с прошлым покончено, или — до свиданья, шайба!» Вовка молчал. «Хватит твердости?» — снова спросил тренер. Вовка кивнул головой. И сдержал свое обещание.

...Игра закончилась, а чемпион не определился. Все решали буллиты. Оставался последний, решающий бросок. Вовка подъехал к тренеру. Тот что-то шепнул ему, и обрадованный Вовка помчался к синей линии. Он улыбался. Напряжение словно рукой сняло. Проход, бросок — победа! Взметнулись вверх клюшки. И среди них — капитанская клюшка Вовки. Надо было видеть, как сияли глаза у Вовки Зотова, когда он держал в руках первый приз — огромный кубок. Сам Фирсов обнял его, похлопал по спине и сказал: «Я бы так ни в жизнь не забил».

Потом мне рассказывали, что Вовку Зотова после турнира словно подменили. Новый стал Вовка — подтянутый, дисциплинированный, но... как и прежде, веселый и неунывающий.

Вовка Зотов, Сережа Коротков — разные они по характеру. Но вот таких ребят выбирают в вожаки. С ними вместе переживают неудачи. С ними вместе радуются победам. «Душа команды» — так называют капитанов. И они заслуживают таких слов. А чем? Один — трудолюбием. Второй — упорством. А третий? Третий — верностью команде, решительностью, смелостью, отвагой. Хорошие это ребята. Из таких и вырастают настоящие мужчины.

Плюс выдержка

Тогда Борис Майоров еще играл... В редакцию приехал между тренировками. Посмотрев экспонаты нашего небольшого музея, он увидел свою клюшку. Ту, олимпийскую, с которой начался путь «Золотой шайбы».

— Сколько их побывало в руках, сколько сломалось...— задумчиво произнес он.— Сейчас ребятам повезло: у них свой клуб «Золотая шайба». И очень хочется, чтобы наши чемпионские клюшки перешли в надежные руки. Что ни говорите, а хоккей — игра азартная. И если наши мальчишки хотят побеждать, они обязаны в совершенстве владеть коньками и клюшкой, верить в друзей, не трусить, бороться до конца, ценить время. К этому надо прибавить выдержку.

С. ФУРИН,
член Центрального штаба клуба «Золотая шайба».

Кинорежиссер А. Митта

Как сняться в кино

Рисунки автора.

Довольно часто ребята разного возраста пишут мне письма с одинаковым вопросом: «Как сняться в кино?» Мальчики напирают на то, что они ничего не боятся. Девочки намекают, что они ничего себе с виду. Одна девочка так прямо и написала: «Товарищ режиссер, снимите меня в какой-нибудь роли (можно не в главной). Что вам стоит?»

А действительно, что мне стоит? Всего-то написать сценарий фильма с ролью для этой девочки. Обсудить этот сценарий раз пятнадцать — двадцать пять с разными людьми. Получить каких-нибудь триста — четыреста тысяч рублей на съемки. Собрать киногруппу — человек пятьдесят разных профессий. Подготовиться к съемкам месяца за три, и можно послать девочке телеграмму: «Дорогая такая-сякая, приезжай на «Мосфильм» в такое-то время, в такую-то комнату. Будем делать кинопробы».

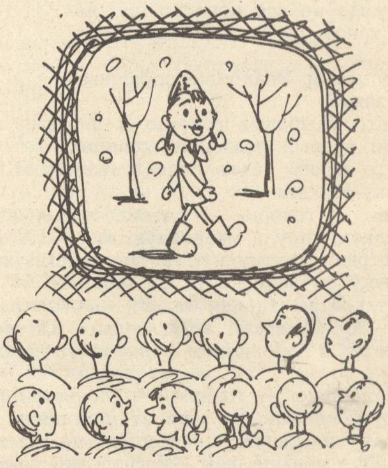
Это у нас такой порядок. Каждому артисту, даже заслуженному и знаменитому, устраивают кинопробу. И по ней определяют, годится ли человек на роль. Но артиста подобрать на роль всегда можно. Артистов выбирают в театрах, где они играют спектакли, многие уже в кино снимались. Перед этим все они окончили театральные институты. А как угадать в школьнике: способен он или нет?

Ребята сами, конечно, все убеждены, что могут сыграть любую роль. Вчера, допустим, Вова Пчелкин сказал на уроке: «Марь Михаловна, я все знал, но забыл». Так здорово сказал, что учительница вздохнула: «Артист ты, Пчелкин». И поставила двойку. «А действительно,— думает Пчелкин,— чем я хуже Даньки или гимназиста-очкарика?»

На киноэкране все у ребят-артистов получается легко и складно. Кажется, пришли и заиграли, без усилий, без труда. Но в цирке, у жонглеров, тоже факелы в руках легко летают. И канатоходцы по проволоке ходят, как по тротуару. Однако никто не пишет канатоходцам Волжанским: «Возьмите меня в свой знаменитый номер. Я очень ровно хожу по земле. Думаю, что и по проволоке пройду не хуже вашего».

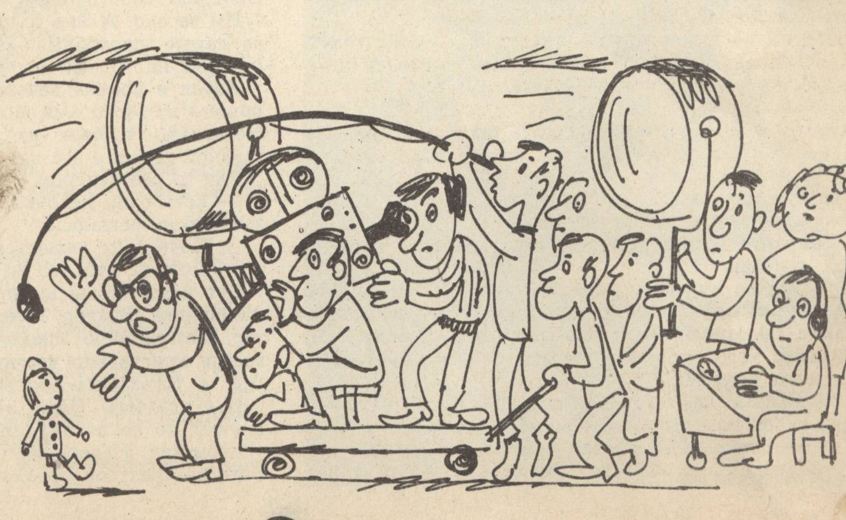
— Сравнил! — скажете вы.— То проволока над манежем, а то кино, где все, как в жизни!

Так это, ребята, на экране все, как в жизни. А на съемочной площадке все не так, как в жизни. Вот, например, снимаем мы сцену, как девочка идет. Просто идет. По земле идет, а не по проволоке. В кадре такая картинка.

А на киносъемке такая.

Перед девочкой на рельсах киноаппарат. Оператор следит за композицией кадра: девочка должна двигаться, как ей велит оператор. Ассистент оператора следит за фокусным расстоянием. (Кто занимается фотографией, знает, что это такое.) Девочка должна учитывать замечания ассистента оператора. Микрофонщик несет микрофон. Девочка говорит слова роли, которые звукооператор запишет на магнитную пленку. Она должна учесть и его замечания. Осветители направляют на девочку ослепительный свет прожекторов.

Девочке надо смотреть на них не мигая, уметь не замечать этого света. Сбоку сидят гримеры, реквизиторы. Они свое дело знают — всех артистов оденут, загримируют, как надо. А девочке надо так носить костюм, чтобы сидел как свой, не чувствовать грима на лице. И вообще вести себя так, чтобы никому и в голову не пришло, что она кого-нибудь видит, кроме режиссера. А режиссер репетирует с девочкой сцену и добивается, чтобы все было естественно и выразительно. Как в жизни.

Теперь вы понимаете, наверное, как непросто бывает найти такую девочку. Особенно если ей надо сыграть трудную роль.

Была такая картина — «Звонят, откройте дверь». Снимал я ее давно, пять лет тому назад. Но до сих пор помню, как искал девочку на главную роль.

Длилось это месяца два. День за днем, с утра до вечера ходим мы по школам, домам пионеров, спортивным секциям. Никак не можем найти. А может, встретили, да не разобрались. Тоже ведь с первого взгляда не все понятно про человека. Но такой, какая написана в сценарии, нет.

Хожу я унылый. Знакомые спрашивают: «Что с вами?»

А я только улыбаюсь грустно и плечами пожимаю.

Тогда мой первый помощник говорит:

— Давайте дадим объявление в газету: «Киностудия ищет девочку 12 лет».

— Хорошо, — говорю. — Давайте такое объявление. Только в какую-нибудь маленькую газету. А то стыдно как-то. В стране спутники с космонавтами запускают. А мы девочку на роль найти не можем.

— Есть такая маленькая газета, — говорит мне мой помощник.— «Московский комсомолец». Он по воскресеньям выходит в половинном формате. И тираж небольшой.

— Очень хорошо, — говорю. — Меньше ничего нет?

— Куда уж меньше, — говорит помощник, но через день приходит и говорит: — Нашли мы газету, какую вы хотели. Еще меньше, чем «Московский комсомолец». Вдвое меньше.

— Какую же? — спрашиваю я.

— «Пионерскую правду». Дали объявление. Завтра напечатают.

Я как стоял, так и сел.

— А ва-ва-ва,— говорю,— а ва-вам не кажется, что у этой газеты тираж миллионов десять? Вы-вы-вы не подумали, что завтра соберется у нас очень много детей и устроят они бог знает что на студии!

— Что вы! — говорит мой помощник. — Человек триста придет. Может, пятьсот. Я на всякий случай позову кого-нибудь в помощь. Да вы не беспокойтесь.

— Нет,— говорю я.— Мне чего-то не по себе. Позвоните в газету и отмените это объявление.

— Поздно, — говорит мой помощник. — Я их уговорил в последнюю минуту объявление в газету вставить. Думаю, сейчас тираж печатают.

С трудом я прожил ночь. И хотя просмотр был назначен на час дня, к девяти утра был у ворот студии. А там уже стояло человек двести. Первые пришли — еще восьми не было.

Охранники на проходной говорят:

— Забирайте ваших детей: мешают работе. Путаются под ногами.

Увел я их на лужайку перед студией и часа за полтора со всеми как-то разобрался. Были у нас заготовлены такие билетики для повторных просмотров. Кому дал билетик, кого отправил домой. Только детей набирается все больше.

К двенадцати часам народ повалил толпами. Валит и валит сплошным потоком. Причем всех возрастов. От семи до двадцати. И не только девочки, но и мальчики. Одна старушка даже собачку привела.

— Она у меня,— говорит,— дрессированная и умна, как человек. Снимите ее в кино.

Ассистенты с трудом выстраивают народ в очередь. Сохраняют порядок. Собралось в огромной, длиннющей колонне тысяч десять, а может, пятнадцать. Это я уже потом мысленно сообразил. А тогда мне казалось, что там их миллион. Или, если не преувеличивать, тысяч сто. И все протягивают ко мне руки и кричат:

— Дядя, я хочу сниматься!

— Дядя, возьмите меня!

— Дядя, дайте мне билетик!

Всем им весело. Оттого, что их так много, и оттого, что каждая считает себя уже принятой в своем воображении.

Мы разделились на пять групп. Спешим всех проглядеть, никого не обидеть. Какое там! Одной девочке я не дал билетика — она расплакалась. Тогда я пожалел ее.

— Ладно,— говорю,— приходи, придумаем тебе работу.

И уже через полминуты слышу за собой истошный крик:

— Алка, беги сюда! Тут дядька в очках берет всех, кто плачет!

И вот орава девочек с хохотом, изображающим рыдания: «Аа-а-а! А-а-а!» —

наседает на меня, вытянув руки за билетиками. Они слюнявят себе пальцы, мажут глаза, как будто плачут.

Им весело. А мне в пору по правде плакать. Наверняка самые способные стоят в стороне и с грустью смотрят на то, как мы раздаем билетики.

Часов в восемь вечера закончили мы. Но ничего хорошего из этого злосчастного просмотра не получилось. Несколько человек на второстепенные роли взяли, а главной героини все нет и нет.

Как-то раз вечером мой помощник сказал:

— Есть одна девочка, которую я хотел бы вам показать, но не решаюсь.

— Почему не решаетесь?

— Потому что это моя родная внучка.

Тут надо, чтобы вы представили себе характер моего помощника. Виктор Тимофеевич Проклов — старый актер, безгранично преданный искусству, то, что называется кристально честный человек. Сейчас он на пенсии, а тогда был вторым режиссером нашей картины.

И я подумал: «Если этот человек рекомендовал свою внучку, то не потому, что хочет устроить ее в кино по знакомству. Наверняка он убежден в ее способностях. Ведь не сразу он предложил ее, а только когда убедил-

ся, что нет другой кандидатки. А какой нелегкий это труд — киносъемки, он-то хорошо знает».

Пришла к нам эта девочка. Во-первых, оказалась она очень трудолюбивой. Во-вторых, выяснилось, что она хорошая спортсменка. По роли нам этого не требовалось. Но крепкое здоровье — помощник в нашей утомительной работе.

Начали мы с ней репетировать. Что ни день, то лучше. И скоро вся киногруппа повеселела. Кажется, нашли героиню. А когда сняли кинопробу, ни у кого не осталось сомнений: есть в картине героиня! Девочку эту звали Лена Проклова.

Сейчас она взрослая девушка, красивая, но я до сих пор помню ее в первых сценах той, первой ее картины. Снимали мы зимой, в жуткие холода. Киногруппа была одета в теплые летчицкие комбинезоны и в унты. Ходим по снегу неуклюжие, как мишки косолапые, но в тепле.

А девочка в легком пальтишке, одета, как положено по роли. Постоит она на морозе, на ветру, потом куда-то убежит и снова возвращается.

— Замерзла? — спрашиваю ее.

— Нет, могу работать.

Через полчаса опять ее нет. «Куда это она бегает,— подумал я. — Что за непорядок?» Пошел искать. А она сидит в автобусе киногруппы, тихонько плачет в углу. Это она, оказывается, так замерзла! А никому ни слова не говорила, чтобы не подумали, что она слабенькая. Отогреется — и бегом на съемку.

Есть в картине у нас сцена драки. Трое мальчишек бьют приятеля ее — Генку. Девочка, как увидит это, забыв все, кидается кубарем с горы прямо в драку. С одного шапку срывает, другого — кулаком в нос, третьего и ногами и руками колотит.

Но ребята у нас в группе были джентльмены. Они с девочкой драться застыдились. Машут руками вяло, понарошке. Они, конечно, думали, что каждый ее может одной левой заткнуть головой в сугроб и чтобы ноги болтались. А мне неудобно попросить их порезвее драться.

Но Лена сама заметила, что ребята вполсилы дерутся. Подбегает ко мне со слезами:

— Почему они не хотят меня бить? Скажите им, чтобы они не врали, а по правде дрались.

— Ну, побейте ее, ребята, — сказал я им.

А девочке говорю:

— Ты уж не подкачай. Хочешь, чтоб сцена получилась, настройся на драку. Представь себе, что ты их сильно не любишь.

А у нее уже глаза горят.

— Я их так ненавижу! — шепчет.— Я их, как собака, искусаю, как кошка, исцарапаю!

«Ну,— думаю,— будет дело».

Зажглись прожекторы, заработала кинокамера.

— Начали! — кричу.

Ребята в снегу возятся, колотят втроем Генку. И вдруг с горки кубарем Ленка — как кинется на них! Молотит по ним руками, как мельница. Ее отбросили, а она прямо в кучу. И руками и ногами.

— А-а-а! — слышу истошный вопль. Мальчишка орет по-настоящему.

Этот кадр из картины «Звонят, откройте дверь» вы, наверное, помните. Лена Проклова играла в ней вашу современницу.

И она сама вопит что есть силы:

— А-а! Гады! Вот я вас!

Но никто никого не убил. Сняли кадр и пошли все вместе мороженое есть.

А потом на Международном кинофестивале детских фильмов в Венеции нашей картине присудили главный приз — Золотого льва. Этот лев стоит в Венеции на площади Святого Марка, на высокой башне. Огромный позолоченный лев с крылышками. А маленького золотого льва мы увезли в Москву. И в Москве на киностудии «Мосфильм» про-

А здесь она уже украинская девушка Христя, и живет она в голодные двадцатые годы.

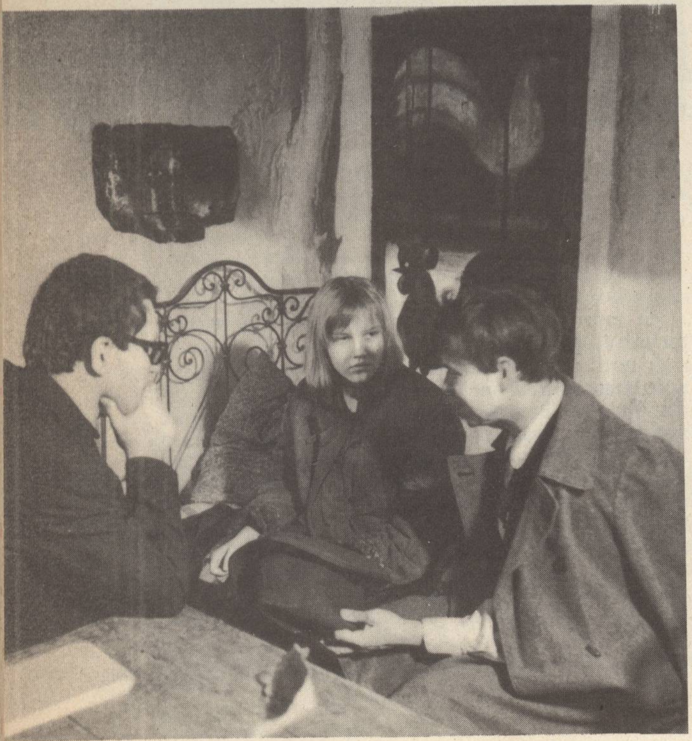

вели конференцию, на которой все работники студии проголосовали, какой фильм считать лучшим и какие роли считать лучшими за год.

Подсчитали голоса, и оказалось, что лучшими признали три фильма, в том числе наш «Звонят, откройте дверь». И вдобавок, всем на удивление, лучшую женскую роль сыграла двенадцатилетняя девочка — наша Лена.

Все нас поздравляли. А в одной газете написали сердитую заметку. Что это за легкомыслие такое — давать

Режиссер А. Митта и актер Олег Табаков объясняют Лене один из эпизодов картины «Гори, гори, моя звезда».

взрослые призы маленьким детям? Ясно, что это она все делала по указке режиссера, что она еще не актриса, просто глина в чужих руках.

Но в действительности все было совсем не ясно. И я не смог бы сказать, как Лена сыграет свою следующую роль — хорошо, отлично или на тройку. Бывает, что человек точно попадает на роль: совпадает возраст, и характер, и мысли. А предложат потом другую роль — и ничего не выходит.

И вот через четыре года я снова встретился с Леной Прокловой на съемочной площадке фильма «Гори, гори, моя звезда». Многие из вас, наверное, этот фильм видели и знают, что Лена сыграла в нем украинскую девушку Христю.

На этот раз ей досталась

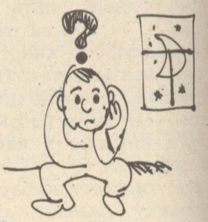

роль, где ничего не совпадало с ее природными данными, с жизненным опытом. Лена к этому времени выросла, училась в девятом классе. А играть ей предстояло девушку, которая с ранних лет нянчила чужих детей. Без отца, без матери скитается Христя по чужим деревням в голодный двадцатый год. Где покормят, а где и прибьют, как бездомную собачонку. От этого и взгляд у нее неуверенный, затравленный, смотрит, как мышонок из-за печки. Готова каждую секунду съежиться и отпрыгнуть от удара. Только к концу фильма распрямляется ее душа.

Стали мы с Леной репетировать — не получается. Растерялась она, занервничала, и уже совсем ничего не стало выходить. Я начал думать, что рано ей играть такие роли: жизненный опыт у Лены совсем другой, в тяжелых передрягах бывать ей не приходилось. Вот станет она старше, покрутит ее жизнь в своих водоворотах, тогда и будет чем поделиться с людьми, будет о чем рассказать.

С этими мыслями я и пришел к Лене домой — посоветоваться с ее родителями. А мама ее мне говорит:

— Что вы с нашей Леной сделали?! Она не ест, не пьет. Все время плачет. Исхудала. И твердит только: «Не быть мне актрисой. Неспособная я».

А я Лене недели за две до этого сказал:

— Лена, у тебя рожица круглая, а в двадцатом году все люди были худые и голодные. Ты уж как-нибудь постарайся похудеть для достоверности.

Ну и вижу, что она худеет. Значит, старается! А она, оказывается, от горя худеет, а не от диеты.

— Ну мыслимое ли это дело — из-за роли так переживать?! Она и вправду неспособная, скажите? — спрашивает мама.

— Способная она,— говорю.— Неспособные как раз и не переживают. У них для этого душевных сил мало. А способные всю жизнь собой недовольны, потому что стремятся сделать все лучше. Вот в Художественном театре был талантливейший артист Хмелев. Так он, когда у него роль долго не получалась, застрелиться хотел...

Тут, я вижу, мама Лены побледнела и за сердце схватилась.

Ах, я дуралей! Что же я натворил?! Утешил, называется!

— Успокойтесь,— говорю,— пожалуйста. Все у нас хорошо. И у Лены выйдет. Это ей только кажется... Все получится.

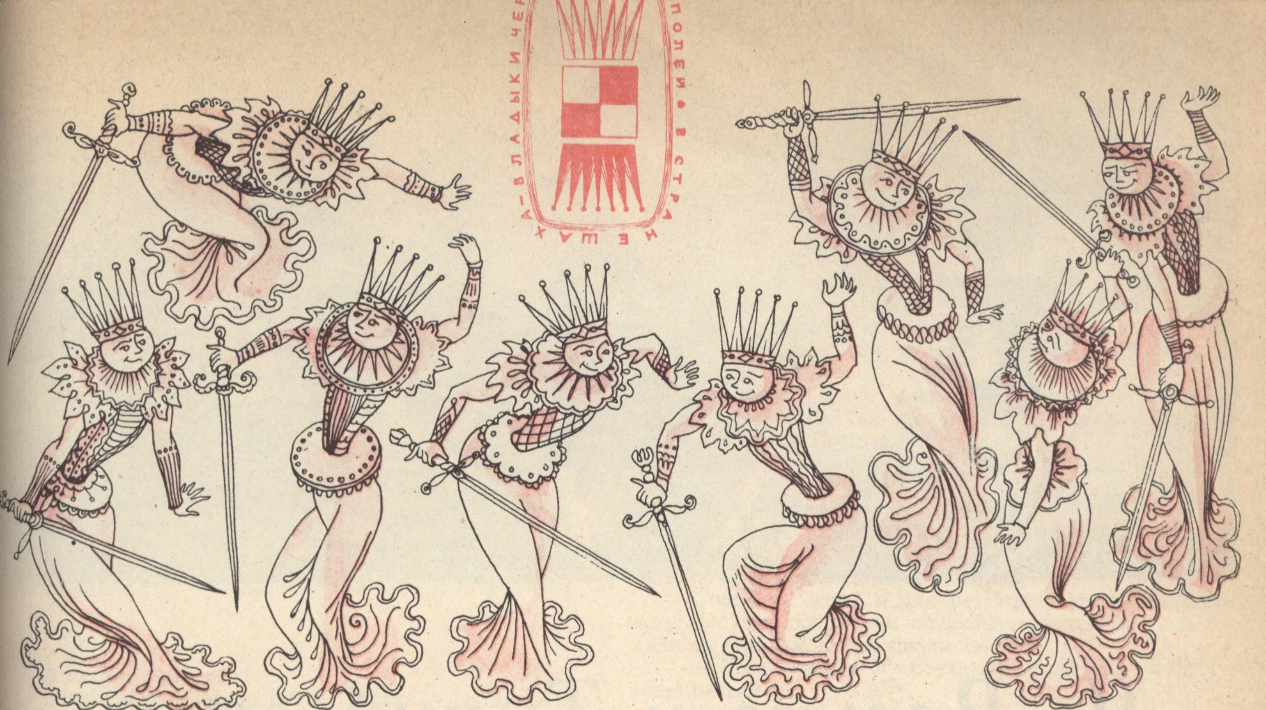
А про себя думаю: «Не имеем мы права бросать работу над ролью. Потеряет Лена веру в свои силы, перестанут развиваться ее способности».

Снова стали репетировать.

И знаете, мало-помалу, медленно, маленькими шажками стала в Лене появляться ее героиня.

Но и работала она! Как она умеет работать, вы поймете, если я скажу вам, что в один год Лена снялась в трудной роли да еще окончила девятый и десятый классы. И в школу-студию при Художественном театре поступила.

Так вот становятся актрисами. И это еще самое начало. Для Лены Прокловой по крайней мере.

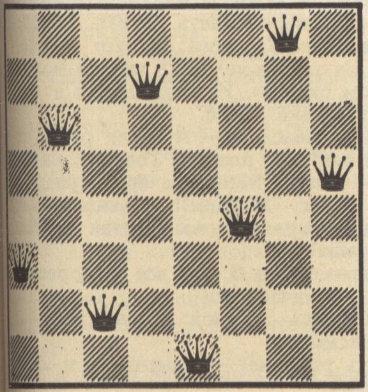

Еще про шахматную арифметику

Пешкин уже рассказывал вам, ребята, как он занимается шахматной арифметикой.

Недавно он узнал про задачу о восьми ферзях. Вот это задача! Расставьте на доске восемь ферзей так, чтобы ни один из них не был под ударом.

Кажется, очень просто, да не тут-то было. Долго трудился Пешкин над этой задачей и в конце концов нашел ни мало ни много девяносто два решения.

На диаграмме дано одно из девяноста двух возможных положений. Видите, восемь ферзей ведут огонь по горизонталям и вертикалям шахматной доски, и все чувствуют себя в полной безопасности.

А сейчас проверим, разбираетесь ли вы в шахматной арифметике.

Попробуйте получить еще одну позицию, в которой ни один из восьми ферзей не может взять другого. Для этого в положении, приведенном на диаграмме, надо переставить трех ферзей на соседнюю клетку по вертикали или горизонтали. Запомните: каждого из трех ферзей только на одну соседнюю клетку! Напишите Пешкину, какое вы предлагаете решение.

Интересно, кто из вас получит пятерку по шахматной арифметике.

Две задачи Миши Чудакова

Верный друг Пешкина, ученик 5-го класса 27-й московской школы Миша Чудаков, составляет занятные задачи. Расставьте на доске позиции двух задач, которые придумал Миша. В каждой из этих задач мат достигается в четыре хода, а игру, как обычно, начинают белые.

Вот первая из них:
Белые: Крd3, Лb8, Кd5
Черные: Крa1, пешка a2.

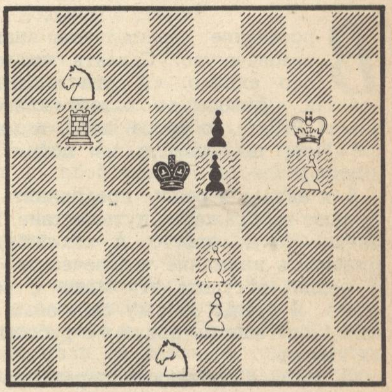
Во второй задаче белые расположились так: Крd3, Лd1, Лh1, пешки b2 и a3.

Черные: Крa2, Кc2, пешки a4 и b3.

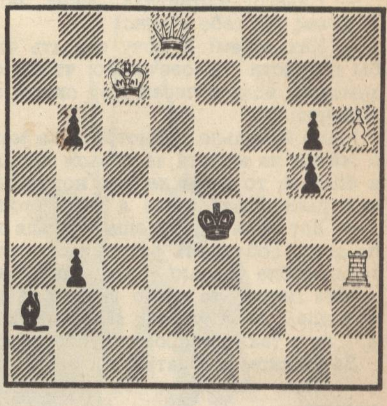
Напишите Пешкину, понравились ли вам задачи Миши Чудакова.

Наш конкурс

Пешкин включил в свой заочный конкурс две новые задачи. Их нелегко решить, хотя в обеих задачах немало общего. Как, по-вашему, что делает их похожими?

Начиная игру, белые дают мат в три хода.

И здесь мат достигается в три хода, а игру начинают белые.

ПЕШКИН ЖДЕТ ВАШИХ РЕШЕНИЙ, РЕБЯТА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Я, Васька и Тихий океан

РАССКАЗ

Г. ГОЛЛЕНДЕР

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

В последнее время мне захотелось поразить человечество. Сделать что-нибудь такое, чтобы оно ахнуло. «А что в самом деле? — подумал я.— Дожил до пятого класса, а кто обо мне знает? Ребята со двора, папа, мама... Раз, два и обчелся! Нет, так дальше не пойдет. Надо что-то придумать».

Для начала я решил предпринять какое-нибудь потрясающее воображение путешествие. Например, переплыть океан. Но не просто. А как-нибудь так, чтобы сразу приковать внимание человечества. Допустим, в корыте. Я решил обсудить эту идею с родителями во время обеда. Я всегда завожу серьезные разговоры во время еды. Папа еще не пришел с работы, поэтому я обратился к маме.

— Мам, я собираюсь переплыть в корыте океан,— как бы между прочим сказал я.

— Какой? — без особого удивления спросила мама.

— Тихий или Великий,— небрежно пояснил я.— Как? Ничего, а?

— Ничего! — ответила мама, подавая мне второе.— А зачем это тебе нужно?

— Как зачем? Я хочу сделать что-нибудь такое, чтобы потрясти человечество, чтобы оно ахнуло! Как ты думаешь, если я переплыву океан, оно ахнет? В корыте, конечно!

Мама печально посмотрела на меня и велела хоть раз в жизни не молоть за столом чепуху, потому что когда я болтаю, то я ем не как нормальные люди, а глотаю, как удав. Из-за этого я такой тощий: кожа да кости.

— Вот если ты будешь учиться на пятерки, помогать по дому, соблюдать распорядок дня, воспитывать в себе трудолюбие и волю,— заключила она,— тогда...

Мне почему-то стало скучно, я поблагодарил за обед и вышел из-за стола. «Посоветуюсь с отцом,— решил я,— он в таких вопросах лучше разбирается».

За ужином я обратился к отцу.

— Пап,— сказал я,— я собираюсь переплыть океан в корыте!

Отец в это время как раз потянулся за ложкой, чтобы размешать сахар в стакане с чаем. Он поднял на меня глаза и стал помешивать ложкой в хлебнице.

— А почему, собственно, в корыте? — поинтересовался он.

— А в чем же? Я хочу доказать, что человек способен еще и не на такое!

— Тогда лучше в тазу,— уверенно заявил папа,— или еще лучше в дуршлаге!

Я задумался.

— Нет,— сказал я.— У дуршлага есть один крупный недостаток: в нем слишком много дырок.

— Во всяком случае, значительно меньше, чем в голове, в которую приходят такие мысли,— неожиданно заключил папа.— Вот если ты будешь учиться на пятерки, помогать по дому, соблюдать распорядок дня, воспитывать в себе трудолюбие и волю, то в будущем, возможно, и добьешься признательности человечества. Но, конечно, уже без помощи корыта.

— Этого очень долго ждать,— недовольно ответил я.— А мне хочется сейчас, чтобы оно ахнуло!

«Все-таки нет у взрослых фантазии,— думал я, вылезая из-за стола.— Только и знают: учиться, трудиться... Расскажу-ка я об этом деле Ваське. Уж он-то наверняка поймет и оценит. Я даже, пожалуй, возьму его с собой. Вдвоем веселее переплывать океан. Вообще Васька — железный человек. Уж если он чего захочет, обязательно добьется. На такого человека вполне можно положиться в открытом океане». Не откладывая в долгий ящик, я побежал к Ваське домой.

— Вот это да! — обрадовался он.— А я как раз к тебе собрался. Хотел на рыбалку позвать. Говорят, на канале окунь шикарно клюет. Мишка вчера тридцать семь штук поймал за час. Пойдем?! Прямо сейчас. Удочки для тебя есть, наживка тоже. Рюкзак собран. Ну? Что ты раздумываешь?

— Я не раздумываю,— сказал я.— Я все уже решил. Я задумал такое дело — закачаешься!

— Значит, ты не пойдешь со мной на рыбалку? — с сожалением спросил Васька.

— Какая может быть рыбалка? — зашептал я и изложил ему свою программу.

— Здорово! — сразу же оценил Васька.— Один будешь пересекать океан или меня возьмешь?

— Посмотрим! — Для вида я решил немного поломаться.— Смотря какое корыто достану. Если большое, то можно вдвоем махнуть.

Васька сразу оживился и сказал, что он будет не он, если не достанет такого корыта, какое нужно, и сразу обрушил на меня град вопросов.

— Когда мы отправляемся? — в первую очередь поинтересовался он.

— В пятницу вечером!

— В пятницу? — поморщился Васька.— Пятница для таких дел самый неподходящий день. Ты как-нибудь привязан к этой пятнице?

— Нет.

— Тогда почему мы не можем отплыть в четверг?

— Можем и в четверг,— пожал я плечами.

— Превосходно! — заметил Васька.— А зачем нам ждать четверга? Разве мы не можем отправиться сегодня? Немедленно!

— Но у нас еще нет корыта,— возразил я.

— Насчет корыта не беспокойся — корыто будет. Это я беру на себя.

— Тогда можно хоть сейчас,— согласился я.

— Значит, один вопрос решен. Отправляемся сейчас,— подытожил Васька.— Теперь вопрос второй: как будет двигаться наше корыто?

— Приспособим весла!

Васька всплеснул руками и ущипнул меня за руку.

— Ты что?

— Я ищу шкуру,— ответил он.

— Какую еще шкуру? Нет у меня никакой шкуры.

— Нет, сознайся, куда ты ее дел? У человека, которому пришла в голову мысль пересечь океан на веслах, должна быть шкура пещерного человека! Кто в наш век атомной энергии и космических полетов пересекает океан на веслах?! Это долго. И потом, я чувствую, на веслах придется все время сидеть мне, а ты будешь только командовать.

— Что ты предлагаешь?

— Поставить на корыто реактивный двигатель!

— Тогда у нас будет самое быстроходное корыто в мире! — обрадовался я. — Только для реактивного надо очень много горючего, а где мы его разместим?

— Нас будет сопровождать танкер! — заявил Васька.

— Откуда он возьмется?

— Нас все равно будут сопровождать какие-нибудь корабли: для связи корабль с корреспондентами... Так пусть один из них будет танкером.

— Пожалуй, танкер нам не повредит,— заметил я, подумав.— Но он тут же отстанет. Разве ему угнаться за нами?

— А зачем ему гоняться за нами? Мы погрузим наш двигатель на танкер.

— А корыто?

— Корыто тоже.

— И поплывем через океан на танкере?

— Зачем же на танкере? Там нефтью пахнет, и потом сам же говорил, что у него очень тихий ход. Лучше мы полетим.

— На чем?

— На воздушном шаре.

— А как же океан?

— Какой еще океан?

— Тихий или Великий!

Васька пронзительно посмотрел на меня и прошептал:

— Океан остается. Даже два.

— Понял!— воскликнул я.— Пересекаем воздушный океан над Тихим!

— Гениально! — подтвердил Васька.

— Разумеется, в корыте,— добавил я.

— Куда ж мы от него денемся!— согласился он.— Оно будет у нас вместо люльки.

— Значит, в Америку мы попадем по воздуху.

— В какую еще Америку? — удивился Васька.

— Как в какую? В конечный пункт следования.

— Сдалась нам эта Америка! Воздушный шар в Америку не полетит.

— Это еще почему? Америка простирается почти от полюса до полюса. Так что, пересекая океан, мы никак не можем промахнуться.

— Сейчас ветер дует не в ту сторону,— веско пояснил Васька.

— Значит, шар полетит над сушей?

— Я считаю, что летать на воздушном шаре над сушей просто глупо. Разве для тебя так уж важно полететь на воздушном шаре над сушей?

— С чего ты взял? Я как раз хочу лететь над океаном. А суша для того и существует, чтобы по ней ездили на поездах, автомобилях, оленях.

— Но нам удобнее всего ехать на трамвае,— перебил меня Васька.

— Через океан?— поразился я.

— Забудь океан. Нет никакого океана. Трамвай идет только до канала.

— Какого канала? Что-то я не понимаю.

— Ну того, где окунь объявился.

— А как же корыто? — не сдавался я.

— Корыто, конечно, возьмем с собой.

— В трамвай с ним не пустят!

— Почему это не пустят?

— Оно же у нас двухместное.

— Тогда придется идти пешком,— вздохнул Васька.

— А кто понесет корыто? Ты? — спросил я.

— Почему это я? У меня и так рюкзак и три удочки. Это ты таскаешь с собой корыто по всем видам транспорта.

Мы помолчали.

— Вась,— мягко спросил я,— а зачем, собственно, нам это корыто?

— Понятия не имею,— ответил Васька.— Между прочим, сам давно хотел тебя спросить об этом.

Васька незаметно сунул мне в руку удочку, подхватил рюкзак, и мы побежали на канал, к тому месту, где Мишка вчера за один час поймал тридцать семь окуней.

Академия домашних волшебников

«Ну и денек! — думала Лёка, выбегая из школы.— Уже два часа, а мама опять в командировке, и Марина в музыкальной школе, и обед надо приготовить, да не забыть хлеба купить».

Она приостановилась около снежной горки и посмотрела, как лихо розовая малышня съезжает на санках. Вот бы прокатиться!

Лёка бросила портфель на скамейку и вихрем взлетела на горку. Оглянулась — все с санками внизу, а она без санок наверху. Ну и пусть! Горка накатанная, на ногах еще интереснее...

— С дороги, куриные ноги! — крикнула Лёка мальчишке, выпрыгнувшему ей наперерез.

Да это Алеша!

— Ой, Лёка, хорошо, что я тебя нашел! Я бегу в школу — рисовать стенгазету, а бабушка сегодня заболела; доктор сказал, ангина, выписал жуткое количество рецептов, и надо еще молоко и мед. И еще бы с Чубчиком погулять, а?

Лёка на секунду задумалась. Но что же тут думать? Стенгазета есть стенгазета.

— Ладно.— И Лёка уже летела к дому, строя план.

«Домой заходить не стану, а сразу к Алеше. Чубчика в охапку, тридцать минут с ним побегаю. Потом в аптеку и в магазин. Заодно куплю себе хлеб. Молоко вскипячу, бабушку напою молоком с медом и лекарство дам. Да, еще Калинка обещала вечером прилететь. Ну и денек!»

...Только в половине четвертого Лёка открыла двери своего дома. Что за чудо! Полы натерты, пыль вытерта, дом весь чистый-пречистый, из кухни плывут жаркие душистые волны чего-то очень вкусного... А по кухонному подоконнику расхаживает Калинка.

— Калинка! Это все ты? Такой чистый-пречистый дом!

— Ты помогла бабушке и Алеше, а я тебе...

— Спасибо! А чем так вкусно пахнет? — Лёка заглянула в жаркую духовку.— Сухарики! И какие маленькие, румяные!

— Убирала я кухню и нашла куски хлеба, черного и белого.

— Я их выбросить хотела.

— Выбросить?!— Калинка резко повернулась к Лёке.— Конечно, велик ли труд заплатить в булочной семь копеек и принести булку домой... Между прочим, твои консервы с черносмородиновым компотом испортились. Пожалуй, их надо выбросить.

— Как выбросить? — Лёка чуть не заплакала.— Ты не представляешь, сколько я эти кусты смородиновые поливала, потом ягоды собирала и вся обцарапалась. Да еще банки пришлось мыть, стерилизовать. А когда от бабушки в Москву везли, совсем измучилась, банки как чугунные, два дня руки болели. Выбросить! Может, можно что-нибудь сделать?

— Значит, Лёка, ты только чужой труд не ценишь. У тебя, видишь ли, «руки болят», а у того, кто хлеб растил, не болят? Дождичек прошел, птички запели, а на кустах булки румяные созрели?

— Ну, что ты, Калиночка, я не маленькая, знаю, что зерно в поле растет!

— Не растет, а его выращивают. Каждое зернышко к посеву всю зиму берегут, землю пашут, за посевом все лето ухаживают, а когда спелый убирают, так не спят, не едят, торопятся, чтобы зерно не осыпалось. А потом и сушат зерно, и веют, и на элеватор везут, тоже каждое зернышко берегут. Пекари, пока ты спишь, тесто месят и булки пекут. А ты в булочную придешь, носик наморщишь: «Почему это у вас булочки замерзшие? Я только тепленькие люблю...» Не стыдно тебе?

— Стыдно... Прости меня, пожалуйста, я никогда об этом не думала... Но что же теперь делать? Мы много хлеба купили — он зачерствел...

— Надо покупать столько, чтобы не оставался. Кстати, сшей два полотняных мешочка и храни там хлеб, белый и черный отдельно — не так черствеет. А уж если случилась беда, то нарежь мелкими кубиками и подсуши в духовке. Вот возьми горстку ржаных сухариков и выпей с ними молока.

— С такими сухариками можно бочку молока выпить. Калинка, ты не знаешь какого-нибудь волшебного словечка, чтобы замерзший или зачерствевший хлеб превратился в свежий?

— Знаю. Замерзшую или зачерствевшую булку смочи слегка водой со всех сторон, положи ее на сковородку, прикрыв крышкой, или просто заверни в мокрую белую бумагу — и в жаркую духовку. Минут через шесть—десять булка будет как из пекарни.

— А слово?

— Слово! — Калинка засмеялась.— **Жар-пар-бумс.** Повтори три раза, только шепотом.

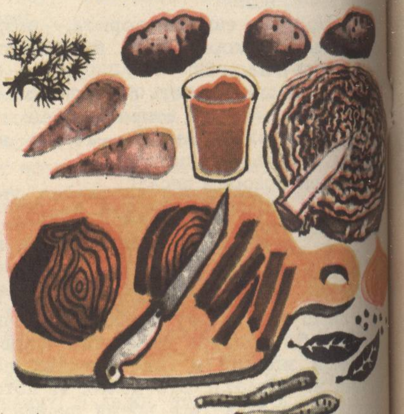
Лёка все так сделала и села на корточках перед дверцей духовки.

— Что же, так и будешь сидеть восемь минут? А обед?

— Ой, обед! Скоро Марина придет. Папа просил приготовить борщ, котлеты и кисель, но такой обед надо полдня готовить.

— Почему полдня? Бульон для борща уже готов, значит, нам нужен еще... час и двадцать минут. Доставай свой фартучек — времени в обрез. Какой ты хочешь борщ? Есть десятки рецептов борща: украинский, московский, флотский, молдавский, с черносливом, белорусский...

— Нет, я хочу твой.

КАЛИНКИН БОРЩ

На такую 4-литровую кастрюлю надо 700 граммов грудинки пожирнее. А если готовишь еще и котлеты, то с котлетного мяса срежь косточки и добавь к грудинке. Мясо промой холодной водой, положи в кастрюлю, залей на 2/3 кастрюли холодной водой и поставь на сильный огонь.

Запомни четыре «суповые и борщовые заповеди».

Во-первых, не бери очень маленькую кастрюлю — суп закипит, перельется через край, вся вкуснота уйдет, а тебе придется отмывать плиту. Не бери слишком большую кастрюлю — весь вкус уйдет с паром. **Во-вторых,** мясо заливай холодной водой; если положишь мясо в кипящую воду, то будет вкусным мясо, а не бульон. **В-третьих,** не пропусти момент, когда бульон закипит и на поверхности поднимется бурая шапка накипи, сейчас же сними ее шумовкой или ложкой. **Потом прикрути огонь,** чтобы кипение было едва видимым, и пусть варится часа два. Крышка должна быть плотно закрыта. За полчаса до готовности посоли, попробуй: будет мало, досоли еще и положи луковицу, 2 лавровых листика и 8—10 горошин черного перца. А пока бульон будет вариться, не сиди около плиты без дела, приготовь кисель, пожарь котлеты, убери дом, почисть овощи.

— А овощи надо чистить заранее?

— Ни в коем случае! Почистил — и на плиту. Самое большее они могут пролежать 5—10 минут. Овощи перед тем, как чистить, помоешь, а когда почистишь, в воду не клади, а то все витамины уйдут. На 3-лит-

ровую кастрюлю для борща надо 4 средних свеклы, 1—2 морковины, 4 небольших картошины, маленький кочан капусты и, если есть, зелень сельдерея, укропа или петрушки, 1—2 ложки томатной пасты или консервированных, а летом свежих томатов.

Ну, вот, бульон уже готов и тихонько кипит, а ты уже почистила свеклу, теперь от борща отвлекаться нельзя. Все надо делать быстро, но не суетливо. **Очищенную свеклу мой, шинкуй** (5—6 разрезов вдоль, а потом поперек — получатся длинные брусочки), ставь на огонь сковороду, растопи в ней ложку топленого масла или смальца и постепенно ссыпь туда нашинкованную свеклу. Огонь маленький. Свекла не жарится, а только слегка подтушивается минут 8—10. Чуть присоли и чуть присахари (половина чайной ложки) и мешай ложкой. Свекла станет мягкой и масляной. Чуть сбрызни ее уксусом (чайная ложка) — тогда она не потеряет цвет. **Ухитрись в это время нашинковать такими же брусочками морковь** и добавь ее к свекле минуты на три. Смешай все ложкой и ссыпай в кипящий бульон. **ПОМОЙ ОЧИЩЕННУЮ КАРТОШКУ,** нарежь большими ломтиками — пополам и еще пополам — и в кастрюлю. **Сейчас же шинкуй длинными стружками капусту.** И... высыпай осторожно, смотри, чтобы не было слишком много, лучше оставь горстку капусты, присоли да съешь сырой — вкусно и полезно. Борщ должен быть густой, но не такой, что ложку не повернешь. Попробуй, достаточно ли соли. А теперь, когда капуста уже прокипела минут десять, **1—2 столовых ложки томатной пасты** прожарь 2 минуты на сковороде в чуточке масла — и в борщ. **В самую последнюю очередь всыпь горсть нарезанной зелени** (свежей или сухой) и минут через пять снимай борщ с огня.

Лёка выключила огонь и торжественно сняла кастрюлю с плиты.

— Ого, какая тяжеленькая! Прошло только 35 минут — и борщ готов. Невероятно! А сметану?

— Любишь со сметаной — добавь в тарелку, когда разливаешь борщ. Папе можно и поперчить. Если захочешь, чтобы борщ был покислее, вместе с томатом добавь несколько крупинок лимонной кислоты или ложечку спиртового уксуса. Можно добавить и мелко нашинкованное кислое яблоко или репу.

Борщ можно приготовить на овощном бульоне — в холодную воду опусти две луковки и корешок петрушки и прокипяти; на грибном — сухие грибы промой в холодной воде и повари около часа, в отвар положи луковку и коренья. В грибной или овощной борщ добавляют отваренную фасоль, а лавровый лист и перец — перед окончанием варки. Заправляют такой борщ маслом, а нашинкованные соломкой грибы подтушивают вместе с овощами.

— Ну, а теперь кисель!

— КИСЕЛЬ УЖЕ ГОТОВ. Как я его варила? Вскипятила в этой кастрюле 2,5 литра воды с 8 столовыми ложками сахара, развела холодной водой столовую ложку картофельной муки и, помешивая, влила в кипящий сироп. Мешать надо энергично, чтобы крахмал не заварился комками. Три минуты прокипятила, сняла с огня и сейчас же вылила туда сырой клюквенный сок — 300 граммов клюквы я пропустила через соковыжималку. Можно клюкву протереть и через дуршлаг, в этом случае отжимки надо прокипятить, процедить через марлю и на этом отваре готовить кисель.

— Вылить сок в заваренный кисель и не кипятить?

— Совершенно верно. Сохраняются все витамины, которых в клюкве очень много. Так можно приготовить любой кисель. По вкусу можно уменьшить или увеличить количество крахмала и сахара: любишь густой и сладкий кисель — бери 2,5 ложки крахмала и 10—12 ложек сахара. Я люблю в чашку густого сладкого киселя добавить 1/3 сливок или молока. Да не забудь, что кисель готовят пораньше, чтобы он успел остыть к обеду.

— А ТЕПЕРЬ БЕРЕМСЯ ЗА КОТЛЕТЫ?

— Причем все делаем молниеносно. Для котлет лучше взять пополам говяжьего мяса и свинины. Можно использовать и готовый фарш из магазина. На 500 граммов фарша надо половину черствой городской булки, луковицу, зелень петрушки, две ложки топленого и растительного масла или смалец (свиное топленое сало).

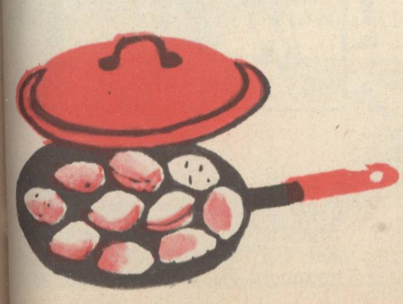
Булку порежь и залей стаканом холодной воды. **Мясо промой,** порежь кусками и смели на мясорубке два раза. **Размокшую булку** отожми и тоже пропусти через мясорубку. **Фарш присоли** (примерно 1/4 столовой ложки), добавь мелко-мелко нашинкованную луковку, горсточку нарезанной зелени и хорошенько вымеси. Если фарш суховат, подлей 2—4 столовые ложки холодной воды, или молока, или бульона. **Фарш надо месить как следует** — минуты 3—5; из плохо вымешанного фарша хороших котлет не получится.

Лёка месила, месила, месила, пока у нее не получился эластичный, гладкий ком. Она подняла фарш на ладошке — и ни кусочка не отвалилось.

— Из этого фарша можно сделать 7 больших котлет, или 10 средних, или 15 маленьких. Раздели весь фарш, предположим, на 15 одинаковых комочков, потом быстро их выкатай между ладонями и, придавив, обваляй в молотых сухарях. Эти сухари называются панировочными. Сырые котлетки должны быть ладными и ровными. Ставь сковородку на огонь, растопи масло (топленое с растительным) или смалец. Дай ему слегка закипеть и опускай в середину сковородки по котлете, и сейчас же сдвигай ее к краю, и через минуту переворачивай. Заполни всю сковородку, но смотри, чтобы не было тесно. Огонь должен быть таким, чтобы масло слегка кипело, но не горело, а то котлеты будут невкусные. Дым и чад в кухне — позор.

— Я все так сделала, котлеты перевернула, но они не поджарились.

— Еще дай им поджариться и еще раз переверни, корочка должна быть поджаристой. Слегка приподними сковородку и наклони с боку на бок. И еще раз, чтобы масло равномерно заливало все котлеты. Масло должно пропитывать котлеты — тогда они будут вкусными. Обычно котлеты жарятся 8—10 минут.

— А ТЕПЕРЬ ПОЧИСТЬ 5—6 КАРТОШИН, разрежь их пополам и поджарь в растительном масле. Сковородку разогрей, налей подсолнечного масла (1—2 ложки) и в кипящее масло тесно, одна к другой, уложи картошины. Закрой плотно крышкой и следи за огнем — картошка не должна гореть. Минут через 5—6 переверни картошины. 10—15 минут — и готов хрустящий румяный гарнир. Посоли в конце жарки.

— А соус к котлетам нужен?

— МОЖНО ПРИГОТОВИТЬ ТОМАТНЫЙ СОУС. Столовую ложку томатной пасты с половиной ложки пшеничной муки разведи стаканом холодной воды, повари пять минут на слабом огне, добавь по вкусу по щепотке, соль и сахар, 1—2 ложки сметаны и масло.

— Дай, попробую! Еще чуть соли и капельку сахара. Вот теперь очень вкусно. Накрываю на стол, сейчас придут папа и Марина. У нас сегодня настоящий зимний обед — борщ, котлеты и кисель.

Клуб «Сорок-Сорок»

Заседание сорок

записал Вадим ЛЕВИН.

Президент Клуба «Сорок сорок» бабушка Белобока неподвижно сидела на председательской ветке, с глубокомысленным видом закрыв глаза.

А между тем со всех сторон слышались возмущенные сорочьи голоса:

— Пора начинать! Открывайте заседание! Разбудите Белобоку!

Наконец бабушка шевельнулась, открыла глаза и медленно произнесла:

— Уважаемые члены Клуба, вот я сижу, слушаю вас и думаю:

ВЫ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО ВЫ ГОВОРИТЕ?

— Мы-то понимаем, а вот вы понимаете? — довольно грубо спросили в ответ уважаемые члены Клуба.

Бабушка Белобока не обиделась. Наоборот, немного поразмыслив, она неожиданно призналась:

— Не всегда. Но боюсь, что и вы не всегда понимаете, что говорите. И наши читатели тоже...

— Как?!! — возмутились сороки.— В чем вы нас подозреваете! Не знаем, как читатели, а мы-то знаем, что говорим... А если чего не знаем, так и не говорим!

— СЕЙЧАС ПРОВЕРИМ! — оживилась Белобока.— Вы помните, как Иванушка-дурачок вызывал волшебного коня?

— Конечно!

Сивка-Бурка
Вещая Каурка,
Встань передо мной,
Как лист перед травой!

— Вот-вот,— согласилась бабушка Белобока.— А кто объяснит, **что такое «Сивка-Бурка», что значит «вещая» и почему «Каурка»?**

Тридцать восемь сорок беспомощно развели крыльями. Только Всезнайка сказала:

— «Сивка-Бурка» — это кличка коня. Домашних животных часто называют по их цвету. Помните: Каштанка, Белка?..

— Правильно, Всезнайка,— перебила умную сороку бабушка-президент.— Но мне бы хотелось, чтобы другие сороки сами подумали и ответили на мои вопросы. Кстати, что это за цвет — «сивый»? И еще один вопрос:

КАКОГО ЦВЕТА ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ? Ну, кто знает?

Бедные сороки стали грустными и задумались. А Белобока продолжала:

— Дорогие читатели, надеюсь, вы поможете сорокам? И если вы вспомните другие слова и выражения, которые мы употребляем, но не знаем, что они обозначают, присылайте их нам. Подумаем все вместе, может, и догадаемся. А сейчас...

—...Будем говорить мы,— перебили президента сороки-близнецы Бел и Берда.

— Кто вам дал слово? Что еще за новости?

— О! У нас

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ НОВОСТИ

Новость первая

Судьба изобретения

Ребята из кружка «Умелые руки» школы № 40 города Сорочанска изобрели и сделали в подарок выпускнику школы тяжелоатлету Власу Юрьеву штангу легче воздуха.

— Будут новые рекорды, будут неожиданности,— пообещал молодой штангист, принимая подарок. И правда, на первых же соревнованиях в Сорочанске был установлен поразительный рекорд: штанга подняла в воздух спортсмена Власа Юрьева, весом 95 килограммов 40 граммов.

Новость вторая

Радиостанция в кармане

Необычайные свойства обыкновенного спичечного коробка обнаружила шестиклассница Вика Сороченко: она использовала его как малогабаритный приемник — передатчик ограниченного радиуса действия. Положив коробку в карман, Вика, не повышая голоса, разговаривает со своей подружкой, которая сидит в одной и той же комнате на расстоянии, не превышающем 3,5 метра.

— У нас все,— закончили Бел и Берда.

— А теперь я прошу слова! — сказала сорока Художница.— Пока шло заседание, мы с Непонимайкой начали составлять словарь в картинках. Просим ребят присылать нам новые слова и картинки к ним.

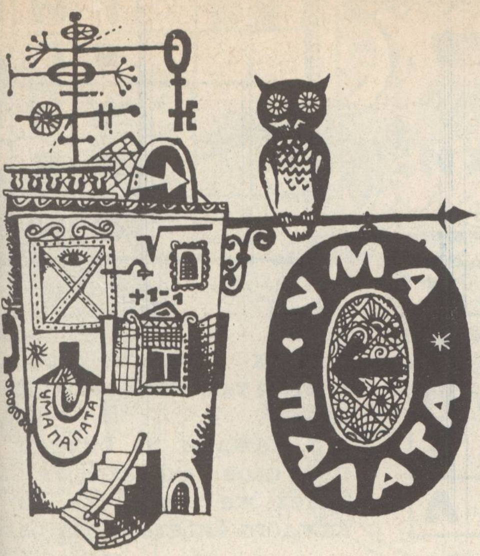

— Спасибо,— поблагодарила бабушка Белобока,— было очень интересно. Заседание закрывается. Да! Жду писем с ответами на мои вопросы!

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Записки капитана Перо-86

Чемпион обмана

1. Синий карандаш приехал в столицу резинок и поступил на работу в одну из школ преподавателем физкультуры. Резинки опасались, что это подосланный к ним разведчик

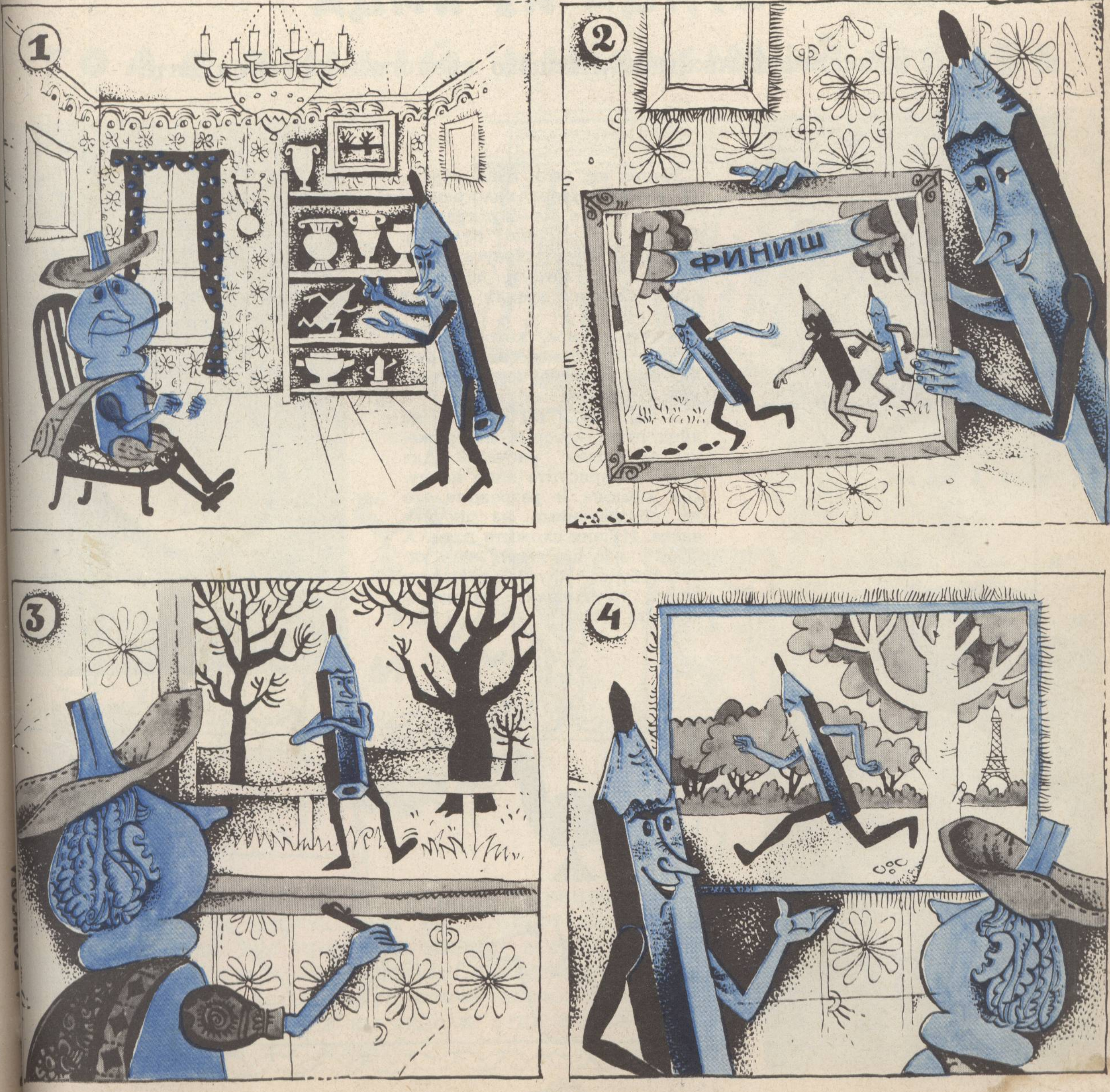
Под видом журналиста я пришел к Синему карандашу. Он стал показывать мне свои спортивные трофеи и фотографии и расхвастался.

2. — Видите, это я первым финиширую в кроссе на кубок Пеналов.

3. — А на этой фотографии я — победитель прошлогодней июльской эстафеты на приз журнала «Карандаш».

4. — Я принимал участие и в международных состязаниях. Вот я лидирую в забеге на первенство мира в Лондоне.

Я сразу понял, что Синий карандаш обманщик. Он солгал мне три раза. Не могли бы вы уличить его во лжи?

ПОЛУЧИТЕ ТРИ ПЯТЁРКИ!

			Н	И	К
			О	Л	Ь
			Т	Е	Р
			Т	И	Я
			Е	Н	Ь

			К	А	Т
			Т	О	К
			Т	А	Н
			Т	Ь	Е
			Ш	К	А

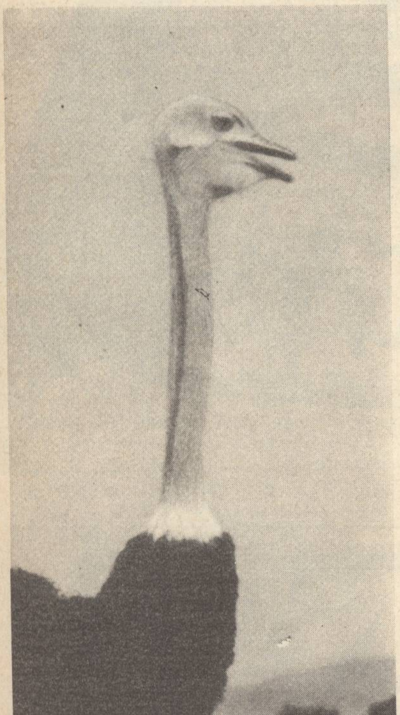
			Т	И	К
			Я	Г	А
			Ж	И	К
			О	В	А
			О	Н	А

Сегодня в нашей палате много интересных экспонатов, поэтому временно мы вводим новую систему пропусков. Вы должны получить уже не одну, а три пятерки! А для этого заполнить в трех билетах свободные клетки так, чтобы получились слова.

В каждом из билетов все пять слов начинаются с одних и тех же трех букв. Но для каждого билета слова разные.

ПТИЦА ИЗ ЯЙЦА

Сообщение Живживки, нашего лесного корреспондента

Знаете вы, что яйцо страуса весит полтора килограмма?

Посмотрите на фотографию. Видите, какое оно большое. Скорлупа у яиц страуса очень твердая, и жители африканских саванн хранят в них воду.

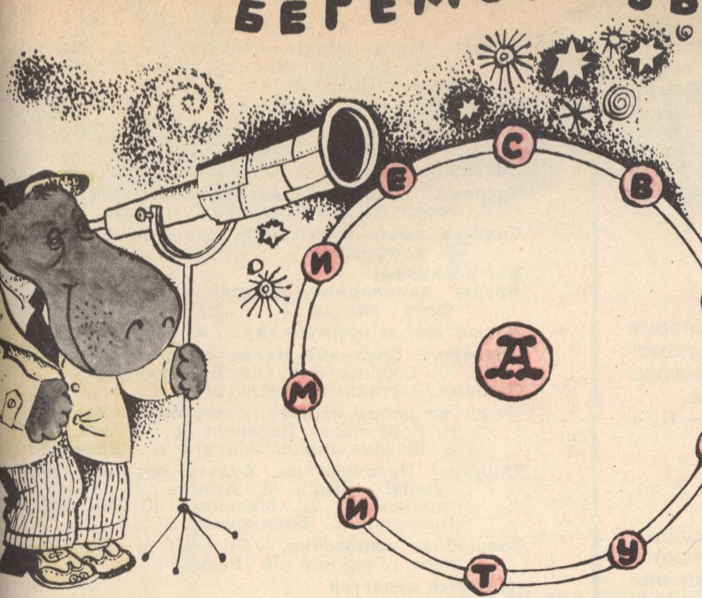
А страусенок, которого вы видите на втором снимке, разбил эту скорлупу своим крепким клювом.

А вы могли бы сделать из яйца птиц, которые изображены на нашем рисунке? Для этого перерисуйте яйцо на кусок картона и разрежьте его на обозначенные на рисунке части. Из них сложите птиц. А если у вас получатся еще какие-нибудь другие красивые птицы, то пришлите их нам в «Палату ума».

БЕГЕМОТ — ЗВЕЗДОЧЁТ

К нам пришло письмо, в котором
Утверждает бегемот,
Что лишь он один, бесспорно,
Настоящий звездочет.

К письму был приложен вот такой рисунок:

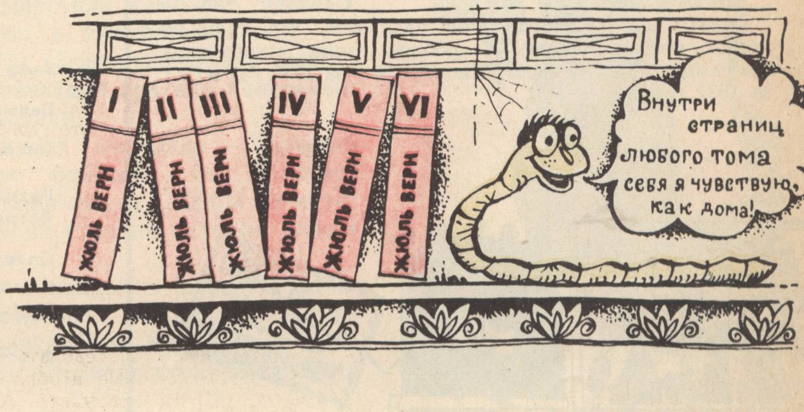
«Я,— писал бегемот,— могу прочитать на этом небосводе, соединяя буквы прямыми линиями, названия нескольких планет. Я могу соединить буквы пятью прямыми линиями так, что у меня получится название звезды, состоящее из шести букв, и из линий, которыми будут соединяться буквы, сложится пятиугольная звезда!»

А У ВАС ТАК ПОЛУЧИТСЯ?

ГОЛОДНЫЙ КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Шесть томов сочинений Жюля Верна стояли на книжной полке. В каждом томе триста страниц. Каждый том толщиной в три сантиметра.

Если голодный книжный червь начнет вгрызаться в первую страницу первого тома и проделает путь до трехсотой страницы шестого тома, какое расстояние он преодолеет? (Толщину переплетов можно в расчет не брать.)

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПРО ЧАСЫ И ПРО НОСЫ

В антикварной лавке по обе стороны старинного зеркала висят часы. Одни из них каждый час отстают на одну минуту, другие — каждый час уходят на минуту вперед.

Сейчас на обоих часах ровно 12. Скажите, через сколько часов и те и другие часы будут снова показывать одинаковое время? А сколько времени вы сидели, уткнувшись носом в бумагу, пока решали эту задачу?

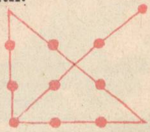
Ответы на задачи из № 1

ПОЛУЧИТЕ ПЯТЕРКУ

В стихотворение нужно вставить такие слова: «доброта», «борода», «бодра».

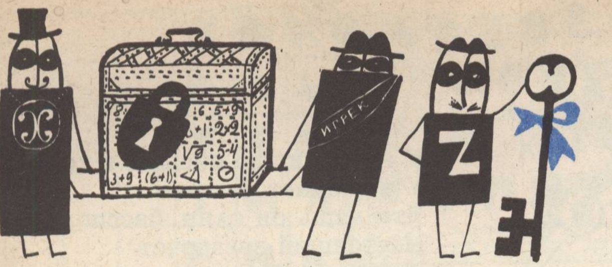
ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Вот как нужно соединить точки:

УЧИТЕСЬ ТИГРИНОМУ ЯЗЫКУ

Тигры поздравляют друг друга с Новым годом. А маленькие Тиг-Тиг и Гр-Гр говорят: «Мы не кусаемся!»

ПЯТЬ ЧИСЕЛ

Рассмотрим пять натуральных чисел, сумма которых равна 25. Если какие-то два из них — a и b — отличаются друг от друга больше чем на 1, то можно увеличить произведение этих чисел, сохранив сумму прежней.

Пусть $a < b$. Вместо a и b возьмем $(a+1)$ и $(b-1)$, а остальные числа оставим прежними. Тогда

$$(a+1) \times (b-1) = ab + (b - a - 1).$$

Так как a и b отличаются по крайней мере на 2, то второе слагаемое положительно.

Увеличивая таким образом произведение, мы дойдем до пяти чисел, никакие два из которых не отличаются друг от друга больше чем на 1. Может ли среди них быть число 6 или большее? Если бы так случилось, то все остальные числа были бы не меньше 5, и сумма пяти чисел была бы по крайней мере 26. Точно так же не может быть 4 или меньшего числа.

Значит, мы дойдем до 5,5,5,5,5. Произведение этих чисел $5^5 = 3125 < 3200$.

Шесть монет

Ответ: четыре взвешивания (доказать, что трех не хватит, весьма трудно). Подробно задачи такого типа мы разбирали в журнале «Пионер» № 5 за 1970 год и № 1 за 1971 год.

В ноябрьском конкурсе было три задачи. Первым прислал правильные решения всех трех пятиклассник **Саша Гончаров** из Никополя. Молодец!

Задачу «Не может быть» первыми одолели десятилетний **Стасик Семенов** из Свердловска, шестиклассник **Славик Юрченко** (г. Родинское, Донецкой обл.) и **Оля Филонова** из Омска.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: Хоккей. Рисунок П. Багина.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. Назарова.

Сдано в набор 1/XII 1970 г. А 00203.
Подписано к печати 6/I 1971 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 215. Заказ № 3414.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**
Редакционная коллегия:
О. И. Грекова, В. К. Железников, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.**

Оформление **К. М. Высоцкой.**

ГЕРОЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ

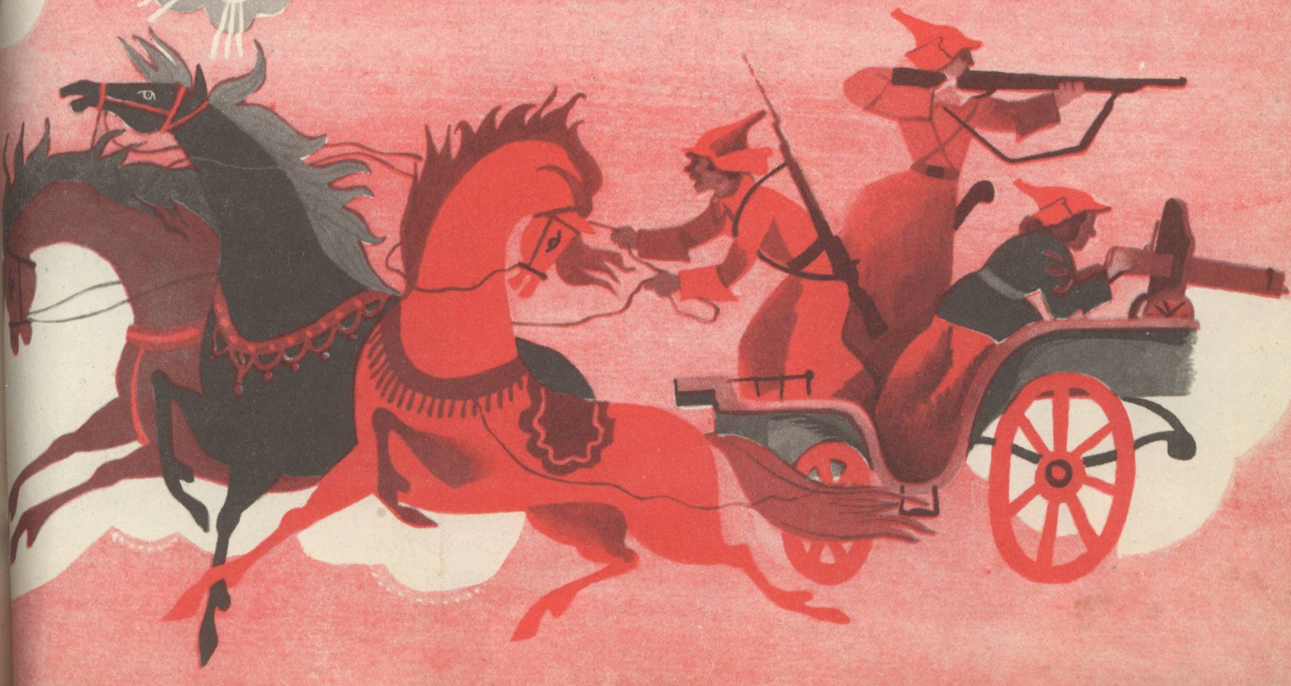
Всем вам знакомы имена героев гражданской войны — Тухачевского, Фабрициуса, Котовского, Пархоменко и многих других.

Издательство «Советский художник» выпустило комплект цветных открыток с портретами этих героев. На обратной стороне открыток напечатана краткая биография полководцев.

Комплект открыток — хороший подарок ребятам. Он помогает им познакомиться с одной из интереснейших страниц истории нашей Родины.

Купить открытки можно в книжных магазинах, распространяющих изобразительную продукцию. Двенадцать открыток стоят 26 копеек.

«СОЮЗКНИГА»

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Что говорит судья?

Я очень люблю спорт. Особенно играть в баскетбол. Играю второй год. Но не очень понимаю жесты судьи. Прошу вас, напечатайте.

Ирина Логина, 12 лет,
г. Гомель, Спортивная, 10.

P. S. Видите, я даже живу на улице Спортивной...

Просьба Иры звучит вполне убедительно, тем более к ней присоединяются и другие наши читатели.

Что же говорит судья в баскетболе, когда он вот так (**1**) поднимает кулак над головой? Говорит, что игрок совершил персональную ошибку.

2. А как сообщает номер игрока, совершившего персональную ошибку? Показывает на пальцах. Седьмой — понятно. А как показать, скажем, двенадцатого? Тогда одна рука с пальцами, сжатыми в кулак, означает десятку.

3. Мяч или игрок с мячом за лицевой или боковой линией площадки. Судья проводит рукой в воздухе в направлении боковой или лицевой линии.

4. Игрок ведет мяч двумя руками одновременно или вторично ведет мяч. Руки судьи, вытянутые ладонями вниз, попеременно поднимаются.

5. Игрок нарушил правила поворота, ходьбы или бега с мячом. Кулаки выполняют вращательное движение.

6. Игрок прыгнул и приземлился с мячом в руках. Судья показывает это движением вытянутых рук вверх и вниз.

7. Совершено нарушение, за которое назначается спорный бросок. Тут жест судьи понятен.

8. Нарушено правило «трех секунд». Одна рука с расставленными пальцами (мизинец и большой палец прижаты к ладони) вытянута в направлении запретной зоны, где произошло нарушение, другая обращена к противоположной запретной зоне.

9. Засчитано два очка. Двумя поднятыми руками, согнутыми в кистях, судья делает несколько движений вниз и вверх. Если засчитано одно очко, жест тот же, только одной рукой.

10. Минутный перерыв.

11. Назначается штрафной бросок за техническую ошибку.

12. Игрок выполняет один штрафной бросок. Рука судьи с открытой ладонью вытянута вверх и согнута в локте.

13. Введение мяча из-за боковых линий. Одна рука, опущенная вниз, показывает место, откуда вводить мяч в игру, другая обращена в сторону щита противника.

14. Мяч, заброшенный в корзину, не засчитывается. Судья делает движение, скрещивая руки перед собой.

15. Рука судьи с открытой ладонью, поднятая над головой, останавливает секундомер.

Расшифровать язык жестов нам помогла В. М. Ерофеева, заслуженный тренер РСФСР, судья международной категории.

